Его Высокопревосходительству

Вице-председателю

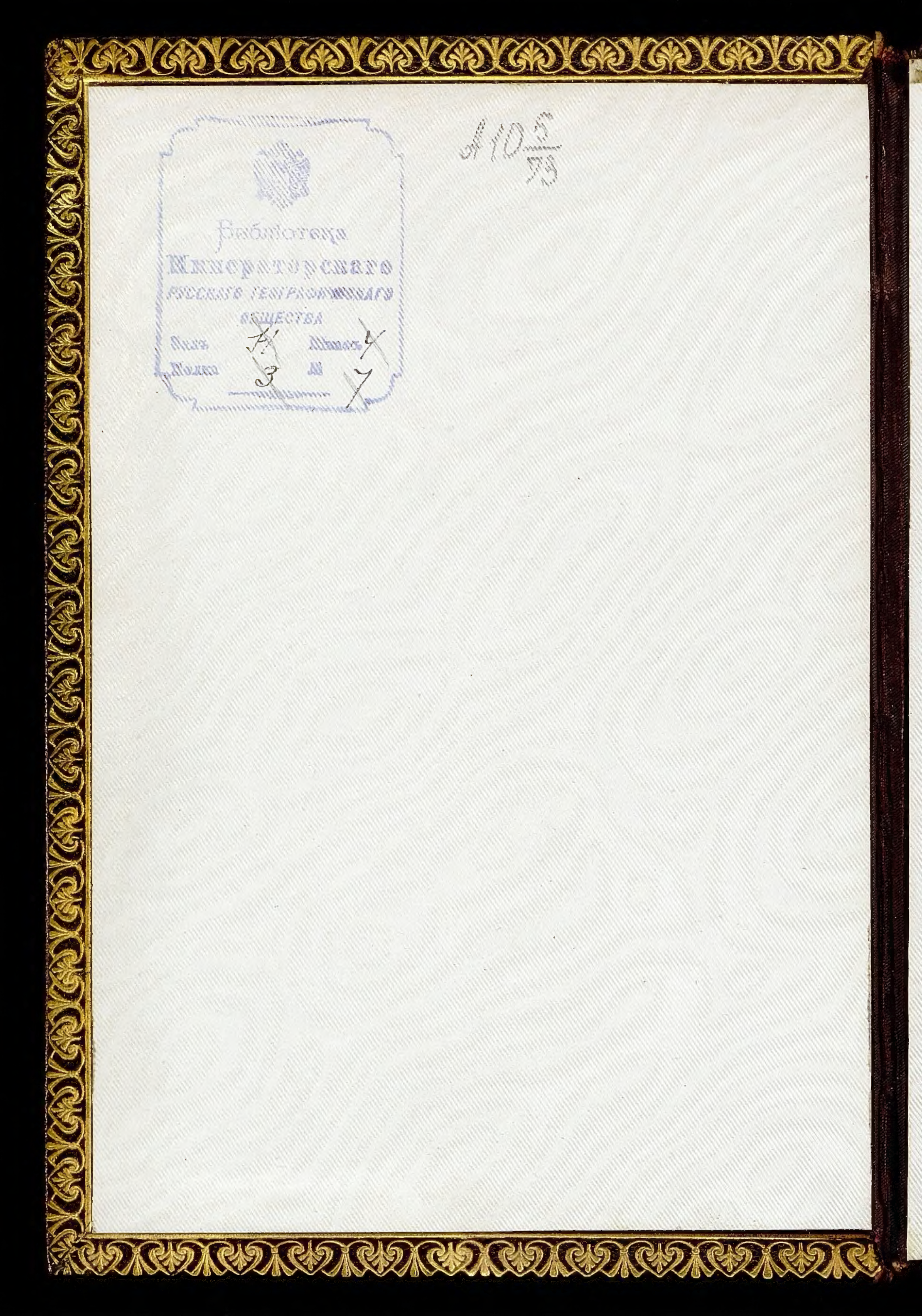
ИМПЕР. РУССКАГО ГЕОГРАФИЧ. ОБЩЕСТВА

Петру Петровичу

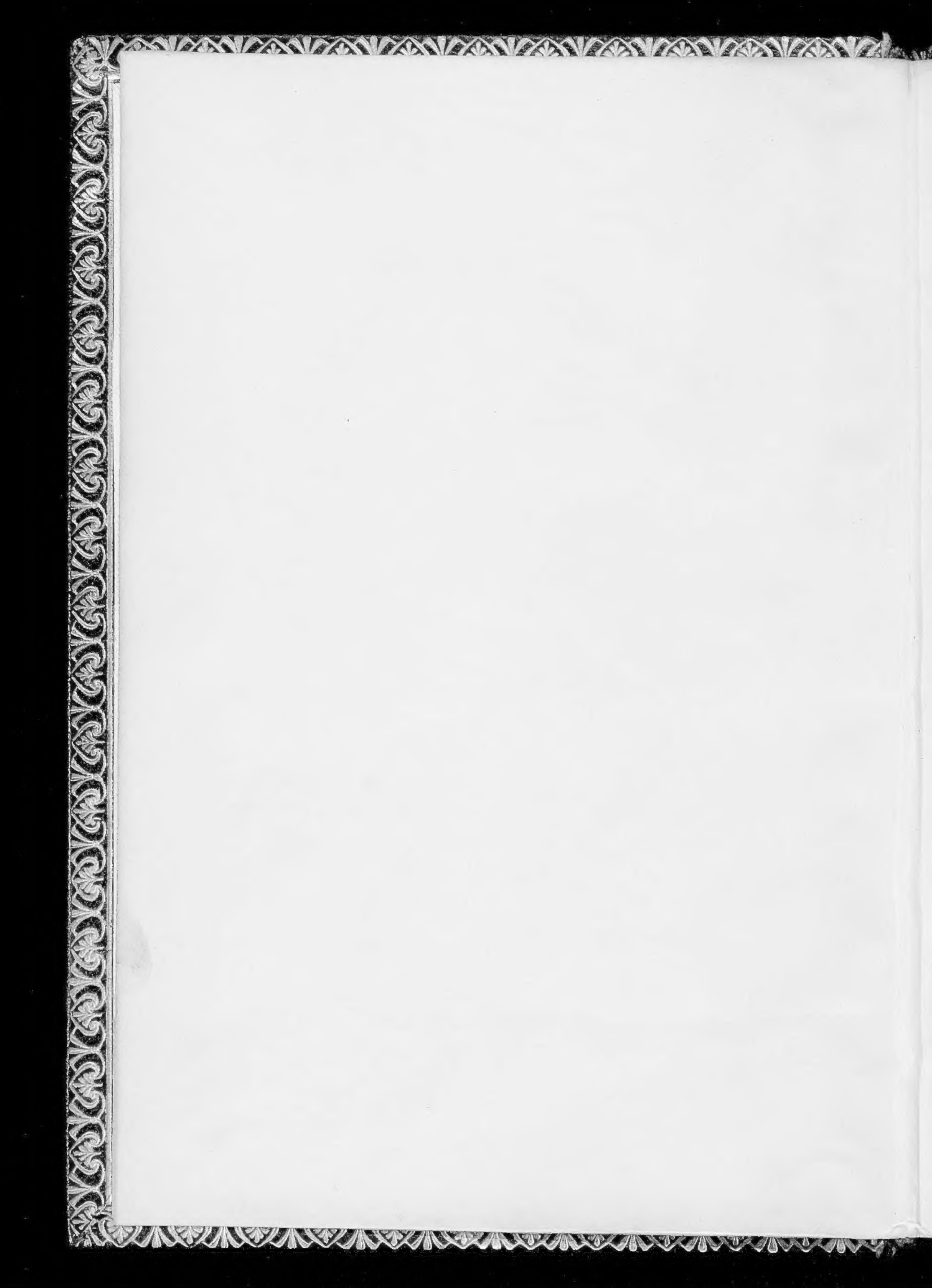
Семенову.

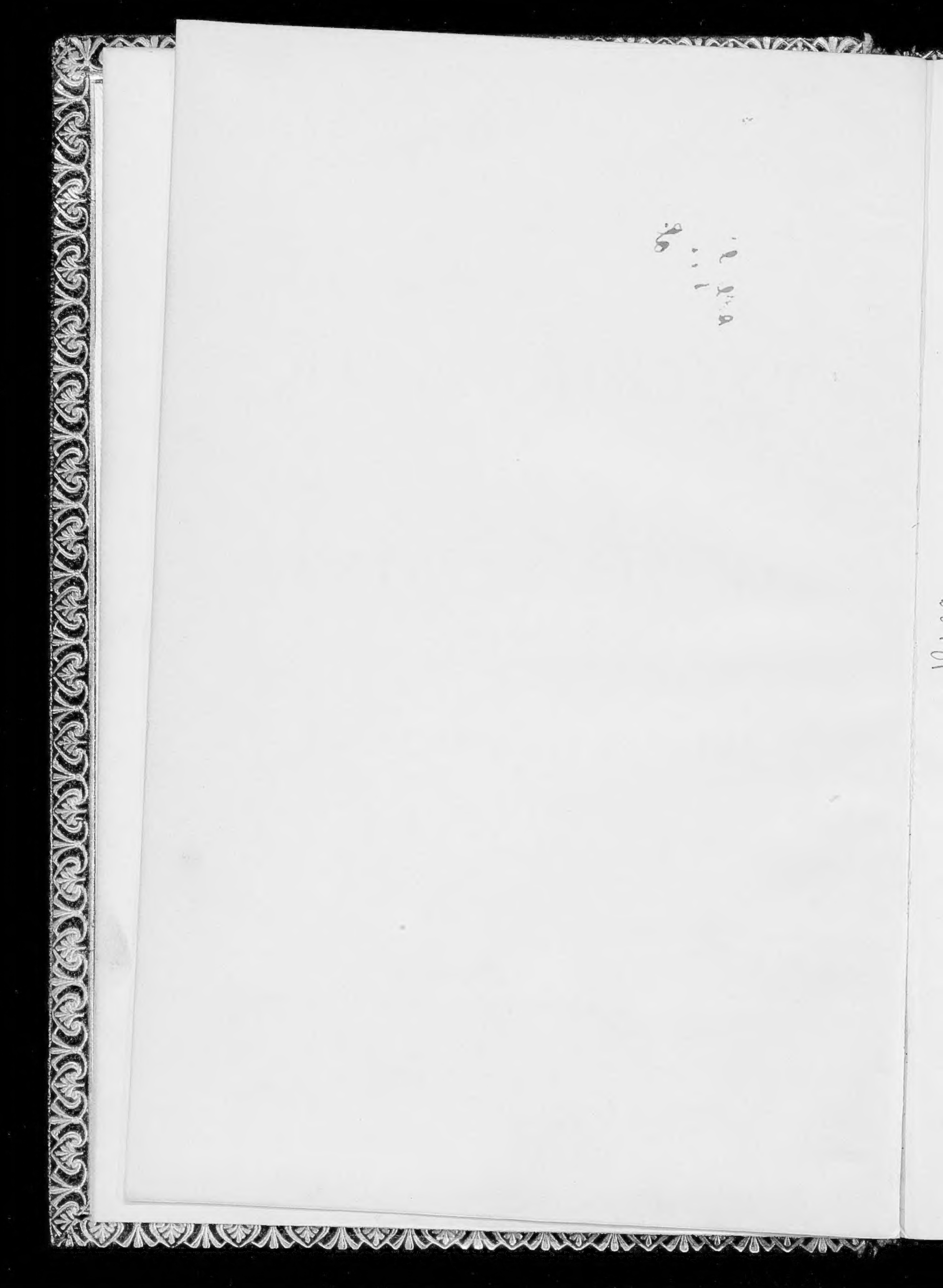
Съ чувствомъ глубокаго уваженія

АВТОРА.

П. РОССОВЪ.

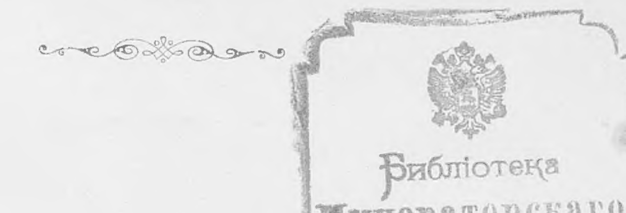
РУССКІЙ КИТАЙ.

ОЧЕРКИ

ЗАНЯТІЯ КВАНТУНА

и

БЫТА ТУЗЕМНАГО НАСЕЛЕНІЯ

ПОРТЪ-АРТУРЪ
Изданіе книжнаго склада „Новый Край“.
1901.

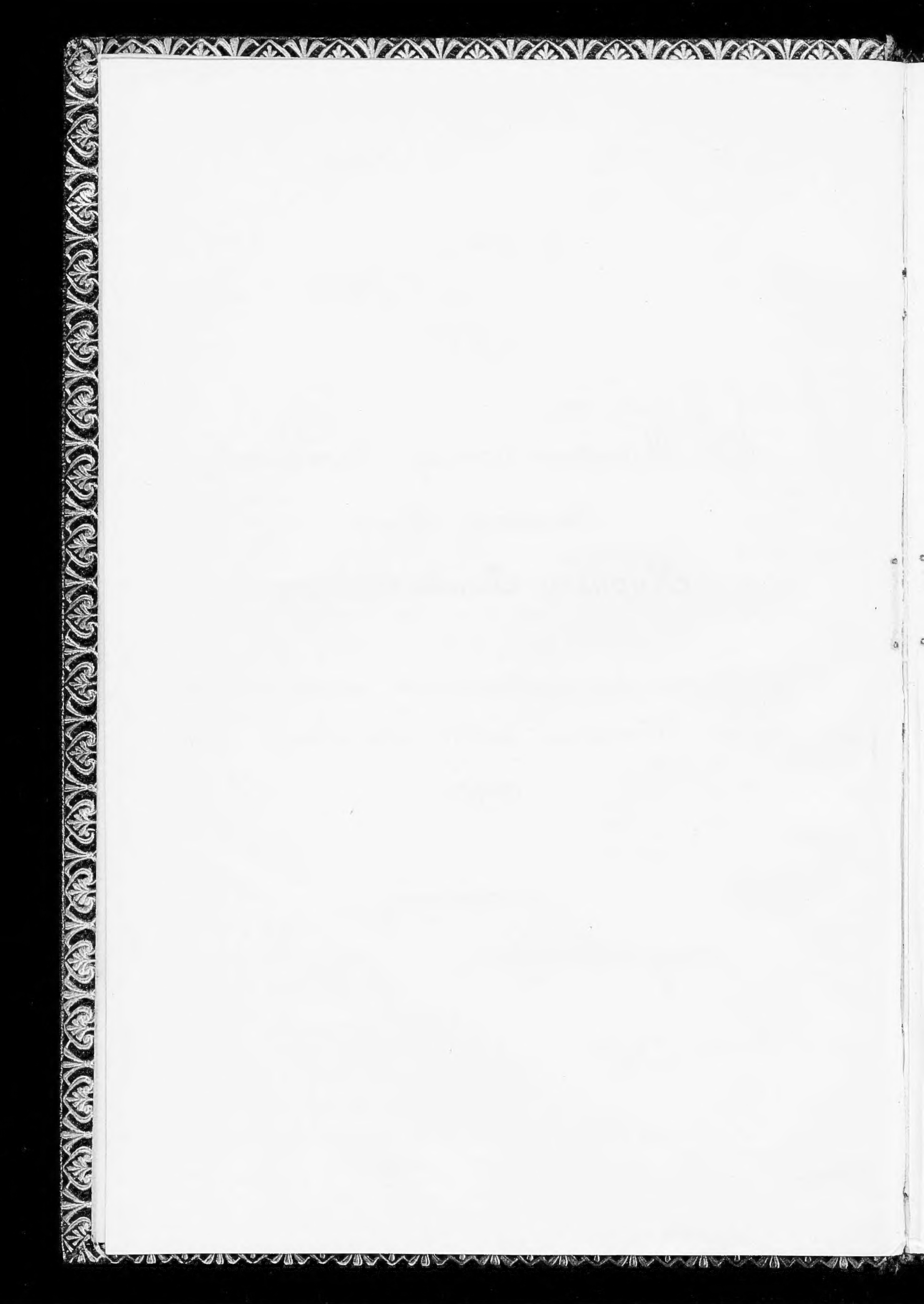
Дозволено цензурою 14 Іюля 1901 года.
Портъ-Артуръ. Типографія газеты „Новый Край“.

Его Императорскому Высочеству

Великому Князю

Кириллу Владиміровичу

и всѣмъ соотечественникамъ, потрудившимся на Квантунѣ, посвящаетъ авторъ свой трудъ.

ОТЪ АВТОРА.

Въ короткихъ словахъ я позволяю себѣ объяснить, откуда почерпнуты мною матеріалы для настоящаго труда и какимъ образомъ онъ изъ архива офиціальнаго учрежденія появился на судъ читающей публики.

Осенью 1896 года я былъ командированъ въ Китай для изученія резговорнаго и письменнаго китайскаго языка, которымъ началъ заниматься еще въ Хабаровскѣ. Находясь сначала въ Пекинѣ, а затѣмъ въ Тяньцзинѣ въ распоряженіи военннаго агента генеральнаго штаба полковника (нынѣ генералъ-маіора) К. И. Вогакъ, я имѣлъ обширную практику какъ въ письменномъ, такъ и въ разговорномъ китайскомъ языкѣ, а именно въ такъ называемомъ **гуань-хуа** или мандаринскомъ діалектѣ. Попутно съ изученіемъ языка я знакомился со страною и самими китайцами.

Прибывъ на Квантунъ за три дня до поднятія русскаго флага, я оставался въ его предѣлахъ почти безвыѣздно до 3-го марта 1900 года. Во время своихъ частыхъ командировокъ по Квантунскому полуострову я имѣлъ широкую возможность знакомиться съ бытомъ населенія, къ чему уже былъ достаточно подготовленъ предъидущими поѣздками по Чжилійской провинціи и изученіемъ разговорнаго и письменнаго китайскаго

языка. Съ начала Января до Іюня 1899 г. я почти все время прожилъ среди сельскаго населенія Квантунской области, первое время руководя сборомъ податей на сѣверномъ участкѣ занимаемой территоріи, а затѣмъ будучи командированъ для содѣйствія администраціи желѣзной дороги и порта Дальняго въ дѣлѣ отчужденія земель. Исполняя около полугода обязанности дипломатическаго чиновника при начальникѣ полуострова и имѣя непосредственныя сношенія съ китайскими чиновниками, я неоднократно бывалъ въ автономномъ (тогда) городѣ Цзиньчжоу и иногда жилъ тамъ по нѣскольку дней.

Такимъ образомъ втеченіи одного съ половиною года пребыванія въ Чжилійской провинціи и двухъ лѣтъ на Квантунѣ я успѣлъ достаточно освоиться съ китайскимъ языкомъ, а благодаря послѣднему ознакомиться съ бытомъ и нравами китайцевъ.

Занятый сначала изученіемъ языка, а затѣмъ исполненіемъ обязанностей службы, я не имѣлъ достаточно времени изучить Китай по литературнымъ источникамъ, но все же я прочелъ главнѣйшее изъ написаннаго на русскомъ языкѣ. Я ознакомился съ наиболѣе интересными трудами отца Іакинфа Бичурина, архимандрита Палладія и профессоровъ Васильева и Георгіевскаго. Слѣдя за тѣмъ, что появлялось интереснаго о Китаѣ въ періодической прессѣ, я ознакомился со статьями П. С. Попова и Д. Д. Покатилова въ „Вѣстникѣ Европы“. „Сборникъ матеріаловъ по Азіи“, издаваемый военно-ученымъ комитетомъ Главнаго Штаба съ весьма цѣнными трудами по Китаю генераловъ Барабаша и Путяты, а также и полковника Вогакъ тоже былъ тщательно просмотрѣнъ мною. Съ богатыми и интересными матеріалами, представляемыми книгою

И. Я. Коростовецъ „Китайцы и ихъ цивилизація" я познакомился какъ только она появилась въ свѣтъ.

Очерки быта туземнаго населенія занимаемой территоріи Ляодуна первоначально были написаны мною по приказанію бывшаго Начальника Квантунскаго полуострова генералъ-маіора Д. И. Суботича и по минованіи надобности въ нихъ, какъ въ матеріалахъ для составленія Всеподданнѣйшаго отчета, оставлены мною въ канцеляріи Гражданскаго Отдѣленія Штаба войскъ Квантунскаго полуострова. Затѣмъ когда П. А. Артемьевъ, собирая матеріалы для изданія своей газеты „Новый Край", выразилъ намѣреніе воспользоваться ими для печати, я, не измѣняя общаго плана своей работы, пересмотрѣлъ, дополнилъ и обработалъ то, что было уже написано раньше. Такимъ образомъ очеркъ утвержденія русской власти на Квантунѣ былъ значительно расширенъ и выдѣленъ въ особую часть.

Часть III—Мѣропріятія, способствующія поднятію благосостоянія и культурности страны, а также обрусѣнію туземца—была первоначально составлена мною въ видѣ докладной записки для представленія Главному Начальнику Квантунской области вице-адмиралу Е. И. Алексѣеву.

Имѣя въ виду появленіе въ печати этихъ очерковъ, написанныхъ въ разное время и главнымъ образомъ съ служебною цѣлью,—я старался придать имъ законченность и сдѣлать ихъ возможно содержательнѣе, но, не располагая ни временемъ, ни возможностью пользоваться въ Портартурѣ тѣми источниками, которые были мнѣ необходимы, я, къ крайнему своему сожалѣнію, вскорѣ убѣдился, что полученный результатъ весьма далекъ отъ желательнаго. Какъ бы тамъ ни было, но наступилъ моментъ, когда я долженъ былъ передать свой трудъ въ руки наборщика, ясно созна-

вая всѣ его недостатки. Это сознаніе было тѣмъ болѣе непріятно мнѣ, что настоящій трудъ—первое произведеніе моего пера, съ которымъ я выступаю передъ публикою.

Я позволяю себѣ надѣяться на снисходительность своихъ читателей. Если примутъ во вниманіе, что у насъ такъ мало о Китаѣ, что распространеніе въ русскомъ обществѣ свѣдѣній объ этой странѣ весьма желательно и что Квантунская область—**Русскій-Китай**—совсѣмъ почти*) неизвѣстна для насъ русскихъ; если, повторяю я, примутъ все это во вниманіе, то быть можетъ и не станутъ порицать меня за попытку дать краткій очеркъ утвержденія русской власти на Квантунѣ и описаніе быта туземнаго населенія этой отдаленнѣйшей окраины Россійской Имперіи.

П. Россовъ.

Портъ-Артуръ,
2-го іюня 1900 г.

*) Я говорю „почти“ потому что имѣются: „Описаніе Квантунской области“, составленное ген. шт. капитаномъ Самойловымъ и изданное Главнымъ Штабомъ, и брошюры г.г. Покотилова и Чешева, Котвича и Бродовскаго, изданныя министерствомъ финансовъ. Всѣ эти три книги выпущены въ весьма ограниченномъ числѣ экземпляровъ.

Отъ издателя.

Настоящіе очерки являются первыми въ ряду задуманныхъ издательствомъ „Новаго Края" очерковъ водворенія русскаго вліянія въ новопріобрѣтенной Россіею территоріи въ Китаѣ.

Обстоятельства военнаго времени истекшаго года отвлекли всѣхъ Квантунцевъ отъ мирныхъ занятій.

Не избѣгли этой участи и здѣшніе первые дѣятели печатнаго слова, и типографія „Новаго Края" на продолжительное время была лишена своихъ работниковъ, призванныхъ подъ знамена.

Вотъ почему появленіе въ свѣтъ настоящаго изданія запоздало.

Тѣмъ временемъ положеніе наше въ Китаѣ значительно измѣнилось—мы несравненно тверже стали на занятой нами территоріи, и вмѣстѣ съ тѣмъ сфера нашего фактическаго вліянія въ Китаѣ расширилась.

Поэтому то, что составляло въ 1899 году въ сказанномъ отношеніи предметъ мечтаній автора въ сравнительно отдаленномъ будущемъ, нынѣ, частью подъ вліяніемъ болѣе широкихъ полномочій вновь назначеннаго Главнаго Начальника Квантунской области Генералъ-Адъютанта Е. И. Алексѣева, частью подъ давленіемъ послѣднихъ политическихъ событій въ Китаѣ, уже сдѣлалось совершившимся, безповоротнымъ, фактомъ.

Пресловутая автономія Цзиньчжоу, 15-го іюля 1900 г., съ занятіемъ войсками этого города, разъ навсегда, пала, и III часть очерковъ, о которой авторъ упоминаетъ въ своемъ предисловіи, утратила интересъ для читателя, а потому и не вошла въ настоящее изданіе.

На смѣну уже осуществленныхъ мечтаній выдвинулись другія неотложныя нужды русской миссіи на Дальнемъ Востокѣ.

Этимъ-то новѣйшимъ, многозначительнымъ, задачамъ мы надѣемся въ ближайшемъ будущемъ посвятить свои издательскія силы.

Тѣмъ не менѣе, намъ кажется, что предлагаемые вниманію читателей очерки, а въ особенности II часть ихъ, при бѣдности нашей литературы о Китаѣ, должны заинтересовать каждаго русскаго человѣка и стяжать автору ихъ заслуженную благодарность.

Издатель.

Портъ-Артуръ.
2-го іюля 1901 года.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Часть I.

Утвержденіе русской власти на Квантунѣ.

Глава I.

Глава II.

Часть II.

Описаніе быта туземнаго населенія Квантунской области.

Глава I.

Этнографія страны.

Глава II.

Религіозныя воззрѣнія туземцевъ.

Глава III.

Народное образованіе.

Глава IV.

Общественная и семейная жизнь туземца.

Глава V.

Нравственныя воззрѣнія туземцевъ.

Глава VI.

Народное здоровье.

Глава VII.

Нравы и обычаи.

ЧАСТЬ I.

Утвержденіе русской власти на Квантунѣ.

ГЛАВА I.

Мирное занятіе Портъ-Артура и Далянвана—обрашная сторона оффиціальнаго занятія края.—Политика Цзиньчжоускихъ чиновниковъ.—Равнодушіе русскихъ піонеровъ къ туземному населенію занятой территоріи.

16-го Марта 1898 года, въ 8 часовъ утра, русскій флагъ, поднятый Его Императорскимъ Высочествомъ Великимъ Княземъ Кирилломъ Владиміровичемъ взвился на флагштокѣ Золотой горы въ Портартурѣ. Салютъ эскадры и батарей съ радостной торжественностью прогремѣлъ въ окрестностяхъ.

Оффиціально край былъ занятъ. Весь сухопутный отрядъ размѣстился въ Портъ-Артурѣ; въ Даляньванѣ высадился дессантъ съ „Дмитрія Донского", „Наварина" и „Сисоя Великаго". Всѣмъ начальникамъ были даны строгія инструкціи къ охраненію въ мѣстности порядка и бдительному наблюденію за населеніемъ и могущими появиться китайскими войсками. Но всѣ предосторожности оказались излишними. Не, станемъ говорить о Портъ-Артурѣ, гдѣ сила отряда превышала 1000 человѣкъ, а потому представлялась сравнительно внушительной.

Небольшой отрядъ моряковъ, недостигавшій и 200 человѣкъ, при 4-хъ дессантныхъ орудіяхъ, былъ встрѣченъ въ Даляньванѣ собравшейся на берегу толпою окрестныхъ жителей въ нѣсколько тысячъ человѣкъ съ сосредоточеннымъ, но полнымъ спокойствія, вниманіемъ. Повидимому, музыка, блестящіе мундиры офицеровъ и бравый видъ матросовъ со

сверкавшими на солнцѣ вооруженіемъ и амуниціей доставляли туземцамъ не мало удовольствія;—по всему можно было замѣтить, что иностранные пришельцы заслужили одобреніе толпы и сразу завоевали ея симпатіи. 4 матроса высланные отъ высадившагося заранѣе патруля (8 матросовъ, 1 лейтенантъ и одинъ подпоручикъ, онъ же и переводчикъ) для сохраненія порядка въ толпѣ при выходѣ десанта не берегъ, не встрѣтили надобности проявлять свою дѣятельность: тузецы стояли очень чинно, весьма заинтересованные необычайнымъ для нихъ зрѣлищемъ дефилировавшаго отряда.

На фонѣ этой картины высадкӑ десанта въ Даляньванѣ виденъ миролюбивый характеръ туземца. Занятіе Китайской территоріи было вполнѣ мирнымъ, какъ справедливо говорилось о томъ въ дипломатической перепискѣ и воззваніяхъ къ народу. Воззванія, изданныя отъ имени Командующаго эскадрой въ Тихомъ океанѣ контръ-адмирала Дубасова, а также и отъ имени Китайскихъ властей возвѣщали ему о дружественной уступкѣ въ 25-ти-лѣтнее арендное пользованіе Россіи южной части Ляодунскаго полуострова до Пицзыво и Порта-Адамса. Туземцы читали эти возванія съ интересомъ, но никакихъ особенныхъ чувствъ не выказывали. Обыденная жизнь страны пошла своимъ порядкомъ.

Хотя возванія къ народу о занятіи края русскими и были разосланы по территоріи, но на самомъ дѣлѣ русскіе нигдѣ кромѣ Портъ-Артура и Даляньваня своего присутствія не проявляли, если не считать нѣсколькихъ рекгносцировочныхъ партій, занимавшихся съемочными работами подъ руководствомъ Генеральнаго Штаба Капитановъ Илинскаго и Самойлова.

Цзиньжоу, бывшій доселѣ административнымъ и торговымъ пунктомъ страны, оставался въ прежней силѣ. Власть китайскихъ чиновниковъ фактически нисколько не уменьшилась, и авторитетъ ихъ въ глазахъ народа не только не поколебался, но даже первое время возросъ. Китайскіе чиновники и ученые, конечно, сразу сознали истинное положеніе вещей и рѣшили, что если сила обстоятельствъ вынуждаетъ ихъ уступить свое вліяніе въ странѣ иностранцамъ, число которыхъ все возрастаетъ и противостоять которымъ нѣтъ никакой возможности, то по крайней мѣрѣ не уступать имъ безъ борьбы своего привилигированнаго положежженія и насколько можно постараться дискредитировать ихъ въ глазахъ народа. Они, не сговариваясь между собою, а слѣдуя лишь естественному инстинкту самохраненія, дружно сплотились въ борьбѣ съ надвигающимся въ лицѣ иностранцевъ зломъ и искусно пользуясь случаемъ, постарались внушить народу превратное понятіе о пришельцахъ, которые массѣ были извѣстны только по наслышкѣ, такъ какъ почти нигдѣ еще кромѣ Портъ-Артура и Даляньваня не показывались. Офиціальное объявленіе о передачѣ края во владѣніе русскихъ властей китайскіе чиновники и ученые поспѣшили ловко растолковать въ свою пользу.

По ихъ объясненію русскіе войска являлись какъ наемники, призванные китайскимъ правительствомъ для охраны страны отъ японцевъ, сопротивляться которымъ туземныя войска никакъ не могутъ, потому что «низкорослые варвары» употребляютъ въ войнѣ разные коварные способы, которые крайне неблагодарны и для порядочныхъ людей совсѣмъ непозволительны. Гдѣ же, напримѣръ, видано, чтобы нападать на людей ночью, когда они спятъ, и злодѣйски умерщвлять ихъ раньше, чѣмъ они проснутся, или под-

крадываться въ дождливую погоду къ, отряду, который мирно расположился бивакомъ для отдыха!? Кромѣ того японцы употребляютъ различныя жестокія орудія войны, дѣйствіе коихъ самое смертоносное. Этимъ они выказываютъ, что забыли о принципахъ нравственности и тактики, которые гласятъ, что на войнѣ нужно не убивать безразсудно людей, а только побѣждать ихъ. Конечно, чтобы бороться съ такими злодѣями, слѣдуетъ противопоставить имъ варваровъ, не менѣе хитрыхъ и коварныхъ. Русскіе всегда были дружны съ Китаемъ, и отрядъ русскихъ воиновъ издавна находится на службѣ у Богдыхана (намекъ на казаковъ, плѣненныхъ въ 1684 г. въ Албазинѣ и приведенныхъ въ Пекинъ, гдѣ они съ теченіемъ времени окитаялись). Вотъ по этому то русскихъ и выбрали для охраны края. Русскіе, конечно, хотя и иностранные варвары, крайнѣ невѣжественные (такъ какъ не знаютъ ни китайскихъ обычаевъ, ни іероглифовъ, которые японцы все же умѣли разбирать) грубые и развратные, но какъ бы тамъ ни было сравнительно съ другими они довольно добродушны и съ ними слѣдуетъ жить мирно; не мѣшало бы даже поучиться у нихъ кой какимъ хитростямъ. Только не хорошо, если эти бѣлолицые черти, постоянно склонные къ разному своевольству, вздумаютъ обогащаться на счетъ жителей сборомъ податей и друхъ налоговъ, взимать которые, какъ извѣстно, есть исконное и неотъемлемое право китайскихъ чиновниковъ.

Впрочемъ, чтобы сохранить въ странѣ миръ и спокойствіе и чтобы избавить населеніе отъ насилій и всякихъ непріятностей со стороны пришельцевъ, пожалуй, можно было бы согласиться на уступку податей и налоговъ въ ихъ пользу. Но они, вѣдь, не удовольствуются законной частью, а по своей жаднос-

ти потребують вдвое а то и втрое, т. е. въ томъ же размѣрѣ, въ какомъ требуютъ отъ своихъ крестьянъ, бѣдность которыхъ всѣмъ извѣстна, такъ какъ они ничего другого не ѣдятъ кромѣ чернаго хлѣба и дохлой конины. А кромѣ того всѣ эти заморскіе дьяволы очень сладострастны и какъ только станутъ ѣздить по деревнямъ собирать подати да увидятъ женщинъ, такъ сейчасъ и будутъ забирать себѣ тѣхъ, которыя покрасивѣй, потому что въ ихъ странѣ женщинъ мало да и при томъ всѣ слишкомъ развратны, а также красивыя очень рѣдки—все сухопарыя и костистыя. Поэтому у нихъ кажется, рѣшено, чтобы всѣхъ здѣшнихъ молодыхъ дѣвицъ, какія получше, отправить въ свою страну. Тамъ ихъ будутъ лишать не винности и продавать, окаторыхъ купить никто не захочетъ, такъ отошлютъ обратно къ родителямъ. Конечно, населеніе не должно позволять русскимъ разныхъ самоуправствъ и обидъ, а если таковыя и случатся, то слѣдуетъ немедленно заявлять объ этомъ властямъ (китайскимъ), которыя розыщутъ виновныхъ и строго взыщутъ съ нихъ. Для этого и оставлена мѣстная администрація въ г. Цзиньчжоу, куда русскіе не смѣютъ ходить безъ позволенія, хоть имъ и разрѣшено селиться во всѣхъ другихъ мѣстахъ полуострова. Русскіе конечно будутъ врать,—такъ какъ всѣ западные варвары очень наглы и хвастливы,—что они имѣютъ право хозяйничать въ странѣ и что они прогонятъ мандариновъ изъ Цзиньчжоу, но всемъ понятно, что это все только одно бахвальство, потому что если они позволятъ себѣ неуваженіе ко властямъ, то ихъ сейчасъ же расчитаютъ и и прогонятъ вонъ. Недаромъ же у цзянь-цзюня (въ Мукденѣ) 100,000 войска, да изъ Чжили, если нужно будетъ, пришлютъ еще 300,000 человѣкъ. Конечно и народъ долженъ будетъ помочь властямъ, если понадобится укротить негодныхъ наемниковъ.

Такими нелѣпыми разсказами объяснялось населенію появленіе въ краѣ русскихъ, которые къ остальной, кромѣ Портартура и Даляньваня, территоріи долгое время никакого интереса не выказывали и своимъ индиферентнымъ отношеніемъ къ туземцамъ какъ бы подтверждали въ сознаніи народа убѣжденіе, что хозяева въ странѣ не они, а по прежнему Цзиньчжоуские мандарины, которые, конечно, не упускали случая къ усиленію своего авторитета въ глазахъ населенія, какъ это видно изъ слѣдующаго инцидента.

Въ ночь съ 26-го на 27-е Марта въ нашъ патруль неизвѣстно кѣмъ и откуда, но, какъ будто, со стороны г. Цзиньчжоу было сдѣлано нѣсколько выстрѣловъ. На запросъ, сдѣланный объ этомъ фудутуну, послѣдній обходя молчаніемъ самый фактъ стрѣльбы по русскимъ, объяснилъ, что въ странѣ послѣ ухода китайскихъ войскъ появилось много бѣглыхъ солдатъ и разбойниковъ и что поэтому имъ уже усиленъ гарнизонъ города. Контръ-адмиралъ Дубасовъ, справедливо считая такой отвѣтъ слишкомъ наивнымъ, потребовалъ немедленнаго удаленія гарнизона изъ города и командировалъ въ Даляньвань двѣ роты 4-го В.-С. стрѣлковаго баталіона, нынѣ 9-го полка. Все было готово, чтобы занять городъ русскими войсками и покончить съ Цзиньчжоускими властями, доставившими впослѣдствіи столько зла и непріятностей туземному населенію и русской администраціи, но повѣренный въ дѣлахъ нашей дипломатической миссіи въ Пекинѣ Камеръ-юнкеръ Павловъ отнесся не одобрительно къ намѣренію адмирала Дубасова, и г. Цзиньчжоу занятъ не былъ.

Китайскіе чиновники тотчасъ же обнаружили свою нахальную полику, которой они неустанно слѣдовали все время и продолжаютъ слѣдовать и теперь. Они

обратились къ младшему флагману, контръ-адмиралу Реунову, съ предложеніемъ поставить свои войска въ Даляньванѣ для совмѣстной охраны этого пункта и дѣйствій противъ разбойниковъ, размножившихся въ странѣ, Конечно, на такое предложеніе они получили самый категоричный отказъ. Но такъ какъ бродяги дѣйствительно расплодились въ странѣ, и населеніе страдало отъ грабежей и разбоевъ, а русская администрація не принимала ни какихъ мѣръ для возстановленія порядка и выказывала свое вниманіе лишь исключительно по отношенію къ Портартуру и Даляньваню, то китайскіе чиновники не замедлили воспользоваться всѣмъ этимъ для поддержанія своего престижа въ глазахъ населенія и для дискредитированія русскихъ.

Населенію втолковалось, что русскіе наемники оказались людьми крайнѣ недобросовѣстными и лѣнивыми и отказались дѣйствовать противъ разбойниковъ, ссылаясь на то, что они обязаны охранять страну отъ внѣшняго непріятеля, а потому кромѣ постройки казармъ и укрѣпленій въ Портъ-Артурѣ и Даляньванѣ ничего знать не хотятъ. А вмѣстѣ съ тѣмъ на охрану страны китайскими войсками не соглашаются, говоря, что ихъ солдаты не любятъ чужихъ, могутъ съ ними перессориться и тогда произойдутъ большія непріятности. Конечно заморскіе черти до нѣкоторой степени правы, и если ужь китайцы сдѣлали ошибку, впустили въ страну такихъ непріятныхъ и недисциплинированныхъ людей, то нужно всячески стараться сохранить съ ними дружественныя отношенія. Поэтому населенію будетъ оказываться противъ разбойниковъ посильная помощь тѣми средствами, какія имѣются въ настоящее время въ распоряженіи властей.

Такимъ образомъ въ народѣ укрѣплялось сознаніе,

что все ихъ упованіе и защита въ Цзиньчжоускихъ властяхъ и что русскіе пришельцы—люди крайне опасные и подозрительные, отъ которыхъ ничего хорошаго ожидать нельзя. Подъ вліяніемъ Цзиньчжоускихъ мандариновъ у населенія мало по малу складывалось очень опредѣленное, но, къ сожалѣнію, совершенно ложное и крайнѣ неблагопріятное представленіе о русскихъ.

Русскіе же не заботились о томъ чтобы, сближеніемъ съ населеніемъ разсѣять всѣ нелѣпыя выдумки Цзиньчжоускихъ чиновниковъ. Генеральнаго штаба капитанъ Самойловъ, производившій рекогносцировку занятой территоріи съ цѣлью описанія ея сообщаетъ:

«Прошло уже 9 мѣсяцевъ съ тѣхъ поръ какъ мы «уже заняли Ляодунъ, но населеніе насъ еще не «знаетъ, да, вѣроятно, и не признаетъ покуда сущест- «вуетъ автономность Цзиньчжоу. Какъ удастся обойти «этотъ щекотливый вопросъ—неизвѣстно, но покуда «существуетъ Цзиньчжоу, существуетъ и тяготѣніе къ нему».

«Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ не были еще русскія вой- «ска, заѣзжающихъ русскихъ принимаютъ за японцевъ «и, по всей вѣроятности, такъ и остаются съ этой увѣ- «ренностью. Кромѣ японцевъ, населеніе Ляодуна, ка- «кажется, другой націи и не знаетъ. Очень часто удив- «ляются, какъ это мы не можемъ читать по китайски, «когда японцы все понимали».

И такъ автономія административнаго центра территоріи, переданной въ наше пользованіе съ одной стороны, и равнодушіе піонеровъ русской колонизаціи съ другой стороны создали то ненормальное положеніе страны, въ какой она находится по сіе время и

въ какомъ она будетъ пребывать, пока китайскіе мандарины не перестанутъ распоряжаться изъ за стѣнъ Цзиньчжоу, неприступныхъ для русской администраціи въ силу ненарушимости дипломатическихъ соглашеній.

Всѣ эти ненормальныя условія особенно сильно сказались на первыхъ порахъ установленіемъ гражданскаго управленія страною.

Послѣ поднятія 16-го Марта 1898 года русскаго флага въ Портартурѣ и Даляньванѣ часть Ляодунскаго полуострова къ югу отъ Пицзиво и Портъ-Адамса стала офиціально признаваться находящейся въ распоряженіи русскихъ. На самомъ же дѣлѣ, какъ видно изъ вышесказаннаго, власть и вліяніе русскихъ піонеровъ не простиралась за предѣлы Портъ-Артура и Даляньваня: вся прочая часть уступленной территоріи была совершенно игнорирована русской администраціей и фактически продолжала находиться въ распоряженіи Цзиньчжоускихъ чиновниковъ.

ГЛАВА II.

Разграничительная коммиссія.—Русское гражданское управленіе страною.—Борьба съ вліяніемъ Цзиньчжоускихъ властей.—Месть Цзиньчжоускихъ властей.—Безсиліе Цзиньчжоускихъ интригановъ.—Главныя измѣненія въ бытѣ страны со времени занятія ее русскими.—Переселенческая пропаганда китайскаго правительства.

Разграничительная коммиссія и прибытіе чиновъ временнаго гражданскаго управленія страною—два явленія, съ которымъ начинается новая эра въ жизни Квантуна.

На сколько китайскія власти пренебрегали рус-

скими піонерами и на сколько ложно населеніе понимало новый порядокъ, видно изъ слѣдующаго случая. Полковникъ Цзиньчжоускаго знаменнаго войска Гао-вань-мэй, назначенный китайскимъ правительствомъ въ коммиссію по проведенію границы, прибывъ въ Портъ-Артуръ, распоряжался какъ бы въ стѣнахъ своего родного Цзиньчжоу; онъ требовалъ отъ окрестныхъ жителей уплаты податей съ тѣхъ казенныхъ земель, часть сбора съ коихъ, по установленному китайскому порядку, шла въ его собственную пользу. Туземцы, несмотря на обнародованныя воззванія адмирала Дубасова и Мугденскаго цзяньцзюня о томъ, что право собиранія налоговъ принадлежитъ нынѣ исключительно русскому правительству, вносили требуемыя Гао-вань-мэйемъ подати, полагая, вѣроятно, что они исполняютъ свой долгъ. Дѣло обнаружилось лишь тогда, когда Гао-вань-мэй устроилъ правежъ надъ нѣкоторыми неисправными плательщиками. Когда русскіе, узнавъ объ этомъ, дали ему понять всю неумѣстность его поведенія, то Гао-вань-мэй не только не выказалъ ни малѣйшаго смущенія, но казался обиженнымъ какъ человѣкъ, котораго стѣсняютъ въ его законныхъ правахъ, и, пренебрегая увѣщаніями драгомана г. Колесова продолжалъ сборъ. Тогда было сочтено необходимымъ довести о поведеніи Гао-вань-мэйя до свѣдѣнія управлявшаго дѣлами нашей миссіи въ Пекинѣ г. Павлова, благодаря ходатайству котораго, изъ Цзунъли-ямыня было сдѣлано распоряженіе о немедленномъ откомандированіи полковника Гао-вань-мэйя въ Мугденъ, гдѣ, онъ, кажется, былъ отрѣшенъ отъ должности.

Вмѣсто Гао-вань-мэйя коммисаромъ былъ командированъ гражданскій чиновникъ соотвѣтствующаго ранга Ту-цзинъ-тао, дѣятельность котораго, какъ ока-

залось впослѣдствіи, также была направлена къ подорванію авторитета русскихъ властей въ глазахъ туземнаго населенія; но, онъ, будучи гораздо умнѣе своего предшественника, дѣйствовалъ болѣе осторожно и скрытно. Старшій китайскій комиссаръ, дао-тай Фу-пэй, велъ себя съ большей корректностью.

Комиссарами отъ русскаго правительства, какъ извѣстно, были назначены генеральнаго штаба полковникъ Вогакъ, нашъ военный агентъ въ Китаѣ, и капитанъ Илинскій, старшій адъютантъ штаба Ляодунскаго отряда. Они все время стояли на стражѣ русскихъ интересовъ и зорко слѣдили за продѣлками китайскихъ чиновниковъ.

Подготовительныя работы разграничительной коммиссіи начались въ первыхъ числахъ Сентября, но вскорѣ полковникъ Вогакъ былъ вызванъ въ Пекинъ для командованія сводньмъ десантомъ европейскихъ державъ, высланнымъ въ виду политическихъ осложненій въ Китаѣ. Тѣмъ временемъ генеральнаго штаба капитанъ Илинскій производилъ, при содѣйствіи топографа и двухъ строевыхъ офицеровъ, подробную рекогносцировку и съемку всей пограничной полосы. Возвратившись изъ Пекина, полковникъ Вогакъ безотлагательно приступилъ къ дѣлу разграниченія. 9-го Октября комиссары прибыли къ берегамъ бухты Портъ-Адамса.

Прежде всего была издана прокламація мѣстнымъ жителямъ о проведеніи границы. Послѣ пятидневныхъ препирательствъ полковнику Вогаку удалось убѣдить китайскихъ комиссаровъ, что граница должна пройти по сѣверному берегу бухты Портъ-Адамса. 15-го Октября былъ поставленъ первый пограничный столбъ подъ литеромъ «А». Толпы окрестныхъ жителей, пришед-

шихъ взглянуть на торжество постановки перваго столба и поднятіе русскаго флага, должны были воочію убѣдиться въ томъ, что они переходятъ во владѣніе Русскаго Императора, въ честь котораго казачій конвой разграничительной комиссіи прокричалъ громкое «ура».

Китайскіе комиссары своими придирками и крючкотворствомъ причиняли не мало непріятностей и безпокойства полковнику Вогаку и капитану Илинскому. Однако полковникъ Вогакъ съ свойственными ему сдержанностью и тактомъ искусно предотвращалъ поводы къ столкновеніямъ и рѣзкимъ размолвкамъ. Передъ окончаніемъ проведенія границы китайскіе комиссары готовили русскимъ большія непріятности, избѣжать которыя удалось, лишь благодаря бдительности и самообладанію русскихъ представителей разграничительной комиссіи.

Дѣло въ томъ, что китайскіе коммисары за уступку соляныхъ варницъ у бухты Портъ-Адамсъ получили строжайшій выговоръ отъ Мугденскаго цзянь-цзюня, лично въ этомъ заинтересованнаго, такъ какъ большая часть соляного дохода по закону поступаетъ въ его пользу. При разграниченіи территоріи у мѣстечка Пицзыво китайскіе коммисары, несомнѣнно получившіе строгія инструкціи отъ цзянь-цзюня о томъ, чтобы, не уступать русскимъ Пицзывовскихъ соляныхъ варницъ, рѣшительно высказались противъ проведенія границы по сѣверной сторонѣ бухты, хотя въ протоколахъ отъ 25-го Апрѣля ясно было опредѣлено именно таковое направленіе восточной оконечности границы. Долгія пренія не привели ни какому положительному результату: китайскіе коммиссары на отрѣзъ отказались исполнить законныя

требованія полковника Вогако. Тогда русскіе коммисары прервали дальнѣйшія переговоры. Полковникъ Вогакъ телеграфировалъ въ Главный штабъ, Пекинскую миссію и начальнику полуострова, генеральмаіору Суботичу.

Послѣ 10-ти-дневнаго перерыва, 12-го Ноябся китайскіе комиссары получили распоряженіе удовлетворить требованія русскихъ. Вѣроятно, вмѣстѣ съ этимъ они получили отъ Мукденскаго цзянь-цзюня и другія секретныя инструкціи, потому что дальнѣйшее поведеніе ихъ отличалось крайне двухсмысленностью.

Вотъ что сообщаетъ объ этомъ генеральнаго штаба капитанъ Илинскій въ своей запискѣ, составленной по порученію генералъ-маіора Собутича.

«Ту-цзинъ-тао, во все время пребыванія въ Пиц-«зыво, поддержавшій дѣятельныя сношенія съ населе-«ніемъ вокругъ солеварень и вообще ведшій себя край-«нѣ двусмысленно, заявилъ, что жители, очень взол-«нованые слухомъ о продстоящемъ проведеніи грани-«цы и переходѣ въ русское подданство, весьма враж-«дебно настроены противъ пограничной комиссіи, и «поэтому лучше будетъ отложить на нѣкоторое время «разграниченіе. Но это предложеніе русскими комис-«сарами, имѣвшими нѣкоторыя основанія не особенно «довѣрять г. Ту, принято не было».

«14-го Ноября около 11 час. утра, когда только «что было обозначено мѣсто послѣдняго столба подъ «литерой «Э», полковникъ Вогакъ получилъ отъ то-«пографа, штабсъ-капитана Иванова, работавшаго въ «долинѣ рѣчки Чао-гоу-яй, донесеніе, что тамъ пока-«залась толпа вооруженныхъ китайцевъ, обнарушив-

«шихъ повидимому враждебныя намѣренія къ рус-
«скихъ».

«Полковникъ Вогакъ съ офицерами и 8 казаками «на рысяхъ направился туда; дѣйствительно, на большой Дагушаньской дорогѣ была замѣчена колонна «китайцевъ, человѣкъ въ триста, съ тремя знаменами, «вооруженныхъ ружьями и саблями. При появленіи «русскихъ всадниковъ на гребнѣ холма, южнѣе столба «Ъ», колона остановилась, развернулась и открыла «огонь изъ ружей и двухъ маленькихъ пушекъ на «разстояніи около полуверсты. Полковникъ Вогакъ запретилъ казакамъ отвѣчать на выстрѣлы, пославъ на «всякій случай сообщеніе командиру сотни въ Пицзыво. Переводчикъ-туземецъ, по предложенію полковника Вогака, отправился къ китайцамъ разузнать «въ чемъ дѣло и, возвратившись, разсказалъ, что это «сельскіе жители окрестныхъ поселковъ, заключившіе «между собою союзъ взаимной помощи, собравшіеся «на военное ученіе, а также съ цѣлью подать прошеніе пограничнымъ коммисарамъ, дабы ихъ деревни «остались въ предѣлахъ Китайскаго государства. Полковникъ Вогакъ подъѣхалъ къ китайцамъ, при чемъ, «тѣ прекратили свою стрѣльбу, приказалъ перевести «имъ что не во власти пограничныхъ коммисаровъ «отмѣнять постановленіе, заключенныя высшими правительственными властями, для общаго блага и пользы обоихъ государствъ, послѣ чего приказалъ, черезъ «переводчика, собравшейся вооруженной толпѣ разойтись по домамъ, что и было исполнено безъ замедленія. Выступившая изъ Пицзыво по тревогѣ казачья «сотня была возвращена съ дороги».

«Есть основанія подозрѣвать, что комиссаръ Тузцзинъ-тао во всѣмъ происшедшемъ съигралъ роль

«подстрекателя, съ цѣлью возбудить мѣстное населе-
«ніе и вызвать инцидентъ, который могъ бы повлечь
«за собой послѣдствія».

«Такимъ образомъ сѣверная граница, отдѣляющая «владѣнія Россіи отъ нейтральной зоны, была окон-«чательно установлена отъ сѣверной оконечности бух-«ты Порта-Адамсъ до сѣвернаго мыса бухты Пицзыво «на иртяженіи 55 верстъ и обозначена на мѣстности «тридцатью однимъ столбами изъ камня, съ государст-«венными гербами и выбитыми надписями на рус-«скомъ и китайскомъ языкахъ, и восемью промежу-точными знаками».

Въ дѣятельности разграничительной комиссіи впервые обнаружились отношеніе китайскихъ чиновниковъ къ русскимъ и ихъ мелкая, двоедушная и безсовѣстная политика, а также выяснилось, что населеніе, коему офиціально объявлено о переходѣ края въ русское владѣніе, фактически находится въ ложномъ положеніи: китайскіе мандарины по прежнему продолжаютъ распоряжаться изъ за стѣнъ Цзиньчжоу, такъ какъ піонеры русской колонизаціи нигдѣ кромѣ Портъ-Артура и Даляньваня своего вліянія не проявляли. Наконецъ въ началѣ Октября было организовано временное гражданское управленіе страною. Правда, до этого около полгода существовала одна дистанція такового, а именно завѣдующій гражданской частью полуострова. Эту должность исполнялъ командированный въ распоряженіе начальника эскадры въ Тихомъ океанѣ второй драгоманъ Императорской дипломатической миссіи въ Пекинѣ, коллежскій ассесоръ Колесовъ, который въ то же время исполнялъ обязанности дипломатическаго чиновника и письменнаго переводчика, не имѣя въ своемъ распоряженіи ни одного ли-

ца по дѣламъ управленія краемъ, если не считать полицейскихъ управленій въ Портартурѣ и Даляньванѣ, которые вѣдали исключительно городскими дѣлами.

Въ Октябрѣ прибылъ назначенный начальникомъ округа подполковникъ Куколь-Яснопольскій, который принялся за дѣло гражданскаго управленія страною. Онъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи кромѣ двухъ начальниковъ участковъ, помощника, дѣлопроизводителя и офицера для порученій; послѣдній былъ свѣдущъ въ письменномъ и разговорномъ китайскомъ языкѣ. Нижнихъ полицейскихъ чиновъ начальникъ округа въ своемъ распоряженіи не имѣлъ.

Этому гражданскому управленію пришлось сразу стать лицомъ къ лицу со всѣми трудностями работы въ новомъ краю, свѣдѣнія о которомъ были крайне скудны, сбивчивы и недостовѣрны. На очереди стоястояло трудное дѣло сбора податей, вопросъ о которомъ уже былъ возбужденъ адмираломъ Дубасовымъ; граница еще не была проведена. Хотя конвенція и дипломатическія сообщенія нашей миссіи въ Пекинѣ опредѣляли отношеніе русской администраціи къ туземному населенію и къ автономному городу Цзиньчжоу, однако было много еще неявственнаго и точно не установленнаго. Одно было совершенно ясно, что въ лицѣ автономнаго города Цзиньчжоу, офиціально, повидимому, развѣнчаннаго конвенціей и дипломатами, а фактически продолжавшаго оставаться въ странѣ хозяиномъ и господиномъ, новое гражданское управленіе имѣло врага, безсовѣстнаго и коварнаго, всячески отстаивавшаго свой престижъ, свое благосостояніе и свой насущный кусокъ хлѣба, который русскіе пришли вырвать изъ его рукъ.

Что въ странѣ по прежнему продолжали хозяйни-

чать китайскія власти это обнаружилось на первыхъ же шагахъ, какъ только русскіе выступили изъ Портартура и Даляньваня и вошли въ непосрндственное знакомство съ населеніемъ. Въ Цзиньчжоу, Пицзыво и Янъ-тоу-ва по прежнему продолжали существовать конторы по сбору таможенной пошлины, соляныхъ, судовыхъ, портовыхъ и пругихъ налоговъ. Въ Цзиньчжоу китайскіе чиновники по прежнему продолжали чинить судъ и расправу надъ тяжущимся и преступнымъ населеніемъ, которое не зная другихъ властей, какъ и прежде, искало у нихъ правосудія и защиты. Челядь Цзиньчжоускихъ мандариновъ и мелкая чиновная сошка, предчувствуя скорый конецъ своему господству, разъѣзжали по территоріи и, якобы преслѣдуя грабителей и разбойниковъ, которыхъ дѣйствительно было много, всячески притѣсняли мирное населеніе, подъ разными предлогами вымогая у него подачки деньгами и натурою. Дерзость, жестокость и беззастѣнчивость этихъ подонковъ Цзиньчжоускихъ управленій были такъ велики, что, когда одинъ изъ нихъ, а именно начальникъ конныхъ полицейскихъ, замѣченный въ произвольномъ хозяйничаньи въ предѣлахъ занимаемой территоріи, былъ арестованъ начальникомъ округа и отосланъ къ своему начальству чтобы передать ему, что такое самовольство прощается послѣдній разъ,—начальникъ китайскаго гражданскаго управленія, которому онъ былъ подчиненъ, хотя и оправдывалъ его передъ русскими властями, однако убѣдившись въ его вымогательствахъ, сопровождавшихся жестокими насиліями, немедленно смѣстилъ его съ должности, приказалъ бить палками и выгнать изъ города.

Арестованіемъ таможенныхъ и соляныхъ конторъ въ Пицзыво и Янъ-тоу-ва былъ положенъ предѣлъ

произвольнымъ сборамъ налоговъ съ населенія занимаемой территоріи. Цзиньчжоускимъ властямъ оффиціально было объявлено, что по конвенціи ихъ вѣдѣнію подлежатъ лишь туземцы, постоянно проживающіе въ стѣнахъ города, и что всякій чиновникъ или или его посланецъ, производящій оффиціальныя дѣйствія внѣ стѣнъ города, будетъ признаваться за самозванца, а потому съ нимъ расправятся самымъ строжайшимъ образомъ на томъ мѣстѣ, гдѣ его захватятъ.

Цзиньчжоускіе мандарины болѣе не могли сомнѣваться въ томъ, что ихъ фиктивному величію пришелъ конецъ, что появилась законная власть, бдидельная и достаточно сильная чтобы дискредитировать ихъ въ глазахъ населенія, которое доселе было ими безсовѣстно обманываемо относительно истиннаго положенія вещей. Сначала они сдѣлали попытку къ тому, чтобы совмѣстной съ русскими дѣятельностью въ странѣ поддержать свой упадающій престижъ. Прикрываясь громкими фразами о дружественныхъ отношеніяхъ обоихъ правительствъ и искреннимъ желаніи принести пользу странѣ и русскимъ, они предложили совмѣстно разрѣшить разные животрепещущіе вопросы, какъ, напримѣръ, о необходимости принятія безотлагательныхъ мѣръ противъ разбойниковъ, а главнымъ Цзиньчжоускіе чиновники, опираясь на обѣщаніе Повѣреннаго въ дѣлахъ въ Пекинѣ, камеръюнкера Павлова, добивались, разрѣшенія произвести сборъ податей съ земель, присвоенныхъ должностямъ (суй-цуэ-ди). Настойчивыя и даже уничижительныя просьбы ихъ о разрѣшеніи произвести этотъ сборъ обусловлись столько же желаніемъ показать народу, что они правятъ страною совмѣстно съ русскими, сколько и дѣйствительно бѣдственнымъ положеніемъ чиновъ Цзиньчжоускихъ учрежденій, лишившихся

большей части своихъ доходовъ. Намѣреніе Цзиньчжоускихъ властей, конечно, не могли найти сочувствіѣ у русской администраціи, и имъ было отказано. Въ объявленіяхъ, коими опредѣлялся порядокъ сбора податей, было категорично сказано, что право вимания всякаго рода налоговъ принадлежитъ исключительно русскимъ властямъ и что всякія попытки Цзиньчжоускихъ чиновниковъ къ производству какихъ бы то ни было сборовъ съ населенія занимаемой нами территоріи должны признаваться послѣдними за мошенническую эксплоатацію. Цзиньчжоускіе мандарины увидѣли себя окончательно скомпрометированными въ глазахъ народа и рѣшили мстить.

Еще прежде, когда только шли подготовительныя къ сбору податей работы, Цзиньчжоускіе чиновники, предугадывая намѣренія русскихъ, успѣли внушить населенію, что они, исконніе повелители страны, отказываются въ нынѣшнемъ году отъ сбора податей, тѣмъ болѣе, что у населенія недородъ (на самомъ дѣлѣ никакого недорода не было), но что они не увѣрены, что чужеземцы не вздумаютъ своевольно потребовать себѣ подачки отъ населенія. Когда же выяснилось, что русскіе дѣйствительно намѣрены произвести сборъ податей, совершенно устранивъ отъ этого дѣла Цзиньчжоускихъ чиновниковъ, послѣдніе объявили народу, что русскіе поступаютъ вопреки договорамъ и совѣсти, такъ какъ требуютъ подати отъ населенія. страдающаго якобы отъ народа. Народъ, возбужденный всѣми предъидущими нелѣпыми россказнями о русскихъ и видящій, что они дѣйствительно поступаютъ своевольно, потому что не уважаютъ авторита исконнихъ повелителей страны, Цзиньчжоускихъ чиновниковъ, попираютъ право и дѣйствуютъ вопреки всякимъ нравственнымъ принципамъ,—рѣшилъ противиться такому

насилію со стороны чужеземныхъ наемниковъ. Настроенное такимъ образомъ населеніе было еще болѣе раздражено подстрекательствомъ Цзиньчжоускихъ властей, которыя въ то самое время, какъ русскіе сборщики податей отправлялись къ исполненію своихъ обязанностей, высылали конные отряды въ 10—15 человѣкъ изъ Цзиньчжоу и призвали 400 пѣшихъ и 150 конныхъ солдатъ съ сѣвера. Всѣ эти отряды имѣли цѣлью терроризировать населеніе, а, можетъ быть и снабжать его оружіемъ.

Документально доказано, что тайные агенты Цзиньчжоускихъ чиновниковъ подстрекали туземцевъ всякими мѣрами къ сопротивленію требованіямъ русскихъ властей. Съ одной стороны указывалось, что авангардъ китайскихъ войскъ уже прибылъ, чтобы усмирить своевольныхъ русскихъ наемниковъ, и что у границы стоитъ еще 50,000 корпусъ, который не вступаетъ въ страну, потому только что есть надежда, что русскіе не доведутъ своего упорства до вооруженнаго столкновенія. Съ другой стороны всякое благоразумное намѣреніе туземца, парализовалось угрозами тайныхъ агентовъ, что въ случаѣ, если кто либо исполнитъ незаконныя требованія русскихъ, то съ нимъ будетъ поступлено какъ съ измѣнникомъ, попирающимъ право народа противиться силой безсомнѣннымъ и дерзкимъ узурпаторомъ.

Цѣль Цзиньчжоускихъ интригановъ была достигнута: терризированное населеніе пришло въ вооруженное столкновеніе съ русскими въ Ліу-цзя-дянѣ. Но результатъ этого столкновенія былъ неожиданъ и нежелателенъ для Цзиньчжоускихъ чиновниковъ. Населеленіе фактически убѣдилось, что единственная власть въ странѣ, сильная и законная, это власть рус-

русская,—и что вѣрить обѣщаніямъ и толкованіямъ Цзиньчжоуских чиновниковъ въ высшей степени опасно и вредно. Вслѣдъ за пораженіемъ мятежниковъ подъ Ліу-цзядяпью сборъ податей пошелъ безпрепятственно.

Цзиньчжоуские чиновники были документально уличены въ своихъ проискахъ, и хотя престижъ ихъ въ глазахъ народъ весьма поколебался, однако они непрерывно продолжали свою подпольную работу, направленную къ возбужденію населенія противъ требованія русскихъ властей. Зловредное вліяніе Цзиньчжоуских мандариновъ обнаружилось также и въ важномъ дѣлѣ отчужденія земель подъ постройку желѣзнодоражнаго пути и порта въ бухтѣ Викторія. Ими были распространены въ раіонѣ отчужденія возмутительныя прокламаціи. Прокламаціи эти были изготовлены въ Мукденѣ и изданы отъ имени управляющаго департаментомъ министерства церемоній Вэнь и Мугденскаго фудутуна Цзэна, которые, въ ожиданіи прибытія вновь назначеннаго цзянь-цзюня, управляли провинціей. Въ этой прокламаціи, перехваченной въ началѣ мая въ бухтѣ Викторія однимъ изъ нашихъ офицеровъ, состоявшихъ въ распоряженіи администраціи, внушалось народу, что существуетъ упорный слухъ, что русскіе захватываютъ большее количество земель, чѣмъ это необходимо имъ для постройки желѣзной дороги. Эти слухи, говорилось въ прокламаціи, врядъ ли достовѣрны, но, если бы они даже оказались и справедливыми, населеніе не долж-производить никакой смуты и безпорядка, а ему слѣдуетъ искать суда у мѣстныхъ Цзиньчжоуских чиновниковъ. Такимъ образомъ прокламація эта внушала населенію, что руские производятъ незаконные захваты искони принадлежавшихъ ему земель и что защиты

отъ населенія русскихъ оно должно искать въ г. Цзиньчжоу.

Прокламаціи эти были отпечатаны на плотной бумагѣ; судя по внѣшнему ихъ виду, слѣдовало предполагать, что они заготовлены въ количествѣ нѣсколькихъ сотъ листовъ и назначены для распространенія въ раіонѣ отчужденія земель подъ постройку желѣзной дороги. Эти прокламаціи были высланы изъ Мугдена въ управленіе мѣстной китайской администраціи, откуда они и разсылались по наиболѣе важнымъ пунктамъ. Въ предѣлахъ занятой нами территоріи разсылка производилась черезъ тайныхъ агентовъ.
Хотя прокламація, доставленная въ бухту Викорія, была перехвачена черезъ нѣсколько часовъ, однако имѣлись основанія предполагать, что таковыя прокламаціи распространены и въ другихъ пунктахъ постройки желѣзной дороги.

Дѣйствіе этой возмутительной прокламаціи, а также и подстрекательства тайныхъ эмиссаровъ вскорѣ сказалось въ глухомъ ропотѣ и недовольствѣ среди населенія. Было нѣсколько заявленій о нежеланіи продавать землю, яко бы незаконно покупаемую не для нуждъ желѣзной дороги и порта, а для перепродажи другимъ лицамъ. 10-го Іюля глухое неудовольствіе толпы разразилось демонстраціей противъ русскихъ. Около конторы, гдѣ служащими на постройкѣ порта г. Дальняго писались купчія крѣпости и по заключеніи необходимыхъ документовъ, выдавались деньги,— собралась толпа въ числѣ свыше 400 человѣкъ и громко заявляла о своемъ нежеланіи продавать землю. Вскорѣ дѣйствія толпы стали угрожающими: въ контору стали бросать каменьями; нѣсколько человѣкъ ворвались во внутрь, изорвали нѣсколько купчихъ

крѣпостей и вытащили китайцевъ—переводчиковъ и писцовъ, однако на русскихъ посягательствъ не было, и они благополучно избѣгли опасности. Было дано знать на постъ желѣзнодорожной охраны, и не прошло болѣе 10—12 минутъ, какъ 8 лихихъ всадниковъ, пронесшись вихремъ около 3-хъ верстъ, захватили 205 мятежниковъ. Вскорѣ подоспѣла пѣшая охрана и взяла подъ свой надзоръ плѣнную толпу, а конные поскакали на розыски нашихъ служащихъ-китайцевъ, которые вскорѣ и были освобождены изъ рукъ своихъ мучителей.

Разслѣдованіе показало, что въ толпѣ, захваченной желѣзнодорожными стражниками, находилось десятка полтора лицъ, имѣющихъ постоянное жительство въ г. Цзиньчжоу и прибывшихъ на мѣсто безпорядковъ всего лишь за нѣсколько дней. Потомъ выяснилось, что захваченныхъ въ конторѣ китайцевъ-переводчиковъ и писцовъ били, тащили въ г. Цзиньчжоу и угрожали имъ судомъ и расправой китайскихъ чиновниковъ. Наконецъ лица, на которыхъ пало подозрѣніе, что они являлись подстрекателями и зачинщиками, скрылись, какъ выяснилось изъ розысковъ, опять таки въ тотъ же Цзиньчжоу.

Все вышеизложенное о безпорядкахъ, имѣвшихъ мѣсто 10-го Іюля 1899 года въ бухтѣ Викторія, достаточно указываетъ на роль, какую играло г. Цзиньчжоу въ жизни туземнаго населенія.

Хотя теперь туземцы уже привыкли искать у русскихъ властей разрѣшенія всякихъ своихъ нуждъ, фактически убѣдившись въ безсиліи и лживости офиціальныхъ представителей автономнаго города, однако послѣдніе неустанно продолжаютъ и до нынѣ возбу-

ждать населеніе противъ русскихъ, группируя около себя всѣхъ недовольныхъ новыми порядками.

Утвержденіе русской власти и параллельно съ этимъ подпольная интрига Цзиньчжоускихъ властей противъ русскихъ—вотъ главныя характерныя черты въ жизни страны послѣ занятія ея въ Мартѣ 1898 года. Эта двойственность сильно отразилась въ бытѣ страны и произвела въ сознаніи туземца глубокій разладъ. Туземецъ весьма склоненъ къ подчиненію русскому режиму, но безпрестанно подстрекаемый и сбиваемый столку вреднымъ вліяніемъ Цзиньчжоускихъ властей зачастую теряется, не знаетъ, какъ ему поступить, и выказываетъ недовѣріе и противодѣйствіе требованіямъ и распоряженіямъ русской администраціи, но уличенный въ подчиненіи чужому вліянію онъ безпрекословно исполняетъ требуемое отъ него.

Такое тлетворное вліяніе автономнаго города Цзиньчжоу является тормазомъ моральной и экономической эволюціи, естественно возникшей въ бытѣ страны вслѣдствіе занятія ея русскими. Помимо того, что вліяніе Цзиньчжоускихъ мандариновъ препятствуетъ укрѣпленію въ странѣ новыхъ началъ, оно искажаетъ и старается заглушить, то что уже прививается. Такъ, когда населеніе начало привыкать къ русскимъ властямъ и пріучилось искать у нихъ защиты и разрѣшенія своихъ споровъ и проч., Цзиньчжоускіе мандарины всячески старались вселять въ населеніе недовѣріе къ русскимъ; всякій промахъ русскаго чиновника они раздуваютъ и въ преувеличенномъ видѣ дѣлаютъ достояніемъ народной молвы. очевидно, что такое вредное вліяніе Цзиньчжоускихъ властей на бытъ населенія можетъ быть прекращено лишь съ уничтоженіемъ автономіи этого города и удаленіемъ китайскихъ чиновниковъ за предѣлы занимаемой территоріи.

Къ числу другихъ измѣненій въ бытѣ населенія, обусловливаемыхъ занятіемъ края русскими относится: 1) вздорожаніе жизненныхъ продуктовъ, 2) повышеніе цѣнъ на зарабочій трудъ и развитіе отхожаго промысла, 3) усиленіе общенія между различными частями страны и 4) усиленіе постоянно наблюдаемаго въ странѣ переселенческаго движенія во внутреннюю Маньчжурію

Явленіе, указанныя въ первыхъ трехъ пунктахъ обусловливаются: 1) прибытіемъ въ край болѣе чѣмъ 50,000 человѣкъ (войска, эскадра, служащіе въ различныхъ учрежденіяхъ и частные русскіе обыватели Портъ-Артура и Даляньваня: китайскіе рабочіе изъ Шань-дуна и Чжили, 1) требующихъ отъ страны жизненныхъ средствъ и такимъ образомъ увеличивающихъ расходъ ихъ, и 2) производствомъ большихъ работъ по возведенію укрѣпленій, по постройкѣ желѣзной дороги и новыхъ европейскихъ зданій. Хотя нарушеніе баланса въ приходѣ и расходѣ жизненныхъ средствъ страны, будучи выражено въ абсолютныхъ числовыхъ данныхъ и неоказалось бы значительнымъ, однако, принимая во вниманіе бѣдность страны, ея ничтожную производительносеь и весьма слабо развитую торговлю, нельзя не согласиться съ тѣмъ, что даже и абсолютно незначительное увеличеніе расхода, при скудности экомическихъ средствъ края, было бы весьма ощутительнымъ нарушеніемъ баланса и вызвало бы кризисъ. Пока еще нѣтъ возможности характеризировать цифровыми данными всѣхъ этихъ новыхъ явленій въ бытѣ страны. Вздорожавшія цѣны и повысившаяся зарабочая плата обусловливается постоянными причинами, и, конечно, сдѣлаются обычными явленіями въ жизни страны: будучи урегулированы средствами удовлетворенія, они

потеряютъ характеръ аномаліи. Въ настоящее же время спросъ пока еще всюду превышаетъ средства, удовлетворенія какъ на рынкѣ, такъ и въ отношеніяхъ между капиталомъ и работой.

Усиленіе послѣ занятія края русскими постоянно существовавшаго здѣсь переселенческаго движенія во внутреннюю Маньчжурію является слѣдствіемъ моральнаго и экономическаго кризиса переживаемаго страною, вслѣдствіе нарушенія ея обычнаго строя жизни. Вообще спокойствіе Ляодуна, а особенно его южной части нарушено уже въ 1894 г. во время китайско-японской войны.

Будучи театромъ войны въ теченіи 1894 и 1895 годовъ, страна, и безъ того бѣдная пришла въ еще больший упадокъ, а потому и сдѣлано китайскимъ китайскимъ правительствомъ предложеніе о распашкѣ новыхъ участковъ въ мѣстности Дунъ-му-вэй-хуанъ, въ томъ мѣстѣ Мугдиской провинціи, гдѣ она соприкасается къ Кореей и Гиринскимъ губернаторствомъ.

За неимѣніемъ никакихъ цифровыхъ данныхъ относительно переселенческаго движенія въ средѣ туземнаго населенія занимаемой территоріи, нѣтъ возможности опредѣлить числа переселенцевъ въ какой либо извѣстный промежутокъ времени. Во всякомъ случаѣ можно категорически утверждать, что движеніе это хотя и приняло, благодаря вліянію китайскихъ властей довольно интенсивный характеръ, однако при густотѣ населенія оно пока еще не влечетъ за собою какого либо вреда или замѣтнаго измѣненія въ бытѣ страны.

Тѣмъ не мѣнѣе явленіе это заслуживаетъ вниманія въ томъ отношеніи, что оно представляетъ собой одно изъ проявленій дѣятельности китайскаго прави-

тельства, направленной столько-же къ поднятію благосостоянія Маньчжуріи, сколько и ко вреду русскихъ.

Когда будетъ заселена прилегающая къ нашимъ границамъ малолюдная сѣверная Маньчжурія, тогда эта страна представитъ изъ себя болѣе надежный оплотъ противъ русской колонизаціи и противъ русскаго оружія, такъ какъ въ настоящее время бѣдность страны и дурное состояніе путей сообщенія препятствуютъ содержанію большаго количества войскъ по близости отъ нашей границы. Нынѣ въ пограничной полосѣ, исключая раіона Хунь-чунъ—Нингута, находятся лишь небольшіе наблюдательные отряды, которые въ случаѣ надобности легко могутъ отступить на соединеніе съ главными силами, расположенными во внутренней Маньчжуріи. Что же касается до раіона Хунь-чунъ—Нингута, то сосредоточенныя тамъ войска имѣютъ задачей облегчить отступленіе вышеупомянутыхъ отрядовъ.

Уже года два тому назадъ въ китайской прессѣ, между прочимъ и въ газетѣ Го-вэнь-бао, обсуждался вопросъ о неудовлетворительности дизлокаціи войскъ войскъ въ Маньчжуріи. Тогда было высказано, что оставленіе границы незащищенною и сосредоточіе войскъ во внутренней Маньчжуріи нельзя признать раціональнымъ разрѣшеніемъ вопроса объ оборонѣ страны. Но эту палліативную мѣру приходится, по словамъ прессы, временно признать наиболѣе цѣлесообразной, такъ какъ содержаніе значительныхъ отрядовъ въ пограничной полосѣ, вслѣдствіе невозможности питать ихъ средствами края и трудности доставки имъ боевыхъ и жизненныхъ припасовъ въ виду чрезвычайно неудовлетворительнаго состоянія путей сообщенія въ Сѣверной Маньчжуріи вызвало

бы крайнія затрудненія по довольствію этихъ войскъ, а кромѣ того поставило бы ихъ въ весьма критическое положеніе, если бы въ случаѣ вооруженнаго столкновенія съ Россіей авангардъ русской арміи, оттѣснивъ войска въ раіонъ Хуньчунь—Нингута, направилъ отрядъ въ тылъ китайскихъ войскъ, охраняющихъ границу. Большіе отряды не могли бы исполнить отступленія съ такой быстротой, какъ малые, и, будучи отрѣзаны отъ базы, вынуждены были бы, по истощеніи своихъ запасовъ, терпѣть голодъ и сдаться. Такимъ образомъ эти войска были бы потеряны для своего правительства. Чтобы устранить ненормальное положеніе такого важнаго дѣла, какъ оборона государства, китайская пресса указывала, что правительство должно употребить всѣ усилія къ скорѣйшему заселенію внутренной и сѣверной Маньчжуріи не останавливаясь даже передъ значительными затратами, такъ какъ лишь по осуществленіи этой мѣры можно, по мнѣнію прессы, поставить на прочную почву дѣло государственной обороны. Таковыя тенденціи китайской прессы, безъ сомнѣнія вполнѣ солидарныя съ предначертаніями своего правительства, которое, какъ видно изъ прекрасно составленной генеральнаго штаба полковникомъ Барабашемъ „Записки о Маньчжуріи", съ 1878 года, вслѣдствіе доклада Гиринскаго цзянь-цзюня Минъ-ань, поставило это дѣло на прочную почву. Всѣ эти систематическія мѣропріятія китайскаго правительства относительно Маньчжуріи, столько же направленныя къ поднятію ея экономическаго благосостояоія, столько и къ усиленію ея боевой дѣеспособности, не могутъ быть не интересны для насъ русскихъ. Намъ слѣдуетъ обратить вниманіе на все это и бдительно слѣдить за дѣятельностью китайскаго правительства въ Маньчжуріи, чтобы быть подготовленными ко всякимъ неблагопріятнымъ для насъ стеченіямъ обстоятельствъ.

Въ предупрежденіе возраженій, что гарнизоны Маньчжуріи, даже и вдвое усиленные, не сдѣлаются опасными для насъ, такъ какъ они не были въ состояніи оказать сопротивленіе японцамъ въ послѣдней войнѣ, слѣдуетъ замѣтить, что можетъ случиться, что китайцы будутъ вести противъ насъ войну въ союзѣ съ японцами, которые, быть можетъ, поведутъ атаку Уссурійскаго края на два фронта—со стороны моря, дѣйствуя совмѣстно со своимъ флотомъ, и со стороны Маньчжуріи—вмѣстѣ съ китайской арміей, которая, благодаря тѣмъ же японцамъ, приглашеннымъ въ качествѣ инструкторовъ, можетъ быть значительно улучшена.

Какъ бы тамъ ни было, однако китайское правительство нисколько не сомнѣвается въ возможности не только удержать Маньчжурію въ своихъ рукахъ, но и найти для нее въ заливѣ Посьета выходъ къ морю, отъ котораго она отрѣзана нашимъ Уссурійскимъ краемъ, а потому то и очень озабочено усиленіемъ квартирующихъ въ ней войскъ и улучшеніемъ ихъ боевыхъ достоинствъ. Усиленіе же гарнизоновъ, какъ, это уже обсуждалось китайской прессой, возможно лишь при поднятіи экономическаго благосостоянія страны, а потому китайскимъ правительствомъ ассигнованъ значительный фондъ на переселенческое дѣло, учреждена также и администрація для пропаганды переселенія, отвода земельныхъ участковъ и устройства переселенцевъ на новыхъ мѣстахъ. Переселившихся въ первые годы совершенно освобождаютъ отъ взноса податей и несенія всякаго рода повинностей и ссужаютъ ихъ на льготныхъ условіяхъ деньгами и зерномъ.

Въ предѣлахъ занимаемой русскими территоріи дѣятельность китайской администраціи по переселен-

ческому дѣлу выразилась прежде всего въ выпускѣ прокламацій, въ которыхъ указывалось, что переселяющіеся изъ Цзиньчжоускаго округа получатъ безвозмездно земельные участки и другія угодья въ сѣверо-восточныхъ округахъ Мукденской провинціи въ мѣстности Дунъ-ліу-вэй-хуанъ.

Кромѣ того черезъ тайныхъ агентовъ и старшинъ, все еще чувствующихъ уваженіе къ китайскимъ чиновникамъ, прокламаціи въ подлинникѣ или въ устной передачѣ распространены повсюду въ предѣлахъ занимаемой территоріи. Кромѣ офиціально объявленныхъ льготъ и преимуществъ переселяющимся сулятся всякія прелести. Цзиньчжоускіе чиновники всячески способствуютъ распространенію преувеличенныхъ слуховъ о привольномъ житьѣ переселенцевъ на отведенныхъ имъ мѣстахъ. А туземная масса, по свойственнымъ ей невѣжеству и легковѣрію охотно вѣритъ тому, что ей внушаютъ. Благодаря неустанной дѣятельности Цзиньчжоускихъ чиновниковъ, съ одной стороны старающихся, какъ выше было сказано, всячески возстановить населеніе противъ русскихъ и устанавливаемыхъ ими порядковъ, а съ другой стороны сулящихъ переселенцамъ всевозможныя выгоды,—было достигнуто то, что за послѣдній годъ число переселяющихся изъ предѣловъ занимаемой территоріи возросло почти впятеро.

Переселяющимся отъ Цзиньчжоускихъ чиновниковъ выдается удостовѣреніе для предъявленія чинамъ администраціи, вѣдающей надѣлами земельныхъ участковъ и устройствомъ переселенцевъ на новыхъ мѣстахъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Цзиньчжоускіе мандарины даютъ переселенческой администраціи свѣдѣнія о

нравственности, семейномъ положеніи и имущественномъ достаткѣ переселяющихся.

Къ сожалѣнію, за отсутствіемъ какихъ либо документальныхъ свѣдѣній о числѣ переселяющихся, приходится довольствоваться лишь устными свидѣтельствами старожиловъ, за соотвѣтствіе коихъ дѣйствительности никакихъ гарантій не имѣется. Говорятъ, что до занятія края русскими обыкновенно каждый годъ выселялось въ Маньчжурію около 300 человѣкъ, послѣ же прибытія русскихъ цифра эта возрастала, какъ уже было сказано, почти до 2000.

При густотѣ населенія Квантунской области даже такое возрастаніе числа выселяющихся пока еще не имѣетъ вреднаго значенія и является даже противовѣсомъ тому приросту населенія, который создается увеличеніемъ числа русскихъ обывателей края и притокомъ рабочаго элемента изъ другихъ мѣстностей китайской имперіи. Однако никоимъ образомъ не слѣдуетъ допускать дальнѣйшаго увеличенія замѣченнаго въ предѣлахъ области переселенческаго движенія туземцевъ въ центральную Маньчжурію.

До настоящаго времени гражданская администрація края была слишкомъ обременена выполненіемъ многихъ весьма сложныхъ и щекотливыхъ задачъ, а потому и не могла обратить должнаго вниманія на переселенческое движеніе, хотя и сознавала необходимость принятія мѣръ для борьбы съ пропагандой китайскихъ чиновниковъ, всѣми мѣрами старающихся вырвать насколько можно большую часть туземнаго населенія изъ сферы русскаго вліянія, которое все болѣе возрастаетъ и которое является уже въ глазахъ туземнаго не гнетущимъ и не непріязненнымъ, какимъ хотѣло бы его выставить интригующее противъ

русскихъ Мукденское и Цзиньчжоуское чиновничество, а благодѣтельнымъ и симпатичнымъ.

На долю первой администраціи края, несшей на себѣ, во главѣ съ начальникомъ края ген.-маіоромъ Суботичемъ, всѣ трудности напряженной дѣятельности въ новомъ краѣ среди чуждаго и, благодаря равнодушію русскихъ піонеровъ и интригамъ Цзиньчжоускихъ властей, весьма недовѣрчиво настроеннаго противъ нее туземнаго населенія, выпала трудная задача. Прежде всего ей предстояло установить добрыя отношенія между собой и туземцами. Для этого она боролась сколько могла съ подпольнымъ, безсовѣстнымъ и коварнымъ врагомъ—Цзиньчжоускими властями. Ей удалось подорвать въ народѣ авторитетъ Цзиньчжоускихъ мандариновъ. Гуманнымъ и справедливымъ обращеніемъ съ туземцами, заботами о ихъ нуждахъ, бдительнымъ и добросовѣстнымъ отношеніемъ къ дѣлу временная администрація края къ концу своей дѣятельности добилась того, что населеніе почти совсѣмъ покинуло своихъ прежнихъ властителей и охотно стало искать и расправы, а также разрѣшенія своихъ затрудненій у русскихъ чиновниковъ, которые, безвозмездно и, не унижая его достоинства, всегда оказывали ему посильную помощь.

Наиболѣе трудными и важными задачами дѣятельности временной администраціи края были сборы податей и отчужденіе земель подъ постройку города Дальняго и по линіи желѣзной дороги. Оба эти дѣла, хотя и увѣнчались полнымъ успѣхомъ, но потребовали отъ администраціи края значительныхъ усилій въ теченіи довольно продолжительнаго времени. При незначительности личнаго состава временной администраціи и трудности работы на дѣвственной, можно сказать,

почвѣ, она все время была слишкомъ много занята текущими дѣлами, не говоря уже о тѣхъ затрудненіяхъ, которыя обусловились необходимостью борьбы съ чумой, грозившей изъ Инкоу, а потому она долго и не могла обратить должнаго вниманія на происходящее въ краѣ переселенческое движеніе.

Тѣмъ не менѣе, вслѣдствіе прогрессивнаго возрастанія авторитета русской администраціи и русскаго вліянія, Цзиньчжоускіе чиновники не могли уже продолжать свою переселенческую пропаганду съ тою же безцеремонностью, какъ раньше. А потому китайскія власти, видя себя крайнѣ стѣсненными въ своей подпольной дѣятельности и сознавая, что дальнѣйшее веденіе этого дѣла тѣми же самыми способами, какъ и прежде, не только не принесетъ никакого успѣха, но даже грозитъ погубить самое предпріятіе, такъ какъ поставитъ китайскую администрацію въ неминуемую необходимость столкновенія съ русской,—рѣшили перемѣнить фронтъ и прямо войти поэтому вопросу въ сношеніе съ русскими, надѣясь, что громкими фразами о дружбѣ и общихъ интересахъ имъ удастся добиться желаемаго.

Въ серединѣ ноября изъ Мукдена прибыли въ Цзиньчжоу начальникъ отдѣленія Мукденскаго министерства юстиціи г. Энь, въ сопровожденіи 6 чиновниковъ. При нихъ состояло около десятка писарей и цѣлый штатъ курьеровъ, солдатъ охраны и услужающихъ. Всего командированныхъ было около 60 человѣкъ. 2-го декабря 1899 года г. Энь представлялся генералъ-маіору Суботичу и вручилъ ему оффиціальное сообщенія Мукденскаго цзянь-цзюня. Въ этомъ документѣ сообщалосч, что Мукденскій цзянь-цзюнь проситъ г. начальника края выдать паспорта всѣмъ

чинамъ, командированнымъ съ г. Энь, чтобы они, раздѣлившись на партіи, могли безъ всякой помѣхи исполнить возложенное на нихъ порученіе. Задачей же ихъ командированія выставлялась провѣрка на мѣстѣ свѣдѣній, доставленныхъ Цзиньчжоускими властями о переселяющихся туземцахч.

Конвенція о занятіи русскими Ляодунскаго полуострова трактуетъ лишь о свободномъ переселеніи изъ предѣловъ занимаемой территоріи отдѣльныхъ личностей, но отнюдь не объ организаціи особаго учрежденія, содѣйствующаго массовому переселенію туземцевъ. Поэтому прибытіе г. Энь съ такимъ большимъ штатомъ служащихъ было весьма нежелательнымъ явленіемъ. Тѣмъ болѣе, что въ продолженіи своего пребыванія въ предѣлахъ арендуемой территоріи, скрываясь за неприступными для русской администраціи и малопроницаемыми для ея взоровъ стѣнами автономнаго города Цзиньчжоу, эти агенты китайскаго правительства могли бы оказать на туземное населеніе вліяніе, весьма вредное и нежелательное для русскихъ.

Въ виду ожидавшагося тогда прибытія въ Портъ-Артуръ Главнаго Начальника Квантунской области Вице-Адмирала Е. И. Алексѣева и новаго штата гражданской администраціи г. Энь предложено было отъ нихъ ожидать окончательнаго вырѣшенія вопроса.

20 декабря Главный Начальникъ края удостоилъ г. Энь своей аудіенціей. Въ тотъ же день послѣднему было вручено для представленія Мукденскому цзяньцзюню отвѣтное сообщеніе: г. Энь было отказано въ содѣйствіи такимъ способомъ, который былъ указанъ въ сообщеніи цзянь-цзюня, въ виду того что оказаніе таковаго придало бы дѣлу переселенія харак-

теръ, не предусмотрѣнный ст. 4 упомянутой выше конвенціи. Тѣмъ не менѣе ему было дано разрѣшеніе сличить имѣющіяся у него свѣдѣнія съ данными нашихъ податныхъ списковъ и такимъ образомъ, хотя отъ части выполнить возложенное на него порученіе. Этой попыткой организовать массовое переселеніе туземцевъ занимаемой территоріи цзянь-цзюнь очевидно не ограничится, а потому умѣстнымъ будетъ обратить вниманіе на слѣдующее. Во первыхъ, существуетъ мнѣніе, что выселеніе туземцевъ изъ предѣловъ Квантунской области увеличитъ благосостояніе страны предоставленіемъ оставшихся участковъ земли, оставленныхъ прежними владѣльцами. Но слѣдуетъ принять въ соображеніе, что выселяться будутъ не бѣдняки, потому что послѣдніе, при большой сравнительно стоимости труда въ предѣлахъ занимаемой территоріи, скорѣе найдутъ себѣ средства пропитанія здѣсь, чѣмъ на пустопорожнтхъ земляхъ внутренней Маньчжуріи. Затѣмъ нужно обратить вниманіе на то, что переселяющіеся достаточные туземцы не будутъ покидать свою землю, а продадутъ ее на выгодныхъ условіяхъ, которыя имъ будутъ въ состояніи предложить не бѣдные, а лишь зажиточные нюди. Такимъ образомъ попутно съ переселенческимъ движеніемъ въ предѣлахъ Квантунской области будетъ происходить и сосредоточеніе землевладѣнія въ рукахъ болѣе зажиточныхъ семей, которыя, не имѣя фактической возможности сами обработывать принадлежащую имъ землю, будутъ отдавать ее въ аренду.

Изъ только что изложеннаго слѣдуетъ, что переселеніе принесетъ выгоды лишь небольшому числу туземцевъ Квантунской области, для прочихъ же оно не будетъ представлять особеннаго интереса. Сосредоточеніе же земледѣлія и капитала можетъ послужить

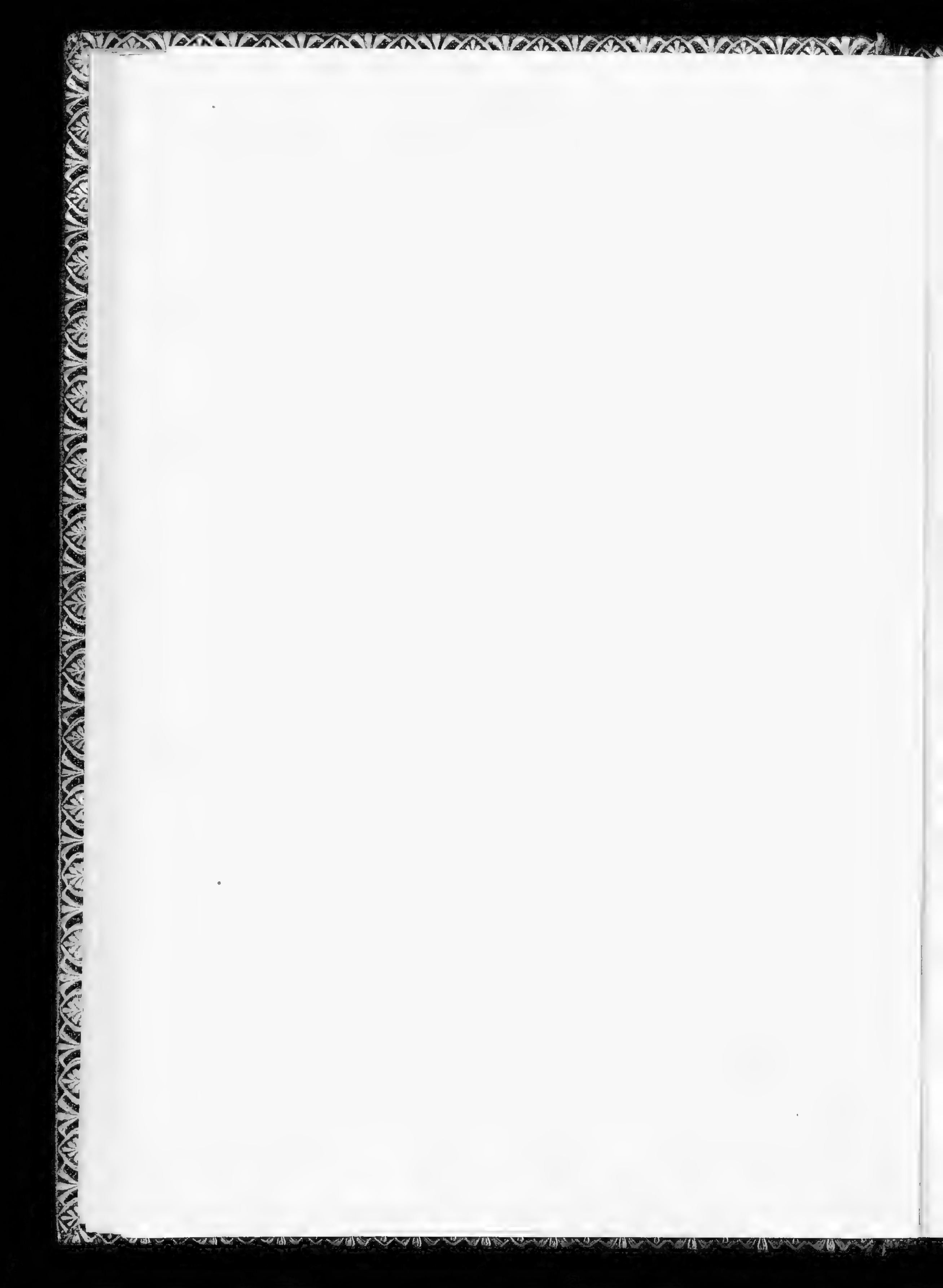
въ свою очередь основаніемъ къ развитію въ краѣ кулачества, явленія крайнѣ неблагопріятнаго для экономическаго преуспѣнія страны.

Во вторыхъ слѣдуетъ указать на то, что въ дѣло переселенія туземнаго населенія, по сколько оно касается самой Квантунской области, никакимъ образомъ не должно допускать какого либо вмѣшательства китайскихъ чиновниковъ. Если даже признано будетъ полезнымъ оказать китайскимъ властямъ содѣйствіе въ дѣлѣ заселенія пустопорожнихъ земель Внутренней Маньчжуріи излишкомъ туземнаго населенія Квантунской области, то и въ этомъ случаѣ слѣдуетъ, чтобы дѣлами этими въ предѣлахъ области вѣдала исключительно русская администрація.

Китайское правительство подъ различными предлогами долго вмѣшивалось въ дѣла Приамурскаго края послѣ уступки его русскимъ. Это вмѣшательство причинило не мало безпокойства и непріятностей нашей администраціи. Нынѣ въ предѣлахъ занимаемой территоріи китайскія власти также всячески пытаются напомнить о себѣ туземному населенію. Если наша администрація не будетъ достаточно бдительна въ этомъ отношеніи, если она допуститъ подъ какимъ нибудь предлогомъ хоть малѣйшее вмѣшательство китайскихъ властей въ дѣла Квантунской области, то тѣмъ самымъ она какъ бы одобритъ и безъ того достаточно безцеремонныя притязанія китайскихъ мандариновъ, которые послѣ этого станутъ еще болѣе развязны, и тогда еще болѣе упрочатся тѣ аномальныя явленія въ жизни края, которыя обусловливаются предоставленіемъ автономіи бывшему административному центру страны, городу Цзиньчжоу.

ЧАСТЬ II.

Описаніе быта туземнаго населенія Квантунской области.

ГЛАВА I.

ЭТНОГРАФІЯ СТРАНЫ.

Количество жителей, абсолютная и сравнительная плотность населенія.—Составъ населенія. Языкъ Ци и Минъ. Историческое происхожденіе этого дѣленія. Распредѣленіе знаменнаго населенія въ предѣлахъ занимаемой территоріи. Хань-цзюнь. Баэрръ-ху. Сословія.

Изъ статистическихъ свѣдѣній, собранныхъ и составленныхъ подъ руководствомъ генеральнаго штаба капитана Самойлова, видно, что средняя населенность страны выражается не менѣе какъ 90 человѣкъ на 1 квадратную версту. Отбросивъ же городское населеніе, на 1 кв. версту материка придется не менѣе 70 человѣкъ. Густота же населенныхъ пунктовъ въ среднемъ выразится 1 на 1, 7 кв. версты. *) Впрочемъ слѣдуетъ замѣтить, что вслѣдствіе спѣшности, недостатка средствъ и другихъ трудностей, представляемыхъ новизной дѣла и своеобразностью условій работы среди чужеземнаго населенія статистическія свѣдѣнія капитана Самойлова о Квантунѣ недостаточно достовѣрны и точны. Однако при поѣздкахъ по Квантуну повсюду приходится наблюдать значительную плотность населенія, а потому во всякомъ случаѣ можно смѣло

*) Изъ сравненія только что приведенныхъ цифръ съ статистическими данными, собранными генер. штаба капитаномъ Вейль относительно населенности Средней Маньчжуріи, видно, что послѣдняя населена еще болѣе тѣсно, чѣмъ Ляодунъ. Тамъ на одну кв. версту приходится 111 ч. («Южно Сунгарійскій раіонъ», ч. I, 1899 г.) Указанный трудъ капитана Вейль заслуживаетъ особеннаго вниманія, какъ первая статистическая работа не для длинныхъ маршрутовъ, а для цѣлаго весьма интереснаго раіона Маньчжуріи.

утверждать, что занимаемая нами часть Ляодунскаго полуострова представляетъ изъ себя, страну, довольно густо населенную. Если же принять въ соображеніе, что съ занятіемъ Портъ-Артура и Даляньваня сюда прибылъ значительный отрядъ войскъ, что населеніе постоянно увеличивается притокомъ русскихъ обывателей и пришлымъ изъ сосѣднихъ провинцій рабочихъ элементомъ и что цифра, выражающая увеличеніе населенія, значительно превосходитъ число убывшихъ войскъ китайскаго гарнизона и ежедневно переселяющихся въ центральную Маньчжурію туземцевъ, то населенность страны въ отношеніи къ средствамъ пропитанія слѣдуетъ признать максимальной.

Что касается до распредѣленія населенія по пространству занимаемой территоріи, то руководствуясь приведеннымъ выше источникомъ статистическихъ свѣдѣній, а также данными податныхъ списковъ, добытыхъ изъ Цзиньчжоускаго архива, гражданской и знаменной канцелярій, можно утверждать, что южная часть полуострова, до перешейка близъ города Цзиньчжоу, занимающая приблизительно треть пространства уступленной намъ территоріи, заключаетъ около 90,000 тысячъ туземнаго населенія, распредѣлившагося на этомъ участкѣ довольно равномѣрно.

Наиболѣе населенными мѣстностями здѣсь являются окрестности г. Цзиньчжоу, побережье Даляньванской бухты, особенно въ Викторіи-бэй, и бухты: Голубиная и Луиза, расположенныя невдалекѣ отъ Портъ-Артура, по западному побережью. **)

Населеніе же сѣверной части полуострова, отъ г. Цзиньчжоу до границы, распредѣлилось далеко не

** См. карты генер. штаба капитановъ Ильинскаго и Запольскаго.

съ той равномѣрностью, какъ на южной, составлявшей при китайцахъ одну административную единицу, называемую Лю-ань-шэ (шэ-станъ).

Наиболѣе населенными пунктами страны къ сѣверу отъ Цзиньчжоу, являются: 1) ближайшія окрестности г. Цзиньчжоу, сплошь обитаемыя знаменнымъ населеніемъ; 2) югозападный участокъ между г. Цзиньчжоу и селеніями Саньшилипу и Сышилипу, 3) долина рѣки Ань-цзы-хэ и 4) мѣстность Цзи-цзинь-шэ, занимающая весь сѣверо-восточный уголъ занимаемой части полуострова и ограниченная съ запада рѣкой Да-ша-хэ, а съ сѣвера границею.

Самая долина рѣки Да-ша-хэ мало населена: ея песчаная, неустойчивая при сѣверо-западныхъ вѣтрахъ почва и тучи переноснаго песку придаютъ ей характеръ миніатюрной пустыни. Довольно густо населена мѣстность называемая Пао-цза, расположенная близъ сѣверо-западнаго угла занимаемой территоріи. Паозца значитъ впадина, и дѣйствительно, эта мѣстность представляетъ собой довольно плоскую и сравнительно плодородную котловину, пространствомъ около 6 кв. верстъ, обставленную съ сѣвера и сѣверо-запада отрогами пика Адамсъ, а съ юга цѣпью небольшихъ холмовъ. Довольно населены полосы вдоль дорогъ изъ Цзиньчжоу на Пицзыво и изъ Цзиньчжоу на Фучжо-у, и пути изъ Пицзыво черезъ Танъ-цзяфанъ на Оаоцзу. Середина же, юго-восточный и сѣверо-западный участки сѣверной части занимаемой территоріи, представляютъ мѣстности сравнительно менѣе населенныя, что обусловливается съ одной стороны свойствами почвы, а съ другой—удаленіемъ отъ промышленныхъ и торговыхъ пунктовъ, каковыми въ этой части полуострова являются Цзиньчжоу и Пицзыво.

Промышленное и торговое значеніе Цзиньчжоу съ появленіемъ въ краѣ русскихъ значительно пало послѣ того, какъ портъ Хунь-янь-коу (Красный берегъ), расположенный у юго-восточныхъ воротъ г. Цзиньчжоу, былъ закрытъ и туземныя суда, минуя городъ, стали направляться въ Даляньвань и Портъ-Артуръ. Вообще можно предполагать, что Портъ-Артуръ, Даляньвань и Пицзыво, а также, конечно, и бухта Викторія, гдѣ строится портъ и городъ Дальній, явятся пунктами, гдѣ населеніе постоянно будетъ возростать какъ путемъ колонизаціи изъ Россіи и Китая, такъ и приливами сюда торговаго и промышленнаго элемента изъ разныхъ пунктовъ занимаемой территоріи, а также и изъ г. Цзиньчжоу, значеніе котораго уже замѣтно уменьшилось и должно быть умалено еще болѣе.

По составу своему населеніе полуострова можетъ считаться вполнѣ однороднымъ и состоитъ изъ Шань-дуна, Чжи-ли и Шань-си, а также окитаившихся маньчжуровъ. Въ отношеніи языка и быта всѣ туземцы занимаемой нами территоріи, какъ окитаившіеся маньчжуры, такъ и китайскіе выходцы изъ внутренняго Китая представляютъ почти совершенное тождество.

Мѣстное нарѣчіе вполнѣ одинаково съ тѣмъ, которымъ говоритъ все китайское и окитаившееся населеніе трехъ провинцій Маньчжуріи, извѣстныхъ подъ общимъ именемъ Гуань-дунъ, т. е. страны къ востоку отъ г. Шанхай-гуань. Здѣсь умѣстнымъ будетъ замѣтить, что названіе Квантунъ, принятое въ офиціальной перепискѣ и употребляемое исключительно между русскими, повидимому представляетъ собою искаженіе названія Гуань-дунъ, примѣняемаго китайцами ко всей Маньчжуріи. Туземцы, говоря о русской

территоріи на Ляодунѣ, называютъ ее Ляо-дунъ-цзѣ-нэй что означаетъ «Ляодунъ по сю сторону границы». Китайцы живущіе къ сѣверу отъ границы, говорятъ о нашей территоріи Ляо-дунъ-цзѣ-вэй» (Ляо-дунъ по ту сторону границы). Гуань-дунское нарѣчіе представляетъ изъ себя лишь тѣ незначительныя уклоненія отъ нарѣчія Чжилійской равнины, которыя внесены въ него Шань-дунскимъ говоромъ.

Китайскіе выходцы изъ внутренняго Китая по времени своего прибытія на полуостровъ и различію въ соціальномъ положеніи представляютъ два типа, хань-цзюнь и минъ, разнящихся между собою не внѣшними признаками физическаго обличья и одежды или языкомъ, но лишь нѣкоторыми подробностями семейнаго или общественнаго быта.

Первые выходцы изъ внутренняго Китая были выброшены оттуда потрясеніями политическихъ переворотовъ и появились на малоплодородной почвѣ южнаго Ляо-дуна піонерами, насадившими китайскую цивилизацію среди пастушескихъ племенъ маньчжурскихъ аборигеновъ. Въ началѣ XIII столѣтія Монголы, свергнувъ національную династію Цзинь, присоединили къ своимъ владѣніямъ и Маньчжурію. Эта Монгольская династія—Юань—предприняла рядъ мѣръ къ упроченію своей власти въ Сѣверной Маньчжуріи, на Южную же Маньчжурію и Ляо-дунскій полуостровъ она обращала очень мало вниманія, и занимаемая нынѣ русскими территорія по прежнему продолжала служить убѣжищемъ для людей, навлекшихъ на себя преслѣдованіе власти политической неблагонадежностью или преступленіями. Шань-дунскіе пираты, преслѣдуемые правительственными войсками, также находили себѣ укрытіе отъ нихъ въ Южной части

Ляодунскаго полуострова. Въ 1368 году Монгольская династія пала, и на престолъ Небесной Имперіи вступилъ домъ Миновъ. Эта Китайская династія присоединенную часть Маньчжуріи, подъ названіемъ Ляодунъ (Страна къ востоку отъ рѣки Ляо-хэ), ввѣрила управленію особаго генералъ-губернатора и приняла рядъ мѣръ къ усиленію китайской колонизаціи страны. Къ этому періоду относится появленіе на Ляодунѣ городовъ, окруженныхъ стѣнами, и постройка земляныхъ укрѣпленій. Городъ Цзиньчжоу, сторожевая башня близъ селенія Пао-тай-цзы, развалины Хун-ту-чэнъ-цзы (Красный земляной городокъ) близь Пицзыво, Хуан-чэнъ-цзы (Желтый городокъ) на островѣ Бэй-хуанъ-чэнъ-дао и остатки старинныхъ укрѣпленій около сел. Му-чэнъ-и служатъ памятниками этой дѣятельности Минской династіи на занятой нынѣ русскими части Ляодунскаго полуострова. Вмѣстѣ съ постройками укрѣпленій шло и устройство военно-пахатныхъ селеній, поселеніе коихъ, увеличивая китайскій элементъ страны, способствовало упроченію китайской цивилизаціи. Но едва ли прошло 200 лѣтъ, какъ домъ Миновъ, смѣнившій въ Китаѣ Монгольскую династію Юаней и столь блистательный при первыхъ своихъ государяхъ, вступилъ на скользкій путь дворцовыхъ переворотовъ и гаремныхъ интригъ. Въ это время среди враждовавшихъ между собою маньчжурскихъ племенъ стали усиливаться аймаки Восточнаго Чаньбо-шаня (нынѣ Дунъ-хуа-сянь), и въ 1616 году Нурхаци, родоначальникъ нынѣшней Да-цинской династіи, искусно и настойчиво сосредоточившій въ своихъ рукахъ власть надъ сосѣдними родами, объявилъ себя императоромъ. Въ 1621 году онъ покорилъ Мукденъ и Ляо-янъ, куда и перенесъ свою столицу изъ Синъцзина. Весь Ляо-дунъ призналъ Нурхаци своимъ по-

велителемъ, а китайскія войска отступили къ Шанъхай-гуаню. Перенеся свою столицу въ Мукденъ въ 1625 году, онъ умеръ черезъ годъ, завѣщавъ престолъ сыну своему Абахаю, извѣстному въ исторіи подъ именемъ Тай-цзуна. Первой заботой Тайцзуна было упроченіе императорскаго титула за своимъ домомъ, а затѣмъ онъ энергично занялся внутреннимъ устройствомъ государства, привлекая къ своему двору милостью и широкими привилегіями образованныхъ и даровитыхъ выходцевъ изъ Китая. И вотъ царедворцы, павшіе жертвой придворныхъ интригъ, не желавшіе перенести своего пораженія, реформаторы, неудачные въ своихъ прогрессивныхъ тенденціяхъ, но не подчинившіеся господствующему режиму—всѣ, такъ или иначе недовольные правительствомъ, шли въ Мукденъ и здѣсь находили почетъ и широкій просторъ своей дѣятельности. Вскорѣ въ столицѣ Тайцзуна было выработано по образцу Китая высшее управленіе страною, введена система Конфуціанскаго образованія и ритуалъ Пекинскаго двора. Занимаясь внутреннимъ устройствомъ страны, Тайцзунъ весьма дѣятельно продолжалъ организацію войскъ, предпринятую Нурхаци. Онъ раздѣлилъ войско на восемь знаменъ (паци) или корпусовъ. Каждое знамя дѣлилось на три отряда (цзюнь), по народностямъ его составлявшимъ, на Мань, Мынь-гу и Хань, т. е. на Маньчжуръ, Монголъ и Китайцевъ. Это раздѣленіе на на знамена (ци) и отряды (цзюнь), сохранившееся до сего времени, не имѣетъ тактическаго значенія, а носитъ чисто военно-административный характеръ, отчасти аналогичный съ дѣленіемъ нашихъ казачьихъ силъ на войска и отдѣлы, но различный отъ нихъ въ томъ отношеніи, что знамени не присвоена какая либо опредѣленная территорія страны. Тактическая ор-

ганизація восьмизнаменныхъ (па-ци), совершенно отличная отъ ихъ административнаго устройства, не имѣетъ никакого значенія въ бытѣ населенія, тогда какъ принадлежность цзай-ци, т. е. числящагося въ знамени, къ тому или другому ци и цзюнь даетъ ему права на пользованіе извѣстнымъ земельнымъ надѣломъ, жалованьемъ и правомъ занимать должности въ войсковомъ управленіи.

По мѣрѣ того, какъ крѣпло государственное устройство Маньчжуріи, и заканчивалась ея войсковая организація, Минская династія все болѣе и болѣе теряла престижъ свой въ глазахъ народа, и Китайская Имперія была полна элементовъ броженія. Выходцы изъ Китая при дворѣ Тайцзуна, преслѣдуя свои личныя цѣли, укрѣпляли въ немъ сознаніе о слабости Минскаго дома и увѣренность въ могуществѣ Маньчжуръ. Возмущеніе въ Чжилійской провинціи ускорило вмѣшательство Тайцзуна въ дѣла Небесной Имперіи, и уже въ 1644 году сынъ его Шунь-чжи возсѣлъ на престолъ Богдыхановъ, положивъ начало нынѣшней династіи Да-циновъ.

Первой заботой Да-цинскаго правительства было упроченіе за собой сравнительно легко давшагося имъ владычества надъ Срединной имперіей. Средствами къ этому, конечно, могъ послужить тотъ же восьмизнаменный корпусъ, который возвелъ Да-циновъ на престолъ богдыхановъ. Закончена была организація знаменъ, и побѣдители, щедро награжденные помѣстьями и вотчинами, были обязаны военной службой.

Въ предѣлахъ занимаемой нами территоріи знаменные заняли городъ Цзиньчжоу и охватили его плотнымъ кольцомъ своихъ поселеній. Цзиньчжоускій округъ, съ прилегающими къ нему Фучжоускимъ и

Сюянскимъ округами, составили въ военно-административномъ отношеніи одно фудутунство-единицу, аналогичную съ отдѣломъ въ территоріяхъ нашихъ казачьихъ войскъ. Другимъ сосредоточіемъ знаменнаго населенія въ предѣлахъ занимаемаго нами полуострова явилось селеніе Шуй-ши-инъ, въ пяти верстахъ къ сѣверу отъ Портъ-Артура, гдѣ было управленіе Сѣ-лина, т. е. начальника крыла или помощника фудутуна. Впослѣдствіи изъ знаменныхъ Шуй-ши-инскаго района стали вербоваться матросы для береговыхъ и рѣчныхъ флотилій. Названіе Шуй-ши-инъ означаетъ матросскія казармы.

Почтовый трактъ изъ Портъ-Артура на Инкоу черезъ Цзиньчжоу и Фучжоу, называемый по китайски Гуань-дао, а у русскихъ извѣстный подъ именемъ Мандаринской дороги, представляетъ изъ себя полосу знаменныхъ поселеній, на обязанность коихъ возложено было охранять этотъ путь, нести курьерскую службу и, вѣроятно, исправлять дорогу. Названія *) Эрръ-ши-ли-пу, Санъ-ши-ли-пу, Сы-ши-ли-пу и пр., т. е. 10, 15 и 20 верстные станки, указываютъ на происхожденіе селеній, названныхъ этими именами. Кромѣ того знаменному населенію были даны въ пользованіе обширныя пастбища для содержанія конскихъ табуновъ. Всѣ эти мѣстности, извѣстныя подъ общимъ именемъ Мачанъ, нынѣ уже распаханы, и многія изъ нихъ даже перешли въ пользованіе минъ, т. е. незнаменнаго населенія страны. Въ предѣлахъ занимаемой территоріи встрѣчается нѣсколько мѣстностей подъ названіемъ Ма-чанъ. Нѣкоторыя, какъ напримѣръ, въ 8 верстахъ отъ Пицзыво, населены знаменными, другіе (Ма-чанъ на Восточной дорогѣ въ

*) Эрръ, синь, сы—2, 3, 4; ши—10; эрши—20, по ли—$^1/_2$ версты.

Пицзыво, между 1 и 2 постами) заняты минъ, т. е простолюдинами.

Восьмизнаменныя войска, возведшія Да-циновъ на тронъ Небесной Имперіи, не состояли, какъ уже упомянуто, исключительно изъ однихъ Маньчжуръ. Монголы и Китайцы, способствовавшіе Да-цинамъ въ государственномъ переворотѣ, были сравнены въ правахъ съ природными Маньчжурами и составили Мынъ-гу-цзюнь и Хань-цзюнь въ каждомъ изъ восьми знаменъ. Такимъ образомъ весь знаменный корпусъ правильнѣе разсматривать состоящимъ изъ 24 отрядовъ или знаменъ. Выше уже упоминалось, что принадлежность кого либо къ знаменамъ не обусловливается нахожденіемъ его въ той или другой мѣстности имперіи. Числящіеся въ одномъ изъ 24 знаменъ составляютъ населеніе различныхъ мѣстъ имперіи. Непосредственное завѣдываніе ими ввѣрено мѣстнымъ властямъ знаменнаго управленія, которое въ предѣлахъ занимаемой территоріи было сосредоточено въ г. Цзиньчжоу, въ канцеляріи Фудутуна. Знаменное населеніе Цзиньчжоускаго фудутунства приписано къ восьми маньчжурскимъ, тремъ китайскимъ и одному монгольскому знамени. Это монгольское знамя, а именно Баэрръ-ху, занимаетъ незначительный участокъ въ окрестностяхъ г. Цзиньчжоу. По всей вѣроятности, на его обязанность возлагалось несеніе конной службы. Въ настоящее время эти потомки монголовъ потеряли характерный обликъ своего племени и совершенно окитаялись, также какъ и Маньчжуры. Впрочемъ женщины знаменнаго населенія, даже въ Хань-цзюнь, т. е. въ китайскомъ знамени, сохранили нѣкоторую, свойственную лишь Маньчжурамъ, своеобразность головной прически и одежды; всѣ онѣ имѣютъ

большія, не изуродованныя ноги, чѣмъ и отличаются отъ китаянокъ.

Учредивъ военнообязанное знаменное населеніе ци, Да-цинская династія регламентировала и соціальное положеніе завоеванныхъ китайцевъ, присвоивъ имъ названіе минъ, т. е. народъ. Къ нимъ были отнесены и тѣ населявшіе Маньчжурію выходцы изъ Китая, которые не вошли въ Хань-цзюнь. «Ци» составили сравнительно незначительную, привилегированную часть населенія; «минъ»—обозначило всю остальную массу завоеваннаго китайскаго населенія страны. Во внутреннемъ Китаѣ, въ особенности на югѣ, «ци» составляютъ весьма незначительную часть населенія. Въ предѣлахъ занимаемой нами территоріи «ци» немногимъ меньше «минъ».

Изъ вышеизложеннаго объ «ци» и «минъ» видно, что это раздѣленіе скорѣе носитъ характеръ сословный, чѣмъ племенной. Вольный переводъ словъ «ци» и «минъ» означалъ бы, побѣдители и завоеванные.

Браки между «ци» и «минъ» не запрещены, но жена не даетъ никакихъ правъ мужу и дѣтямъ. Состоянія «ци и «минъ» наслѣдственны, и «минъ» можетъ стать «ци» лишь черезъ усыновленіе. Впрочемъ особыя заслуги и достиженіе высшихъ чиновъ даютъ «мину» право на зачисленіе въ «ци». Дацинская династія отнеслась къ побѣжденнымъ очень милостиво, ни чѣмъ не стѣснила ихъ правъ и потребовала лишь одного знака покорности—ношенія косы на макушкѣ и бритья всей остальной головы, какъ это было искони принято у природныхъ Маньчжуровъ. Такимъ образомъ традиціонная коса китайца служитъ вывѣской его политической благонадежности, и подданный вправѣ обрѣзать свою косу лишь тогда, когда примѣръ къ

этому ему будетъ данъ его Августѣйшимъ Повелителемъ.

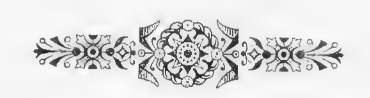
Рззділеніе на «ци» и «минъ» едвали не единственная регламентація сословій въ Китаѣ. Правда, положеніемъ объ Императорскомъ домѣ регламентируется нѣсколько степеней княжескаго достоинства для ближайшихъ родственниковъ и свойственниковъ государя. Желтопоясные (хуан-дай) и краснопоясные (хунъ-дай) представляютъ изъ себя менѣе привилегированныхъ членовъ Императорскаго дома, обращающихся, по мѣрѣ удаленія отъ прямой линіи и родоначальника, въ народъ, но не въ «минъ», а въ ци, такъ какъ Верховный Повелитель Китая числится въ «ци». Правда, въ Китаѣ существуетъ потомственное дворянское достоинство, шести степенямъ коего присвоены опредѣленныя права вотчиннаго поземельнаго владѣнія, но дворянское званіе въ Китаѣ жалуется лишь за особо важныя заслуги и доблести, а не дается вмѣстѣ съ чинами или должностью. Число лицъ, удостоенныхъ потомственнаго дворянскаго званія, въ Китаѣ весьма незначительно, и распространеніе его въ потомствѣ путемъ наслѣдованія ограничено особыми положеніями.

Званіе чиновника, вопреки принятому въ Европѣ мнѣнію, не даетъ никакихъ другихъ правъ, кромѣ служебныхъ и связанныхъ вмѣстѣ съ ними преимуществъ положенія. Мандаринскаго сословія нѣтъ, и самое слово «мандаринъ» въ Китаѣ неизвѣстно: оно, вѣроятно, заимствовано европейцами отъ португальцевъ.

Сословія ученыхъ въ Китаѣ тоже нѣтъ. Ученыя званія пріобрѣтаются конкурсными экзаменами, къ которымъ допускаются всѣ, кромѣ происходящихъ отъ

публичныхъ женщинъ, актеровъ, пѣвцовъ и музыкантовъ, парикмахеровъ, мозольныхъ операторовъ, мелкихъ полицейскихъ служащихъ въ присутственныхъ мѣстахъ (я-ѣи), и невольниковъ, потому что всѣ эти профессіи въ Китаѣ считаются предосудительными. Ученое званіе не даетъ никакихъ преимуществъ, кромѣ личныхъ. Такимъ образомъ мандаринъ (гуань) и ученый (нянь-шу-ды) не болѣе, какъ почетныя профессіи.

Купеческое званіе не регламентируется пріобрѣтеніемъ гильдейскаго свидѣтельства, и занятіе торговлей не даетъ никакихъ правъ состоянія. Городскіе жители въ Китаѣ особаго сословія не составляютъ. Вышесказанное даетъ полное основаніе утверждать, что въ Китаѣ есть въ сущности лишь два сословія «ци» и «минъ», т. е. знаменные и народъ. «Ци» имѣютъ сравнительно съ «минами» громадные земельные надѣлы; вносимая ими подать втрое менѣе податей «миновъ». «Ци» имѣютъ льготы при допущеніи къ конкурснымъ экзаменамъ на ученую степень, а также пользуются преимуществами служебной кандидатуры, и для нихъ доступны почти всѣ государственныя должности. «Ци» обязаны военной службой, но во время состоянія на службѣ получаютъ жалованье серебромъ или зерномъ, хотя и въ ограниченномъ количествѣ.

ГЛАВА II.

РЕЛИГІОЗНЫЯ ВОЗЗРѢНІЯ ТУЗЕМЦЕВЪ.

Конфуціонство.—Буддизмъ и Даосизмъ.—Китайскій пантеизмъ.—За гробная жизнь и метампсихозъ.—Культъ предковъ.—Общество поминальныхъ празднествъ.—Общее заключеніе о религіи туземцевъ.—Хо-шанъ и да-оши.—Отношеніе туземцевъ къ иновѣрческимъ религіямъ.

Хотя всѣмъ извѣстно существованіе въ Китаѣ конфуціанства, буддизма и даосизма, однако мало кто знаетъ, что послѣдователи этихъ религій не составляютъ изъ себя религіозныхъ общинъ, подобно христіанамъ, мусульманамъ и евреямъ. Строго говоря, конфуціанство и не есть религія, а представляетъ собою извѣстное философское мировоззрѣніе.

Искони существовавшій въ Китаѣ культъ предковъ послужилъ Конфуцію краеугольнымъ камнемъ его ученія. Почитаніе родителей было взято имъ за исходную точку этики, и отсюда были опредѣлены обязанности человѣка въ отношеніи семьи, друзей, общества и государства. Конфуцій своимъ ученіемъ не подрывалъ въ народѣ простодушной вѣры въ боговъ. Онъ говорилъ: «Природа духовъ неизвѣстна и непонятна, но, видя проявленія ихъ силы, нельзя не относиться къ нимъ съ уваженіемъ». Но, выказывая полное равнодушіе къ національному пантеону и обходя въ своемъ ученіи вопросъ о Божествѣ и почитаніи боговъ, Конфуцій тѣмъ самымъ какъ бы одобрялъ въ своихъ послѣдователяхъ индифферентизмъ къ рели-

гіознымъ вопросамъ. Вообще метафизика религіозныхъ системъ была совершенно чужда его ученію. Онъ ничего не говорилъ о смерти и загробной жизни. Ученикамъ же, которые искали у него разрѣшенія этихъ неразрѣшимыхъ вопросовъ, онъ уклончиво отвѣчалъ: «Какъ можемъ мы знать, что такое смерть, если не знаемъ еще, что есть жизнь? Изслѣдуемъ вопросы жизни».

Ученіе Конфуція, называемое Шень-цзяо (Святое ученіе), охраняется въ чистотѣ особыми законоположеніями, и лишь основательное изученіе его доктринъ можетъ дать право на полученіе ученой степени, съ которой связано право поступленія на государственную службу. Самъ Конфуцій уже нѣсколько вѣковъ какъ возведенъ въ санъ святаго, поклоненіе его памяти признано оффиціальной обязанностью, и въ каждомъ административномъ пунктѣ имѣется храмъ въ честь Конфуція, гдѣ старшій изъ мѣстныхъ граждаанскихъ чиновниковъ совершаетъ служеніе 1-го и 15-го числа каждаго мѣсяца, а также и въ началѣ 2-й и 8-й луны, въ «счастливые дни», опредѣляемые особымъ астрологическимъ приказомъ.

Въ предѣлахъ занимаемой территоріи конфуціанская кумирня находится лишь въ автономномъ г. Цзиньчжоу. Она расположена въ центрѣ города, на пересѣченіи улицъ, идущихъ отъ южныхъ воротъ къ сѣвернымъ и отъ восточныхъ къ западнымъ. Какъ и повсюду въ конфуціанскихъ храмахъ, здѣсь нѣтъ ни идоловъ ни какихъ либо изображеній, кромѣ сдѣланныхъ изъ дерева поминальныхъ таблицъ въ честь Конфуція—«Первоучителя, великимъ совершенствомъ достигшаго святости» и его учениковъ Мынь-цзы, Янь-цзы, Цзэнъ-цзы и другихъ. Во всѣхъ конфуціантскихъ кумирняхъ, а также и въ Цзиньчжоуской, устро-

сны еще четыре алтаря, гдѣ поставлены именныя таблицы для прославленія памяти отличившихся почитаніемъ къ родителямъ (сяо-цзы-цы), цѣломудренныхъ женщинъ (цзѣ-фу-цы), доблестныхъ чиновниковъ (чжунъ-чэнь-цы) и тѣхъ, кои извѣстны своей добродѣтельной жизнью, (минъ-сянъ-цы). Всѣмъ этимъ людямъ, исполнившимъ требованія конфуціанской морали, воздаются почести при жизни, и память ихъ благоговѣйно чтится послѣ смерти. Поминальныя таблицы Конфуція ставятся также въ библіотекахъ и училищахъ. Учащіеся и учителя совершаютъ передъ ними поклоненія въ установленные ритуаломъ дни.

Родъ Конфуція, происходящій изъ Шань-дуна, возведенъ въ дворянское достоинство и пользуется въ странѣ особымъ почетомъ: одинъ изъ его потомковъ по прямой линіи преемственно получаетъ еще при жизни санъ святаго.

Изъ вышесказаннаго видно, что конфуціанство есть философская доктрина: религіозный элементъ внесенъ въ него лишь оффиціально узаконеннымъ поклоненіемъ памяти Конфуція и добродѣтельныхъ людей, исполнявшихъ требованія конфуціанской морали. Служенія въ храмѣ Конфуція, какъ сказано, возложено на мѣстныхъ гражданскихъ чиновниковъ. Присутствовать при этомъ священнодѣйствіи разрѣшается лишь имѣющимъ ученую степень. Такимъ образомъ хотя принципы конфуціанства глубоко вкоренились въ государственную и народную жизнь Китая, однако ученіе это не религіозное, а философское, и составляетъ во всей полнотѣ достояніе лишь небольшого сравнительно класса ученыхъ.

Буддизмъ и даосизмъ также—не народныя религіи. Ученія эти хотя и проникли отчасти въ жизнь

народа, но распространеніе ихъ не такъ широко, какъ обыкновенно принято думать. Послѣдователи этихъ религій не образуютъ народной массы, какъ въ Тибетѣ или Монголіи: они группируются лишь въ немногочисленные монашескіе ордена. Даосескій и буддійскій пантеоны состоятъ изъ родственныхъ между собою божествъ. Это, быть можетъ и служитъ причиной, что китаецъ, въ случаѣ надобности обратиться къ богамъ, безразлично ищетъ удовлетворенія своего религіознаго чувства въ сосѣдней кумирнѣ, не обращая вниманія, принадлежитъ ли она къ культу «Фо» т. е. будды, или «Дао».

Въ отношеніи религіозныхъ воззрѣній китаецъ—пантеистъ. Если спросить туземца: «кому ты поклоняешся»—онъ отвѣтитъ: «духамъ» (шэнь-сянь). И дѣйствютельно, небо, землю и преисподнюю онъ представляетъ себѣ населенными добрыми и злыми духами, изъ коихъ каждый имѣетъ ограниченный кругъ дѣятельности и вліянія на жизнь природы и человѣка. Понятіе о Всевѣдущемъ и Всемогущемъ Творцѣ и Вседержителѣ вселенной чуждо китайцу: его боги обладаютъ лишь безсмертіемъ, будучи въ остальномъ также не совершенны, какъ люди. Главенствуетъ надъ безсмертными духами Юй-хуанъ, а ближайшій его помощникъ—Гуфнь-лао-ѣ. Высшимъ женскимъ божествомъ признается Шэнъ-му-нянъ-нянъ (Святая матерь): она почитается какъ покровительница торговли, мореплаванія, промышленной производительности и дѣторожденія.

Изъ другихъ боговъ большимъ почитаніемъ пользуется Лунъ-ванъ—повелитель вѣтровъ и податель влаги и Янь-цзюнь-ѣ—владыка преисподней и загробный судія. Затѣмъ всѣ классы и профессіи имѣютъ

своихъ покровителей, которые пользуются почетомъ въ зависимости отъ общественнаго положенія тѣхъ, коимъ они покровительствуютъ. Каждый городъ и селеніе имѣютъ своихъ боговъ—покровителей. Богамъ городовъ (чэнъ-хуанъ) воздвигаются храмы, богамъ селеній (тусянь) строятся кумиреньки при въѣздѣ и выѣздѣ. Но всѣхъ ближе и милѣе сердцу туземца богъ очага (Цзао-ванъ): онъ ближайшій посредникъ людей и высшихъ божествъ. Ежегодно въ 23-й день послѣдней луны Цзао-ванъ улетаетъ на небо для доклада богамъ о добрыхъ и злыхъ дѣяніяхъ людей.

Практическій умъ китайца мало интересуется вопросами космогоніи и загробной жизнью, но онъ вѣритъ въ безсмертіе души и метампсихозъ, переводимый по китайски выраженіемъ чуань-шэнь. Душа умершаго, по представменію китайца, первые дни послѣ смерти мятется въ невыразимыхъ мукахъ, разлучаясь съ роднымъ домомъ. Лишь моленія и сочувственныя печалованія близкихъ родственниковъ могутъ облегчить умершему его тоску, и тогда онъ уже съ облегченнымъ сердцемъ слѣдуетъ за обезьяной, присланной за нимъ Янь-цзюнь-ѣ для сопровожденія его въ преисподнюю. (Вотъ почему у китайцевъ выраженіе «поиграть съ обезьяной» синонимично со словомъ умереть). Душа умершаго должна пройти 10 адскихъ судилищъ, гдѣ происходитъ предварительное слѣдствіе надъ ея поступками въ теченіи жизни. Кто, по малодушію или изъ желанія обмануть, утаитъ ходъ одинъ свой грѣхъ или разскажетъ о немъ не съ полной искренностью, неминуемо подвергается жесточайшимъ мученіямъ. Въ это тяжелое время слѣдствія надъ душою умершаго, она нуждается въ особомъ попеченіи со стороны близкихъ, которые не должны быть лѣнивы въ моленіи и плачѣ. Наконецъ душа умершаго

предстаетъ предъ самимъ Янь-цзюнь-ѣ, повелителемъ преисподней и справедливымъ, но безжалостнымъ воздаятелемъ за добро и зло. Сначала онъ на гигантскихъ счетахъ опредѣляетъ балансъ дурныхъ или добрыхъ поступковъ умершаго, а потомъ назначаетъ ему должное воздаяніе. Дурные люди по его повелѣнію перерождаются въ слѣпыхъ, глухихъ, горбатыхъ и вообще убогихъ физически и духовно. Самая худая судьба-переродиться въ безумнаго, но большихъ грѣшниковъ ожидаетъ еще худшее перерожденіе въ животныхъ и пресмыкающихся. Люди добродѣтельные получаютъ въ награду болѣе счастливое и радостное существованіе, перерождаясь снова въ человѣка или достигая безсмертія въ сонмѣ небожителей. Когда опредѣлилась судьба души умершаго, онъ снова передается на попеченіе обезьяны, которая должна сначала дать ему выпить чашу «Ми-хунь-танъ», омрачающаго сознаніе настоя, а затѣмъ вывести его изъ преисподней и вселить въ то новорождающееся существо, кое указано для него верховнымъ судіей. Нѣкоторымъ, очень немногимъ, удается обмануть обезьяну, выпивъ не всю чашу до дна и выплеснувъ часть содержимаго въ ней. Тогда эти люди въ будущей своей жизни хранятъ нѣкорое смутное представленіе о событіяхъ своего предыдущаго бытія: они съ самихъ раннихъ лѣтъ выказываютъ большую способность къ усвоенію знаній и ихъ постоянно тревожитъ желаніе направиться въ ту страну и въ среду тѣхъ людей, гдѣ нѣкогда протекала ихъ жизнь.

Вѣра въ перерожденіе души и культъ предковъ одинаково имѣютъ весьма древнее происхожденіе, и прослѣдить исторію возникновенія того и другаго нѣтъ никакой возможности; но нѣтъ сомнѣнія, что культъ предковъ неразрывно связанъ съ вѣрованіями о за-

гробной жизни. Священная обязанность почитанія памяти родителей, выражающая главнымъ образомъ, въ приличныхъ похоронахъ, ношеніи траура и исполненіе поминальныхъ обрядовъ, конечно тѣсно связана съ религіознымъ убѣжденіемъ китайца, что душа умершаго крайне нуждается въ попеченіи близкихъ живыхъ существъ. Если душа умершаго за добродѣтельную жизнь получаетъ болѣе счастливое и радостное существованіе на землѣ или горныхъ обителяхъ небожителей, то она въ благодарность за родственную заботу о ней, конечно, постарается сохранить связь съ потомствомъ своей предыдущей жизни и сдѣлается его ближайшимъ покровителемъ. Души же грѣшниковъ, обрекаемыя на худшее существованіе, еще болѣе нуждаются въ попеченіи о нихъ. Поэтому на обязанности потомства и лежитъ священный долгъ молиться о судьбѣ своихъ предковъ. Въ каждомъ домѣ устроенъ домашній алтарь, гдѣ передъ таблицами умершихъ родственниковъ по прямой восходящей линіи, старшій изъ мужскихъ членовъ семьи совершаетъ ежедневныя поклоненія. Въ трудныя минуты жизни глава семьи передъ алтаремъ родныхъ пенатовъ ищетъ разрѣшенія своихъ тревогъ и сомнѣній. Всякое значительное событіе въ жизни семьи связано съ поклоненіемъ духамъ предковъ, по представленію китайца, неразрывно связанныхъ съ судьбой своего потомства.

Культъ предковъ обязываетъ китайца заботиться о томъ, чтобы имѣть мужскихъ потомковъ, а поэтому въ глазахъ китайца бракъ—выше безбрачія, обиліе дѣтей—благо, безплодіе—несчастье. Женщина, не имѣющая дѣтей, не пользуется никакимъ уваженіемъ мужа и его семьи, и безплодіе жены есть законный поводъ къ разводу. Отсюда понятно, что кумирни Нянъ-нянъмяо-богини, покровительствующей рожденію дѣтей,

всегда пользуется въ странѣ большимъ почетомъ. 18 числа 3-й луны эти кумирни привлекаютъ большія толпы туземцевъ. Въ кумирнѣ Сань-гуань-мяо, расположенной въ сѣверо-западномъ углу занимаемой территоріи въ этотъ день собирается до 20,000 народу, приходящаго съ юга отъ Цзиньчжоу, съ сѣвера отъ Фучжоу и съ востока отъ Пицзыво. На этихъ празднествахъ разрѣшается присутствовать и женщинамъ. Нужно сказать въ чести китайскихъ боговъ или ихъ служителей, что моленія о зачатіи почти никогда не бываютъ безуспѣшны: молельщицы, до его безплодныя, обыкновенно получаютъ даръ зачатія и рождаютъ. Если же китаецъ до преклоннаго возраста остался бездѣтнымъ, то онъ усыновляетъ одного изъ своихъ ближайшихъ родственниковъ; на усыновленнаго и переходитъ забота о предкахъ усыновителя.

Религіозной общины въ Китаѣ нѣтъ, но возлагаемая культомъ предковъ обязанность совершать въ извѣстные дни года поминальныя празднества побуждаетъ жителей сосѣднихъ селеній соединяться въ общества для устройства этихъ празднествъ въ одной изъ ближайшихъ кумиренъ. Общество каждой кумирни состоитъ изъ деревень, входящихъ въ составъ его, по желанію своихъ жителей. Селенія, почему либо недовольныя обществомъ одной кумирни, безпрепятственно присоединяются къ обществу другой. Члены общества платятъ сумму денегъ, необходимую на покрытіе расходовъ по устройству празднествъ, и выбираютъ изъ своей среды главу, на обязанности коего и возлагается распорядительная часть. Празднества состоятъ изъ моленій, совершаемыхъ священнослужителями передъ кумирами, и театральныхъ представленій, которыми распоряжается глава общества и которыя собственно религіознаго значенія не имѣютъ.

Обыкновенно общества эти никакого другого назначенія кромѣ устройства поминальныхъ празднествъ не имѣютъ, но иногда глава общества, пользующійся уваженіемъ и популярностью, пріобрѣтаетъ большое вліяніе въ своей мѣстности и руководитъ общественнымъ мнѣніемъ населенія.

Изъ всего вышеизложеннаго о культѣ предковъ и религіозномъ міровозрѣніи китайца можно заключить, что въ Китаѣ существуютъ религіозныя вѣрованія своеобразнаго и опредѣленнаго склада, не чуждыя отчасти буддизма и даосизма, но вмѣстѣ съ тѣмъ совершенно отличныя отъ нихъ и во всякомъ случаѣ не тождественныя съ этими вѣроученіями. Конфуціанство, выдаваемое за національную религію китайцевъ, представляетъ изъ себя, какъ уже сказано, не религіозное, а философское ученіи, принципы коего однако глубоко проникли въ государственную и общественную жизнь китайскаго народа. Буддизмъ и Даосизмъ не суть достоянія массы народа; послѣдователи этихъ ученій соединены лишь въ небольшія общины, или иначе говоря, монашескіе ордена, такъ какъ безбрачіе воздержаніе, отрѣшеніе отъ всякихъ личныхъ, имущественныхъ правъ и обезличиваніе себя въ безусловномъ послушаніи старшимъ—обязательны для членовъ этихъ общинъ.

Буддизмъ, по китайски Фо-цзяо, т. е. ученіе Будды, или Ши-цзяо—истинное ученіе, пользуется въ Китаѣ большимъ уваженіемъ, чѣмъ Даоское ученіе или дао-цзяо (дао значитъ путь къ истинѣ), которое при многихъ династіяхъ подвергалось преслѣдованію и было допущено къ свободному исповѣданію на равнѣ съ буддизмомъ лишь при предыдущей династіи Минъ. Если спросить китайца въ чемъ заключается

различіе между Буддизмомъ и Даосизмомъ, то онъ отвѣтитъ, что послѣдователи перваго называются «хошанъ» или «лао-сэнъ», не носятъ косы и брѣютъ голову, а послѣдователи второго «дао-ши», которые головы не брѣютъ и не стригутъ, но волосъ въ косу также не заплетаютъ, завязывая ихъ на макушкѣ. Если это объясненіе покажется кому либо неудовлетворительнымъ, то туземецъ порекомендуетъ ему обратитьси къ «хошану» или «даоши». Тѣ и другіе живутъ въ монашескомъ общежитіи, и нѣкоторое изъ нихъ за ученость и подвижническую жизнь пользуются извѣстностью и почетомъ населенія, но вообще говоря, китайскіе монахи никакимъ вліяніемъ въ странѣ не пользуются и зачастую въ комедіяхъ или народныхъ разсказахъ хошанъ играетъ весьма смѣшную роль. Кромѣ монаховъ у даосовъ есть и хо-цзю дао-ши т. е. живущіе въ общежитіи и бракѣ. Это родъ бѣлаго даоскаго духовенства никакихъ внѣшнихъ отличительныхъ приказовъ не имѣетъ, и хо-цзю дао-ши ничуть не розиится отъ обыкновеннаго туземца. На хошановъ или дао-ши и возлагается обязанность священнослуженія въ кумирняхъ, при которыхъ они живутъ съ сторожами и другими служителями.

Въ монахи можетъ поступить всякій желающій, если только онъ не возбуждаетъ подозрѣнія своимъ поведеніемъ. Ту-ди или ученикъ долженъ дать обѣтъ воздержанія и послушанія и выдержать искусъ подъ наблюденіемъ и руководствомъ да-ши-фу, т. е. наставника или настоятеля. Когда своимъ поведеніемъ и усердіемъ къ исполненію религіозныхъ обязанностей, онъ заслужитъ общее уваженіе братіи, то настоятель даетъ ему разрѣшеніе отправиться въ паломничество по святымъ мѣстамъ, гдѣ въ особыхъ учрежденіяхъ, называемыхъ шоу-цзѣ чанъ-чу, онъ можетъ удостоить-

ея посвященія въ хо-шаны или дао-ши. Тогда онъ получаетъ особую грамоту и уже самъ можетъ выступать въ роли да-ши-фу (наставника).

Кромѣ желающихъ, хошанами становятся нѣкоторые изъ посвященныхъ храму самими родителями. Нерѣдко бездѣтные родители даютъ обѣтъ посвятить родившееся дитя храму, или же бываетъ, что, молясь о выздоровленіи ребенка, обѣщаютъ, что онъ станетъ священнослужителемъ. Иногда во время моленія о предотвращеніи какого либо семейнаго несчастія или народнаго бѣдствія семья или селеніе даетъ обѣтъ родившихся въ извѣстный періодъ посвятить храму (сю-мяо). Посвященному обреваютъ голову, и до девяти лѣтъ ребенокъ живетъ въ семьѣ, а затѣмъ долженъ быть отведенъ въ кумирню и отданъ настоятелю. Если родители не желаютъ разстаться съ своимъ дѣтищемъ то есть возможность уладить дѣло, не обижая боговъ нарушеніемъ обѣта: необходимо совершить лишь обрядъ, называемый тяо-цянъ (перескакиваніе черезъ стѣну). Ребенка приводятъ въ кумирню, принося въ подарокъ осла или другую скотину и живность, смотря по достатку. Предупрежденный о желаніи родителей хошанъ молится о принятіи ребенка въ кумирню, но богъ не удостоиваетъ своимъ одобреніемъ. Тогда хошанъ, слѣдуя волѣ недовольнаго божества, даетъ посвящаемому подзатыльникъ и выгоняетъ его изъ кумирни, причемъ ребенокъ перескакиваетъ черезъ скамейку, особо для этого поставленную. Выбѣжавши изъ кумирни, посвящаемый обязанъ вернуться и снова просить хошана о принятіи его въ кумирню, но тотъ не соглашается, приказываетъ ему вернуться домой и сказать родителямъ, что боги не удостоиваютъ принять его.

Въ Китаѣ есть и женскіе монастыри, но въ пре-

дѣлахъ занимаемой территоріи ихъ нѣтъ ни одного. Большая часть кумиренъ на полуостровѣ, въ особенности въ сѣверной части, принадлежитъ къ буддійскому толку, остальныя къ даоскому. Занятыя по распоряженію Контръ-Адмирала Дубасова большія кумирни въ Портъ-Артурѣ и Далянванѣ принадлежатъ къ даоскому толку и пользовались въ странѣ большой извѣстностью.

Хотя послѣдователи конфуціанства, буддизма и даосизма не составляютъ народной массы, но эти ученія глубоко проникли въ жизнь народа и находятся въ тѣсной связи съ его религіозными вѣрованіями, поэтому, а также по давности своего возникновенія (Конфуціанство и даосизмъ въ 6 вѣкѣ до Р. Хр.) и распространенія (Буддизмъ въ 1-мъ вѣкѣ по Р. Хр.) въ Китаѣ, они съ полнымъ основаніемъ могутъ считаться національными. Но кромѣ этихъ ученій, регламентированныхъ правительствомъ и пользующихся уваженіемъ народа, въ Китаѣ существуетъ магометанство, а среди инородцевъ и шаманство. Среди туземцевъ занимаемой нами территоріи магометанство встрѣчается въ видѣ немногочисленныхъ единичныхъ примѣровъ. Во всей прибрежной полосѣ Китая, а также и въ Маньчжуріи, христіанскія миссіонерскія общества уже около двухъ вѣковъ, какъ открыли свою дѣятельность.

Китаецъ, будучи чуждъ религіозной исключительности и фанатизма, отличается большой терпимостью ко всѣмъ иновѣрческимъ ученіямъ, относясь къ нимъ съ индиферентностью человѣка, который находитъ полное удовлетвореніе своего религіознаго чувства въ культѣ предковъ и простодушной вѣрѣ въ боговъ національнаго пантеона. Къ христіанству китаецъ отно-

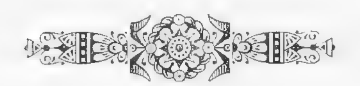
сится съ тѣмъ же равнодушіемъ, какъ и къ другимъ вѣроученіямъ, чуждымъ его религіознаго міровозрѣнія. Если въ Китаѣ и случаются антимиссіонерскіе безпорядки, то причины таковыхъ слѣдуетъ искать не въ религіозной нетерпимости китайцевъ, а въ другихъ свойствахъ характера и своеобразныхъ условіяхъ жизни народа. Однако несмотря на свое равнодушіе къ вопросамъ религіи, китайцы довольно легко поддаются вліянію миссіонерскихъ общинъ. Успѣхъ этого надо видѣть: во первыхъ въ томъ нравственномъ вліяніи, которое оказываетъ личность миссіонера на массу туземцевъ, во вторыхъ, въ той помощи и заступничествѣ, которыя оказываются обращеннымъ со стороны миссіонеровъ, и наконецъ причина успѣха зависитъ оттого, что неясное и малосодержательное религіозное міровозрѣніе туземца не можетъ устоять передъ свѣтомъ Божественнаго ученія, которое, выводя обращеннаго изъ тьмы невѣжества и заблужденій, указываетъ ему истинный путь къ самопознанію и самоусовершенствованію.

Въ предѣлахъ занимаемой территоріи имѣется небольшое число католиковъ, обращенныхъ дѣятельностью Мукденскаго католическаго общества (Société des missions étrangéres), которое часть средней и всю южную Маньчжурію разсматриваетъ какъ одно епископство. (Monseigneur Guillon), а занимаемую нами территорію считаетъ причисленной къ Сюяньскому приходу (Pére Beaulieu).

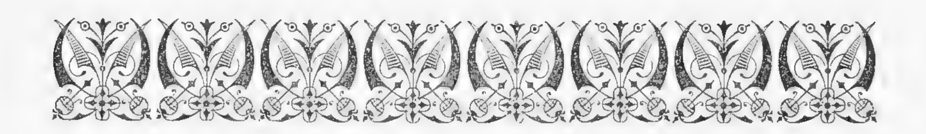
Société des missions étrangéres открыло свою дѣятельность въ Маньчжуріи въ 1839 году. Несмотря на появленіе въ краѣ протестанскихъ миссіонеровъ послѣ 1861 г., когда былъ открытъ для европейцевъ портъ Ньючжуанъ (Инкоу), католики съ успѣхомъ

продолжают свою пропаганду. «Работа миссіонеровъ французскаго католическаго общества. Société des missions étrangères идетъ настолько успѣшно, что въ нынѣшнемъ (1897) году, въ декабря мѣсяцѣ, въ костелѣ, расположенномъ верстахъ въ 35 къ западу отъ г. Куань-чэн-зы, въ деревне Сяо-па-цзя-цзы происходило торжественное посвященіе въ викарные епископы старшаго миссіонера Маньчжуріи père Lalouyer». *) Такимъ образомъ создалось въ Маньчжуріи второе, Гиринское, епископство святой католической церкви, подчиненное впрочемъ Мукденскому, какъ старшему.

Основавшаяся въ Портъ-Артурѣ послѣ Японско-Китайской войны датская протестантская миссія уже считаетъ въ числѣ обращенныхъ нѣсколько десятковъ туземцевъ.

*) Генер. штаба капитана Вейль «Южно-Сунгарійскій раіонъ», часть I.

ГЛАВА III.

НАРОДНОЕ ОБРАЗОВАНІЕ.

Общій характеръ китайскаго образованія.—Развитіе грамотности и распространеніе образованія въ странѣ.—Ученые и грамотѣи.—Взглядъ народа на образованіе.—Нравственный обликъ китайскаго ученаго.—Отношеніе китайскихъ ученыхъ къ иностранцамъ.

Все китайское образованіе заключается въ изученіи іероглифической письменности и образцовъ словесности. Программа обученія и книги, которыя обязательно проштудировать каждому образованному китайцу, строго опредѣлены обычаемъ и регламентаціей правительства и представляютъ изъ себя систему конфуціанскаго ученія, изложенную въ сочиненіяхъ самаго Конфуція и его ближайшихъ послѣдователей и коментированную позднѣйшими учеными. До послѣдняго времени китайцы, косные въ своемъ самодовольствѣ, вполнѣ удовлетворялись изученіемъ Конфуція, и лишь недавно въ главныхъ городахъ нѣкоторыхъ провинцій и портахъ, открытыхъ для иностранной торговли, учреждены училища, гдѣ преподается элементарная математика, свѣдѣнія изъ географіи, физики, исторіи иностранныхъ государствъ и отчасти правовѣдѣнія. На государэтвенныхъ экзамецахъ въ Пекинѣ, согласно изданному въ 1897 году указу императора, опредѣленный процентъ экзаменующихся награждается учеными степенями за знаніе иностранныхъ языковъ, математики и другихъ отдѣловъ иностранной

учености, но на ряду съ этимъ система конфуціанскаго образованія удержалась въ прежней силѣ.

Китайскія училища на занимаемой территоріи Ляодунскаго полуострова, какъ и повсюду въ Китаѣ, содержатся на частныя средства, и всѣ онѣ болѣе или менѣе похожи одно на другое, какъ методомъ, такъ и программой преподаванія. Училища устроены во многихъ пунктахъ занимаемой территоріи, изъ коихъ въ этомъ отношеніи наибольшого вниманія заслуживаетъ Цзиньчжоу, Пицзыво и Саншилипу, гдѣ число учащихся доходитъ до 50—60 человѣкъ. Учащіеся исключительно мальчики и число ихъ въ отношеніи всего малолѣтняго мужскаго населенія страны едва ли превышаетъ 10%. Всѣ училища считаются состоящими подъ надзоромъ одного изъ чиновниковъ г. Цзиньчжоу, а именно смотрителя конфуціанской кумирни, называющагося «лао-ши». Онъ долженъ ежегодно ревизовать ихъ и производить экзамены. Однако зачастую инспектора училищъ манкируютъ своими обязанностями, предоставляя учителямъ и учащимся слѣдовать обычной рутинѣ.

Туземныя училища обыкновенно не раздѣлены на классы: учащіеся исключительно заняты изученіемъ іероглифовъ и образцовъ словесности. Послѣ такого многолѣтняго ученія туземецъ едва умѣетъ считать и то не иначе, какъ на счетахъ, и при условіи, что его обучали этому дома; свѣдѣнія его изъ географіи родной страны и ея исторіи—самыя смутныя; представленія же его о земномъ шарѣ, иностранныхъ государствахъ и физическихъ законахъ отличаются необычайной наивностью и превратностью.

Что касается до развитія грамотности и распространенія въ странѣ, то можно смѣло утверждать, что

число грамотныхъ едва-ли превышаетъ 10°/₀ взрослаго мужскаго населенія страны. Изъ туземныхъ женщинъ весьма рѣдкая умѣетъ подписать свое имя. Правда, что въ средѣ остальнаго населенія найдется нѣкоторое число умѣющихъ подписать свою фамилію и знающихъ нѣсколько іероглифовъ, но конечно, они не могутъ быть названы даже малограмотными. Что касается до вышеозначенныхъ 10°/₀ грамотныхъ, то изъ нихъ едва ли лишь третья часть можетъ быть причислена къ хорошо грамотнымъ, начитаннымъ людямъ, остальныхъ же правильнѣе считать за малограмотныхъ. Большая часть торговаго населенія страны грамотна лишь настолько, насколько это вызывается надобностями незатѣйливыхъ торговыхъ предпріятій. Торговцы практическимъ путемъ усваиваютъ себѣ четыре правила ариѳметики и производятъ дѣйствія надъ числами на счетахъ, иногда доходя до виртуозности въ быстротѣ и ловкости обращенія съ ними.

Каждые 3 года два раза въ Цзиньчжоу происходятъ публичныя испытанія учениковъ, желающихъ быть допущенными на конкурсный экзаменъ на первую ученую степень, производимыя въ сяо-юань (учебный дворъ) при ямынѣ Мукденскаго цзянь-цзюня. Къ экзамену допускаются лишь молодые люди вполнѣ безупречнаго поведенія и нравственности. Не окончившій ношеніе траура по умершимъ родителямъ или родственникамъ не можетъ быть допущенъ къ испытанію. Обыкновенно число экзаменующихся въ городѣ Цзиньчжоу не превышало 100 человѣкъ. Изъ нихъ около половины получали званіе тунъ-шена и допускались въ Мукденъ къ конкурсному экзамену на званіе сію-цая. Для знаменныхъ необязателенъ предварительный экзаменъ у окружнаго начальника: они имѣютъ право быть допущенными прямо къ конкурсу

и являются въ Мукденъ приблизительно въ такомъ же количествѣ какъ и мины, выдержавшіе предварительное испытаніе въ округѣ. Изъ числа этихъ соискателей ученой степени не болѣе 5% удостоиваются званія сіу-цай, т. е. «разцвѣтающій талантъ»; около 2% неудостоившихся этого званія отмѣчаются въ спискѣ экзаменовавшихся и въ объявленіи объ успѣшно выдержавшихъ испытаніе, какъ и-шэнъ, т. е. отличный студентъ. Число имѣющихъ ученую степень сіу-цай въ занимаемой территоріи не превосходитъ 100.

По достиженіи званія сіу-цай ревнителю учености предоставляется право конкурснаго экзамена на степень цзюй-женя. Испытаніе это происходитъ въ Пекинскомъ экзаменаціонномъ дворѣ, называемомъ гунъ-юань, т. е. дворъ отличій. Званіе цзюй-жена, т. е. «человѣка поднявшагося къ достиженію истины», —довольно рѣдкое. Въ занимаемой нами территоріи число цзюй-женей не превышаетъ 10. Между сіу-цаемъ и цзюй-женемъ есть еще промежуточная ученая степень—гунъ-шэнъ, которая достигается особымъ конкурснымъ испытаніемъ въ главномъ провинціальномъ городѣ (въ Мукденѣ) и коей присвоены особые права и преимущества. Число гунъ-шэновъ также не велико въ странѣ, какъ и цзюй-женей.

Слѣдующая за цзюй-женемъ степень цзинь-ши, т. е. «вошедшій въ классъ ученыхъ», представляетъ весьма рѣдкое ученое отличіе. Имѣющіе эту степень пользуются извѣстностью и уваженіемъ во всемъ округѣ, гдѣ проживаютъ. Въ предѣлахъ занимаемой территоріи нѣтъ ни одного цзинь-ши. Степенью цзинь-ши карьера китайца еще не кончается; онъ можетъ удостоиться еще болѣе почетнаго званія хань-линь, т. е. академика, изъ среды коихъ избираются кандидаты на высшія государственныя должности.

Достиженіе всѣхъ этихъ степеней обусловливается лишь болѣе основательнымъ знакомствомъ съ іероглифической письменностью и образцами этической, исторической и изящной словесности.

Каждой ученой степени присвоены опредѣленныя права и преимущества кандидатуры на государственныя должности и извѣстный почетъ и положеніе въ обществѣ. Такъ въ случаѣ нарушенія порядка и общественнаго благополучія, имѣющій ученую степень не подвергается аресту и тѣлесному наказанію, а призывается въ канцелярію мѣстнаго гражданскаго или знаменнаго управленія, гдѣ ему дѣлается выговоръ, а въ болѣе важныхъ случаяхъ онъ препровождается къ лао-ши—чиновнику, завѣдующему конфуціанской кумирней, который дѣлаетъ ему строгое внушеніе и даже подвергаетъ его тѣлесному наказанію, имѣющему, впрочемъ, характеръ символическій, потому что оно состоитъ въ легкихъ ударахъ планкою по рукамъ. Слѣдуетъ замѣтить, что лао-ши простираетъ свою власть лишь на сіу-цаевъ. Ученые болѣе высокихъ степеней въ его вѣдѣніи не состоятъ. Объ ученыхъ, совершившихъ преступленіе или неоднократно замѣченныхъ въ предосудительномъ поведеніи доносится губернатору или генералъ-губернатору, который дѣлаетъ виновному строгое предостереженіе или лишаетъ его званія—сіу-цая и гун-шэна своею властью, а о цзюй-жень и цзинь-ши дѣлаетъ представленіе въ соотвѣтствующее центральное учрежденіе.

Къ чести китайскихъ ученыхъ слѣдуетъ замѣтить, что всѣ они глубоко проникнуты сознаніемъ своего достоинства и не позволяютъ себѣ унизиться до какого либо предосудительнаго дѣйствія. Ложь считается не совмѣстною съ званіемъ ученаго или чиновника;

однако это не мѣшаетъ нисколько тѣмъ и другимъ пускаться на всякія увертки, не рискуя скомпрометтировать себя въ общественномъ мнѣніи. Напротивъ, уклончивость, возбуждающія въ европейцѣ справедливое чувство негодованія и презрѣнія, чтутся какъ проявленіе большого ума и характера.

Человѣкъ, достигшій ученаго званія, составляетъ гордость не только своей семьи и рода, но и той мѣстности, гдѣ живетъ. Бываетъ что проводники, какъ на достопримѣчательность, указываютъ на селеніе, гдѣ живетъ семья давно уже умершаго цзинь-ши. Нѣтъ нужды пояснять, что благодаря такому почетному положенію, ученые пользуются въ Китаѣ громаднымъ вліяніемъ на общественное мнѣніе.

Кромѣ небольшого сравнительно числа людей, дѣйствительно достигшихъ ученаго званія повсюду въ Китаѣ есть не мало такъ называемыхъ нянь-шу-ди, что значитъ изучающій книгу, но которыхъ правильнѣе было бы называть грамотѣями, въ отличіе отъ настоящихъ ученыхъ. Эти нянь-шу-ди находятся во всякой почти деревнѣ и въ каждой зажиточной семьѣ. Они исполняютъ обязанности учителя или конторщика и домашняго секретаря. На нихъ не возлагаютъ никакого труда кромѣ письменныхъ занятій, и эти—проникнувшіе отчасти въ дебри китайской письменности и вкусившіе, хотя и немного, учености—люди пользуются въ своей средѣ не малымъ почетомъ и уваженіемъ, впрочемъ далеко не такимъ большимъ, какъ удостоившіеся ученыхъ степеней. Они также пользуются вліяніемъ и руководятъ общественнымъ мнѣніемъ своего муравейника. Званіе нянь-шу-ди общее для нихъ и для настоящихъ ученыхъ, и почетъ, который имъ оказывается окрестными жителями, побуж-

даютъ ихъ заботиться о безупречности своей репутаціи и избѣгать всего предосудительнаго. Однако, тогда какъ настоящій ученый скроменъ, полонъ истиннаго достоинства и благородства, съ возвышенными мыслями о справедливости и долгѣ, зачастую самоотверженный и всегда почти безкорыстный борецъ за свою свободу и право,—заурядный нянь-шуди или грамотѣй заносчивъ, исполненъ чванливости и глупой амбиціи, склоненъ къ сутяжничеству и аблакатству, зачастую является подстрекателемъ къ безпорядкамъ и почти всегда безсовѣстный клеветникъ, своекорыстно искажающій истину.

Изъ вышеизложеннаго о положеніи ученыхъ и грамотѣевъ въ обществѣ видно, съ какимъ высокимъ уваженіемъ относится народная масса къ образованію. Образованіе и способность къ умственному труду въ глазахъ народа—Божій даръ, котораго удостоивается не всякій. Изученіе китайской письменности и конфуціанской премудрости требуетъ долгаго времени и большого напряженія силъ со стороны обучающагося. Для того, чтобы быть въ состояніи понимать обыденный книжный языкъ, а также владѣть кистью и знать іероглифы настолько отчетливо, чтобы имѣть возможность самому излагать мысли на бумагѣ, нужно при хорошихъ способностяхъ употребить 5—6 лѣтъ усидчиваго труда. Для того же, чтобы держать экзаменъ на первую ученую степень, нужно «изучать книгу» (нянь-шу) не менѣе 10 лѣтъ и то при отличныхъ способностяхъ и прилежаніи. Конечно для всего этого кромѣ выдающихся способностей требуется еще большее напряженіе воли, хорошее здоровье и благопріятныя матеріальныя условія. Всякая зажиточная семья стремится обучить грамотѣ своихъ мужскихъ представителей, и если кто нибудь изъ нихъ выкажетъ спо-

собности, то его посвящаютъ ученой карьерѣ. Тогда онъ становится «няньдуши» и достигая при благопріятныхъ обстоятельствахъ ученой степени, вознаграждаетъ заботы о немъ своихъ родныхъ тѣмъ почетомъ и извѣстностью которыя выпадаютъ на ихъ долю, какъ людей, близкихъ къ ученому и талантливому человѣку.

Дѣвушекъ тоже обучаютъ грамотности, но лишь въ кругу чиновниковъ. Грамотная женщина въ Китаѣ большая рѣдкость; однако китайская исторія упоминаетъ о женахъ, которыя славились ученостью и образованіемъ. Въ предѣлахъ занимаемой территоріи едва-ли найдется два, три десятка туземокъ, которыя хоть немного бы знали грамоту.

Воспитанный въ духѣ конфуціанской доктрины, принципами коей проникнута внутренняя жизнь народа и на которой зиждется весь государственный строй, китайскій ученый является убѣжденнымъ патріотомъ своей родины и вѣрнымъ хранителемъ національной самобытности и завѣта предковъ. Онъ по убѣжденію почтительный сынъ, честный гражданинъ и вѣрный слуга престола и отечества. Атеистъ по религіознымъ убѣжденіямъ, онъ исполненъ нѣкотораго пантеистическаго обожанія Невѣдомой Силы, создавшей міръ и неисповѣдимыми путями управляющей имъ. Нравственныя принципы его отличаются устойчивостью, какъ у человѣка исполненнаго непоколебимой вѣры, что добро и справедливость присущи каждому по природѣ и глубоко, убѣжденнаго, что долгъ каждаго идти по указанному Провидѣніемъ пути добродѣтели, руководствуясь примѣрами великихъ мудрецовъ древности, изъ коихъ первый Конфуцій, достигшій святости, благодаря своему нравственному совершенству. Люди

исполненные такихъ трезвыхъ взглядовъ на жизнь, конечно, совершенно чужды всякаго скептицизма и анархическихъ наклонностей. Настоящій китайскій ученый, не одобряющій дѣйствій правительства или его представителей, не агитируетъ и не ищетъ популярности выставленіемъ на показъ своего либерализма. Онъ открыто высказываетъ свои убѣжденія или изданіемъ книги, или подачей доклада въ соотвѣтствующее учрежденіе, безстрашно ожидая послѣдствій своего смѣлаго поступка и доблестно жертвуя и свободой и жизнью за то, что почитаетъ за истину. Прежде, когда народности, нынѣ соединенныя подъ скипетромъ китайскаго императора, не составляли единаго цѣлаго, ученые, недовольные своимъ правительствомъ, уходили въ другое государство и служили другому престолу. Нынѣшняя династія окончательно объединила подъ своею властью всѣ монгольскія племена, не подчинявшіяся уже Россіи, и теперь китайскій ученый заявляетъ свой протестъ правительству лишь отказомъ отъ служебной кандидатуры и возвращеніемъ къ своимъ домашнимъ занятіямъ.

Китайскіе ученые, эмансипированные событіями послѣдняго полустолѣтія, несмотря на косность правительства, стали сторонниками реформы и иностранной учености; но они убѣжденные противники того обезьяньяго проворства, съ какимъ японцы ухватились за плоды западной цивилизаціи, и требуютъ, чтобы реформы никоимъ образомъ не нарушали національной самобытности.

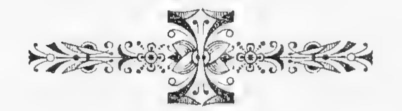
Нынѣ Китай безповоротно сталъ на пути реформъ. 14-го іюня 1898 года изданъ указъ богдыхана о свободѣ печати. Другимъ указомъ проэктировано было открыть, кромѣ университета въ Пекинѣ, 800 низшихъ

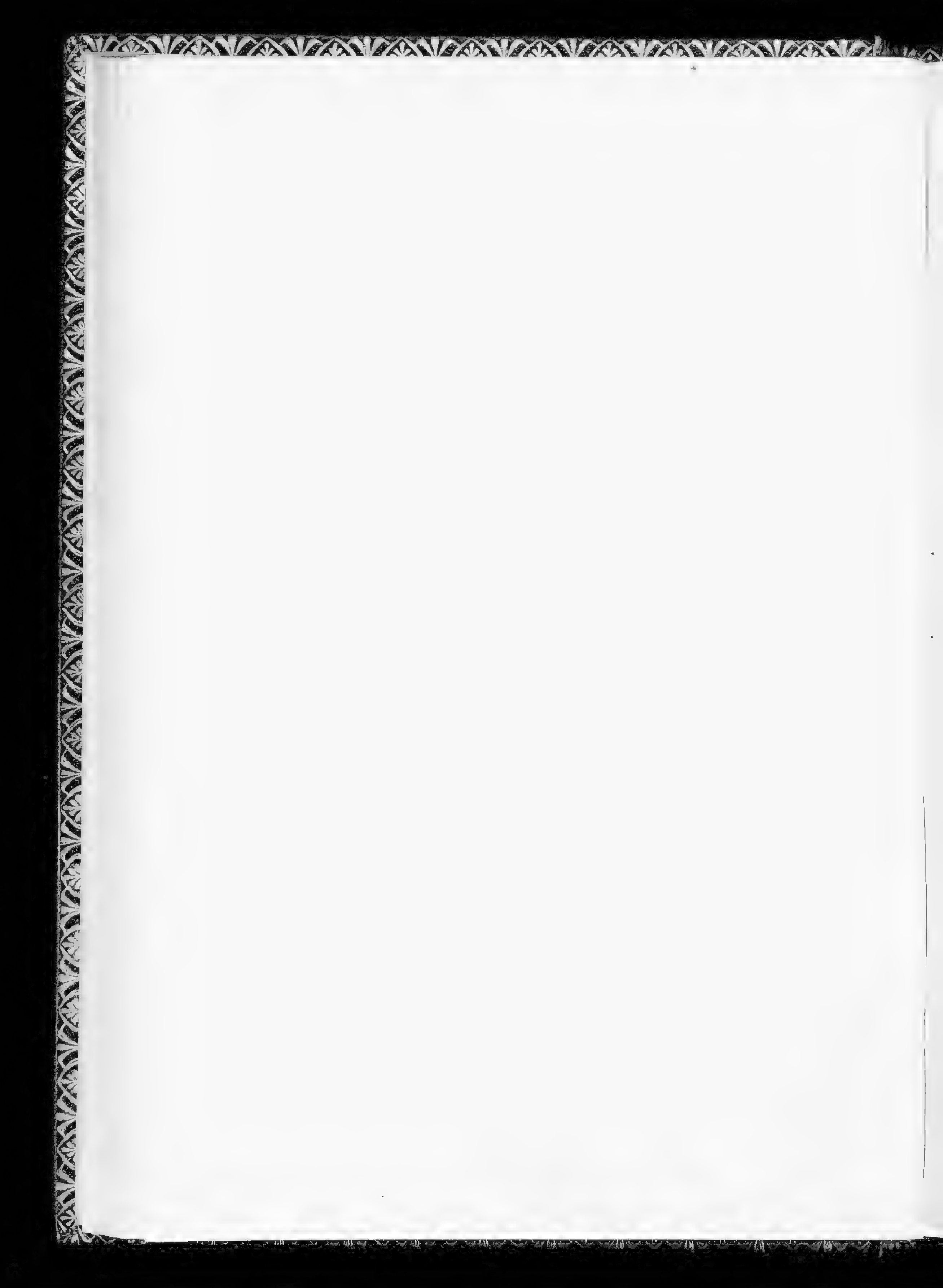
и 22 среднихъ школы въ провинціи, съ однородными программами и руководствами для изученія иностранныхъ наукъ. Въ Шанхаѣ учреждено спеціальное бюро переводчиковъ и контора для составленія учебниковъ. Пока реформаторы еще не достигли успѣха. Глава движенія Кан-ю-вэй вынужденъ былъ бѣжать; многіе изъ его единомышленниковъ сложили голову. Но всѣ эти неудачи свидѣтельствуютъ все же, что пробужденіе Китая началось и что скоро настанетъ время, когда на нивѣ, вспаханной этими неудачниками, возрастетъ геній-преобразователь, подобный Петру Великому и который также будетъ происходить изъ царственнаго дома или достигнетъ трона государственнымъ переворотомъ, ибо реформы въ Китаѣ, какъ и въ Россіи, всегда шли отъ престола.

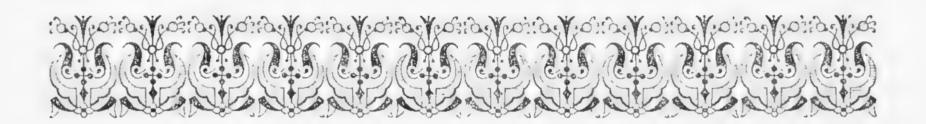
Послѣдніе территоріальные захваты европейцевъ въ Китаѣ лишь по стольку затрогиваютъ народную массу, по скольку они касаются ея интересовъ. Въ предѣлахъ занимаемой части Ляодунскаго полуострова, гдѣ русскіе съ самаго начала установленія своей власти тщательно охраняли интересы частныхъ лицъ, народная масса не проявляетъ никакой непріязни къ своимъ мирнымъ завоевателямъ. Если и были нѣкоторые безпорядки въ Ліудзяданѣ, непринимавшіе впрочемъ массоваго характера, то причины ихъ кроются не въ ненависти народа къ пришельцамъ, а въ томъ ненормальномъ положеніи страны, какое создано автономіей ея бывшаго административнаго центра.

Но если масса индеферентна къ территоріальнымъ захватамъ иноземцевъ, то отдѣльныя личности изъ среды развитыхъ и образованныяъ людей не могутъ не видѣть въ этомъ знаменіи времени позора родной страны и таятъ глухую ненависть къ пришельцамъ,

расчленяющимъ государство, угрожающимъ трону богдыхановъ и національной самобытности народа, въ теченіе вѣковъ жившаго завѣтами предковъ. Повсюду, гдѣ появились европейцы, замѣчается эмиграція ученыхъ, а оставшіеся поселяютъ въ народѣ недовѣріе и ненависть къ чужеземцамъ, пришедшимъ, яко-бы, нарушить обычаи предковъ и притѣснять подвластное населеніе. Такое вліяніе китайскихъ ученыхъ въ особенности опасно въ предѣлахъ занимаемой нами территоріи, такъ какъ въ своей агитаціи противъ русскихъ они являются тайными союзниками развѣнчанныхъ Цзиньчжоускихъ властей, которыя, имѣя за собой поддержку своего правительства, стремятся поселить въ странѣ броженіе и глухое недовольство новыми порядками.

ГЛАВА IV.

ОБЩЕСТВЕННАЯ И СЕМЕЙНАЯ ЖИЗНЬ ТУЗЕМЦА.

Общественная и семейная жизнь туземца.—Происхожденіе и значеніе сельской общины.—Патріархальность общественнаго быта туземцевъ.—Положеніе старшинъ.—Общественная жизнь у туземцевъ.—Слабое развитіе путей сообщенія.—Основныя черты семейнаго быта туземца.—Почитаніе родителей.—Цѣломудренность семейнаго очага.—Безправіе женщины.—Многоженство.—Порядокъ наслѣдованія при сложныхъ бракахъ. Взглядъ общества на бракъ.—Цѣломудренныя вдовы.

Сельская община въ Китаѣ имѣетъ естественное происхожденіе. Селенія большой частью не велики. Въ названіяхъ селеній Сунь-цзя-тунь, Сюй-цзя-чжуанъ, Ма-цзя-гоу, Ліу-цзя-дянь, Цзянь-цзя-цу-цзы и т. п.—первое слово означаетъ фамильное имя, второе значитъ семья, родъ, а прочія—названіе мѣстности; въ переводѣ на русскій языкъ эти названія означали бы деревня семьи Сунь, хуторъ семьи Сюй, оврагъ семьи Ма, постоялый дворъ семьи Ліу, лавка семьи Цзянь. Въ такихъ селеніяхъ большая часть обитателей родственны между собою и имѣютъ одну общую фамилію. Большинство населенныхъ пунктовъ занимаемой территоріи, какъ и вообще въ Китаѣ, называются родовыми именами обитателей: лишь торговыя и промышленныя села, состоящія изъ смѣшаннаго населенія, обыкновенно не имѣютъ въ своемъ названіи родоваго имени. Изъ вышесказаннаго очевидно, что

родовое начало сильно развито въ общественномъ быту земледѣльческаго населенія занимаемой территоріи. Земледѣльцы же составляютъ главную массу населенія. Можно безошибочно утверждать, что не земледѣльцевъ въ странѣ не болѣе 20%. Рыбный промыселъ, добыча трепанговъ, морской капусты и проч., не смотря на довольно хорошій уловъ, даже и на островахъ не имѣютъ широкаго развитія: рыбачье населеніе занимается также и земледѣліемъ. Соляныя варницы около Пицзыво, Янтоува, Портъ-Адамса и въ другихъ мѣстахъ привлекаютъ къ себѣ нѣсколько тысячъ работниковъ. Жмыховые, кирпичные и черепичные заводы въ предѣлахъ территоріи не многочисленны и не обширны. Шелкодѣліе, ткачество и битье хлопка развито въ незначительныхъ размѣрахъ. Торговыхъ пунктахъ въ предѣлахъ занятой—территоріи всего лишь пять—Портъ-Артуръ (Лю-шунь-коу), Пицзыво, Сяо-пинъ-дао, Даляньвань и автономный городъ Цзиньчжоу. Такимъ образомъ страна съ полнымъ основаніемъ можетъ быть названа земледѣльческой.

Жители каждаго селенія, а иногда и двухъ, трехъ близко расположенныхъ другъ отъ друга, составляютъ общество и выбираютъ изъ своей среды старшину, который у ци называется цунь-чжанъ (сельскій старшина), а у миновъ хуй-хоу (глава общества). Селенія, гдѣ населеніе состоитъ изъ ци и минъ, имѣютъ два общества, въ которомъ главою, въ одномъ цунь-чжанъ, въ другомъ хуй-шоу. Членами общества считаются всѣ мужчины и вдовы, неимѣющія мужскихъ родственниковъ, охраняющихъ ихъ имущественные интересы. Обсужденіе дѣлъ, т. е. право голоса, не обусловлено какимъ либо опредѣленнымъ возрастомъ, но обычаемъ установлено, что старшій членъ семье одинъ выска-

зываетъ свое мнѣніе, а молодые люди въ разговоры старшихъ мѣшаться не должны.

Старшины выбираются преимущественно изъ зажиточной семьи, изъ людей, пользующихся общимъ довѣріемъ и уваженіемъ. Опредѣленнаго срока для отправленія обязанностей старшины не существуетъ. Если старшиной недовольны, то выбираютъ новаго; если старшина почему либо затрудняется исполненіемъ своихъ обязанностей, онъ проситъ общество выбрать ему замѣстителя. Но обыкновенно избранный на эту почетную должность несетъ ее до самой смерти, а замѣстителемъ ему выбирается сынъ или младшій братъ. Если сельскій старшина, исполняя порученія общества, несетъ матеріальные убытки и если это наноситъ ущербъ его благосостоянію, то общество возмѣщаетъ ему издержки, собирая необходимую сумму. Права и обязанности сельскаго старшины не опредѣлены никакими постановленіями. Китайская мѣстная администрація не входитъ въ разсмотрѣніе, кто является ходатаемъ отъ этого или другого селенія, и выборъ сельскаго старшины не регламентируется утвержденіемъ чиновника.

Волостной старшина—сянъ-е у миновъ и фанъ-чжанъ у цу, а также и ихъ помощники бао-чжэнъ и шоу-пу назначаются мѣстнымъ гражданскимъ и знаменнымъ управленіями и являются передъ чиновниками отвѣтственными лицами, а въ глазахъ сельскихъ обществъ и ихъ старшинъ оффиціальной властью.

Дѣятельность сельскаго общества, главнымъ образомъ, проявляется въ устройствѣ поминальныхъ празднествъ, для чего нѣсколько сосѣднихъ деревень сходятся въ одну изъ мѣстныхъ кумиренъ. Кромѣ того общество содержитъ ночныхъ караульщиковъ и сто-

рожей, наблюдающихъ, чтобы пасущійся въ полѣ скотъ не производилъ потравъ. Вообще же говоря, права и обязанности сельскихъ обществъ при китайскихъ властяхъ не были регламентированы никакими постановленіями, и они не являютъ собою лица юридическаго, а просто представляютъ совокупность односельчанъ, связанныхъ общностью интересовъ и зачастую родствомъ.

Купеческія общества въ промышленныхъ пунктахъ также не имѣютъ никакого опредѣленнаго устройства и не облечены никакими опредѣленными права и обязанностями. Они имѣютъ своей задачей охраненіе интересовъ своихъ членовъ, а также устройство номинальныхъ празднествъ въ одной изъ кумиренъ, которая содержиться ихъ попеченіями.

Никакихъ общественныхъ учрежденій туземцы не имѣютъ: училища учреждаются и содержатся на частныя средства, а благотворительныхъ и лечебныхъ заведеній нѣтъ совсѣмъ.

Въ селеніяхъ нищіе большая рѣдкость, такъ какъ впавшій въ нужду по болѣзни или дряхлости почти всегда имѣетъ родственниковъ или близкихъ людей, которыя и заботятся о немъ. Въ городахъ Портъ-Артурѣ, Пицзыво и Далянванѣ имѣются нѣсколько убогихъ, питающихся подаяніемъ. Въ Цзиньчжоу скрывается не мало бездомныхъ бродягъ, снискивающихъ пропитаніе нищенствомъ и занимающихся подъ часъ воровствомъ и грабежами.

Если къ вышесказанному прибавить, что въ предѣлахъ занимаемой территоріи нѣтъ ни одного крупнаго торговаго или промышленнаго предпріятія, основаннаго туземцами и что большинство населенія составляетъ земледѣльческій классъ, живущій замкну-

тыми интересами своей семьи и своихъ ближайшихъ сосѣдей, то станетъ очевиднымъ, что общественная жизнь не получила въ странѣ широкаго развитія.

Въ связи съ такимъ малымъ развитіемъ формъ общежитія находится и жалкое состояніе путей сообщенія. Кромѣ Гунь дао или Мандаринской дороги, нѣсколько поддерживавшейся въ исправности мѣстной администраціей, прочія проселочныя дороги находятся въ самомъ отвратительномъ состояніи, и только китайская арба можетъ безъ особеннаго ущерба для себя выдерживать большіе переѣзды по нимъ. Туземцы большой частью передвигаются пѣшкомъ, зажиточные на ослѣ или въ двухколесной крытой повозкѣ. Рѣдкій изъ туземцевъ сѣвернаго участка занимаемой территоріи уходитъ на югъ дальше Цзиньчжоу, а на сѣверъ далѣе Пицзыво, куда онъ ходитъ за покупками, Сань-гуань-мяо, гдѣ около 20-го мая бываетъ большой праздникъ въ кумирнѣ Нянъ-нянъ-мяо и устраиваются театральныя представленія. Для большинства жителей южнаго участка Портъ-Артуръ и Цзиньчжоу—крайніе пункты ихъ отлучки изъ дома. Женщины еще болѣе мужчинъ привязаны къ мѣсту, въ которомъ живутъ.

Семейный бытъ туземца отличается патріархальностью и чистотой домашняго очага. Семьи долгое время живутъ не раздѣляясь; особенно отличаются этимъ знаменные. Семейство въ 30—40 человѣкъ не рѣдкость, зачастую можно встрѣтить семьи въ 60—70 человѣкъ, а бываютъ и болѣе 100. Съ ростомъ семьи увеличивается число работниковъ и благосостояніе ея возрастаетъ, поэтому приращеніе семейства всегда встрѣчается съ радостью. Старшій членъ семьи, если только болѣзнь или дряхлость не лишила его бодрости, руководитъ всѣми дѣлами; въ семейныхъ ссорахъ и

неурядицахъ онъ является судьею и примирителемъ. Рѣдко случается, чтобы китаецъ обращался къ администраціи съ жалобой на своихъ домашнихъ. Этимъ бы онъ нанесъ позоръ всей семьѣ и уронилъ бы себя въ общественномъ мнѣніи. Укрывательство близкихъ родственниковъ по китайскому законодательству не наказуется и, будучи освящено обычаемъ, оно стало какъ бы закономъ. Родственники сами обязаны слѣдить за порочными членами своей семьи, пресѣкать имъ возможность проявленія преступной воли и наставлять ихъ на добрый путь. Если они этого не дѣлаютъ, то значитъ вся семья порочна. А такъ какъ туземное населеніе большей частью состоитъ изъ одной разросшейся семьи, то всѣ обитатели его приблизительно одного нравственнаго уровня. Проступокъ, совершенный однимъ изъ жителей селенія, тщательно скрывается всѣми односельчанами, тѣмъ болѣе что пострадавшимъ оказывается почти всегда посторонній человѣкъ. Жители ближайшихъ деревень, какъ добрые сосѣди, также всегда отзовутся незнаніемъ, такъ какъ житейскій тактъ подсказываютъ имъ что они должны поступать именно такимъ образомъ для сохраненія собственнаго же благополучія и спокойствія, памятуя что и ихъ грѣхъ также будетъ покрытъ сосѣдями, если только они не будутъ противъ нихъ враждебно настроены.

Выяснить истину возможно лишь благодаря случайности, подкупу или строжайшему наказанію всѣхъ, отзывающихся незнаніемъ и непониманіемъ. Поэтому на слѣдствіи и слѣдственномъ разбирательствѣ дѣла на судѣ китайское законодательство допускаетъ самыя жестокія воздѣйствія, начиная съ лишенія свободы и примѣрнаго тѣлеснаго наказанія до такихъ пытокъ,

какія извѣстны были лишь развѣ судьямъ инквизиціи.

Сильно развитое родовое начало, нивеллируя личность, несомнѣнно породило тотъ всѣмъ извѣстный консерватизмъ, которымъ отличается китайская нація. Чрезмѣрное же развитіе родового начала въ жизни китайцевъ обусловливается искони установившимся въ странѣ культомъ предковъ, возведеннымъ въ догматъ ученіемъ Конфуція и другихъ мудрецовъ древности. Вытекающее изъ культа предковъ почитаніе родителей признается въ странѣ самой большою добродѣтелью, и принципъ этотъ на столько проникъ въ жизнь китайскаго народа, что примѣры непочтительнаго отношенія къ родителямъ и старшимъ родственникамъ крайне рѣдки. Человѣкъ, непочтительный къ родителямъ и старшимъ въ семьѣ, навлекаетъ на себя осужденіе общества и преслѣдованіе по закону. Въ случаѣ неповиновенія къ родителямъ даже высшіе чины имперіи и члены императорскаго дома не освобождены отъ тѣлеснаго наказанія. Родителямъ всегда предоставляется право простить виновнаго. Почитаніе родителей являесся столь распространенной добродѣтелью, что оно удостоивается вниманія общества и прославленія лишь въ тѣхъ случаяхъ, если знаменуетъ себя какими нибудь подвигами. Такъ, сынъ, отказавшійся отъ чиновной карьеры или отъ достиженія ученыхъ степеней, или дочь, отвергшая искательство жениховъ для того, чтобы заботиться о своихъ престарѣлыхъ родителяхъ, —заслуживаютъ общаго уваженія, а если они при этомъ терпятъ еще всякія лишенія и невзгоды для доставленія удобствъ родителямъ и отличаются вообще добродѣтельной жизнью и добрыми отношеніями къ сосѣдямъ, то удостоиваются памятниковъ, и таблицы съ ихъ именами ставятся на алтарь почитанія роди-

телей (сяо-цзы-цы) въ мѣстномъ храмѣ Конфуція.

Принципъ почитанія родителей отразился въ китайскомъ законодательствѣ прежде всего въ томъ, что за преступленія противъ родителей и близкихъ родственниковъ опредѣлены самыя строжайшія наказанія. Укрывательство родителей даже въ самыхъ важныхъ преступленіяхъ не наказуется. Неисполненіе обязанности налагаемыхъ сыновней почтительностью служитъ препятствіемъ къ повышенію въ чинахъ и полученію ученыхъ отличій. Наконецъ, что также составляетъ существенное отличіе отъ нашего права, сынъ признается всегда отвѣтственнымъ за долги отца; кромѣ того неуплата долговъ отца считается въ общественномъ мнѣніи поступкомъ крайне безсовѣстнымъ и предосудительномъ. Почести и отличія, присвоенныя сыну, признаются также до нѣкоторой степени присвоенными и отцу.

Цѣломудренная чистота семейнаго очага и безправіе женщины являются второй характерной чертой семейнаго быта туземца.

Кромѣ незначительныхъ полевыхъ работъ, какъ напримѣръ, пропалыванія поля, собиранія топлива и мытья бѣлья, туземныя женщины все время проводятъ дома. Посѣщеніе женщины постороннимъ лицомъ, безъ вѣдома и разрѣшенія мужескихъ родственниковъ признается поступкомъ равно предосудительнымъ, какъ для мужчины, такъ и для женщины. Тѣмъ болѣе, что посѣщеніе это не можетъ быть оправдано никакою необходимостью, такъ какъ женщины въ дѣловую жизнь не посвящены и живутъ исключительно интересами своей семьи, до которыхъ постороннему человѣку по большой части нѣтъ никакого дѣла. Если бы кто видѣлъ молодую женщину, разговаривающей съ

постороннимъ мужчиной внѣ дома, то это набросило бы тѣнь на ея репутацію. Въ особенности строго относится общественное мнѣніе къ поведенію дѣвушекъ. Поэтому и не мудрено, что при видѣ посторонняго мужчины и въ особенности иностранца китайская женщина, а въ особенности дѣвушка, непремѣнно считаетъ долгомъ поспѣшно скрыться. Если она не сдѣлаетъ этого, то рискуетъ показаться безстыдной въ глазахъ своихъ родныхъ и знакомыхъ. Впрочемъ знаменныя женщины держатъ себя нѣсколько свободнѣй. Паническое бѣгство и укрывательство женщины отъ иностранца, а также не отвѣчаніе на привѣтствіе и вопросы, ничего предосудительнаго не заключающіе, не почитаются у ци за хорошій тонъ, какъ это принято у минъ. Зачастую знаменные даже считаютъ такое поведеніе своихъ родственницъ неприличнымъ въ отношеніи къ иностранцу, который ничего предосудительнаго себѣ не позволилъ и лишь по незнанію нарушилъ этикетъ, запрещающій мужчинѣ безъ настоятельной необходимости разговаривать съ посторонней женщиной.

Обычаи и законодательство строго охраняютъ чистоту семейнаго очага. Кровосмѣшеніе считается такимъ же грѣхомъ, какъ и отцеубійство, и наказуется мучительною смертью. Женщина, нарушившая вѣрность мужу, наказывается удавленіемъ. Мужъ, заставшій жену, а отецъ дочь съ любовникомъ въ моментъ преступленія или въ обстановкѣ, обнаруживавшей ихъ преступный умыселъ, имѣетъ право безнаказанно убить обоихъ. Затѣмъ онъ долженъ созвать сосѣдей, чтобы всѣ удостовѣрились, что имъ совершено не злодѣйское убійство, а исполненъ долгъ, внушенный ему справедливостью и правосудіемъ; послѣ этого онъ долженъ отправиться къ мѣстному чиновнику и прав-

диво доложить ему обо всемъ случившемся. Чиновникъ утѣшаетъ его какъ человѣка, съ которымъ случилось несчастье и обыкновенно, желая вознаградить его хоть отчасти за непріятности, причиненныя ему преступной волей другихъ, выдаетъ въ его пользованіе изъ казенныхъ суммъ 30—40 ланъ, *) которыя тотъ можетъ употребить, если онъ сдѣлался вдовцемъ, на свадебные подарки при заключеніи новаго брака. Если же чиновникъ видитъ, что этимъ убійцей по долгу руководила также ненависть, ревность, и чувство злобы еще не угасло и не смѣнилось въ его душѣ состраданіемъ къ жертвамъ правосудія, то онъ обязанъ сдѣлать ему отеческое внушеніе, а если видитъ, что имѣетъ дѣло съ человѣкомъ грубымъ и необузданнымъ, то приказываетъ хорошенько бить его палками, пока не замѣтитъ въ немъ пробужденія совѣсти и смиренія.

Но обычай и законъ строго обязываютъ охранять супружескую вѣрность лишь женщину, и цѣломудріе считается добродѣтелью лишь въ отношеніи женщины. Мужчина пользуется полной свободой, и стремленіе его къ цѣломудрію не встрѣтило бы одобренія со стороны общества; его бы скоро заподозрили въ физической или духовной ненормальности, чѣмъ стали бы восхищаться его нравственными убѣжденіями.

Женщина, скандализирующая мужа своей ревностью, слѣдящая за нимъ и преслѣдующая его увлеченія, по мнѣнію общества заслуживаетъ полнаго порицанія, такъ какъ такимъ своимъ поведеніемъ она оказываетъ непочтеніе къ своему повелителю, котораго ей слѣдуетъ уважать и скрывать недостатки ко-

*) Лана, или вѣрнѣе лянъ, равняется 1/16 китайскаго фунта. Лана серебра приблизительно равноцѣнна 1 руб. 30 коп.

тораго ея первый долгъ. Если мужъ измѣняетъ ей, то она должна стремиться угодливостью и добрымъ обхожденіемъ возвратить себѣ его любовь и вниманіе. Любовникъ, преслѣдуя свою любовницу ревностью, пользуется сочувствіемъ общества, и даже законъ относится къ нему съ снисхожденіемъ, если чувство ревности вовлекло его въ преступленіе, даже такое серьезное какъ убійство своей возлюбленной, потому что любовь для китайца почти всегда стоитъ денегъ и возможна только въ отношеніи къ публичной женщинѣ или вдовѣ, ни съ кѣмъ не связанной и ни кѣмъ не опекаемой, а поэтому онъ какъ бы пріобрѣтаетъ права собственности на предметъ своей любви и становится его исключительнымъ обладателемъ и распорядителемъ. Женщина же, преслѣдующая своего любовника, третируется какъ самое безнравственное и безстыдное существо. Если ей измѣнилъ мужчина, виновной прежде всего становится она сама, такъ какъ не съумѣла угодить ему и удержать его при себѣ.

Китайская женщина лишена всякой самостоятельности и всегда находится подъ властью или покровительствомъ мужчины—отца, мужа, брата, сына и т. п. Отцу наслѣдуютъ сыновья: они обязаны заботиться о своей матери и незамужнихъ сестрахъ; сестры же, вышедшія замужъ, считаются исключенными изъ семьи и никакихъ правъ на имущество отца не имѣютъ. Такъ какъ семьи большей частью живутъ не раздѣльно или дѣлятся еще при жизни отца, то судьба вдовы и ея дочерей нисколько не измѣняется. Главой семьи становится старшій сынъ; долгъ сыновней почтительности и родственной любви побуждаетъ ихъ относиться ко всѣмъ членамъ семьи съ одинаковой отеческой заботливостью и попеченіемъ. Если семья живетъ не-

раздѣльно, то по смерти одного изъ братьевъ, неимѣющихъ мужекаго потомства, имущество его переходитъ не ко вдовѣ и дочерямъ, а къ братьямъ, которые и пекутся о судьбѣ своихъ родственницъ. Если вдова молода и бездѣтна и ея родители имѣютъ достатокъ, то она зачастую возвращается въ домъ отца. Если семья живетъ отдѣльно, то по смерти мужа имущество переходитъ ко вдовѣ, хотя бы она и не имѣла сыновей. Однако если брачное сожительство, прекратившееся смертью супруга, было непродолжительно, и если вдова бездѣтна, то зачастую бываютъ тяжбы за наслѣдство между родственниками умершаго съ одной стороны и родными вдовы съ другой.

Туземцу не воспрещается имѣть жену и нѣсколько наложницъ; однако воспользоваться этимъ правомъ можетъ лишь человѣкъ богатый и притомъ живущій отдѣльнымъ домомъ, потому что въ противномъ случаѣ прочіе родственники возстанутъ противъ такого расширенія правъ одного въ ущербъ другимъ. Но даже богатый и самостоятельный человѣкъ ограниченъ въ правѣ вступленія во второй бракъ согласіемъ своей первой жены и ея родственниковъ, которые естествено заботятся о сохраненіи всѣхъ имущественныхъ правъ за потомствомъ отъ перваго брака. Даже въ случаѣ бездѣтности перваго супружества свойственники могутъ претендовать, на то что со вступленіемъ въ новый бракъ умаляется значеніе первой жены и тѣмъ самымъ оказывается неуваженіе къ ея родителямъ. Однако безплодіе первой жены служитъ во мнѣніи общества достаточнымъ оправданіемъ второго брака, но обыкновенно родители считаются съ тѣмъ, что ихъ дочь должна сдѣлаться въ домѣ мужа второю и стать какъ бы въ подначальное положеніе къ первой супругѣ, такъ какъ по обычаю всѣ преимущества и почетъ у

той всегда преобладаютъ. Заботясь такимъ образомъ о судьбѣ своей дочери, большинство отказываетъ искателю второй супруги, и соглашаются только тѣ, которые считаютъ за честь породниться съ богатымъ и чиновнымъ лицомъ и связью этой не только не роняютъ своего достоинства, а напротивъ повышаютъ себя въ глазахъ общества.

Вводя въ домъ наложницу, мужчина долженъ считаться съ общественнымъ мнѣніемъ, а для сохраненія домашняго мира и спокойствія ему слѣдуетъ заручиться соглашеніемъ жены и ея родственниковъ. Часто случается, что жена и ея родственники охотнѣе соглашаются на связь съ наложницей, чѣмъ на вступленіе въ новый бракъ, такъ какъ наложница никакими особенными правами не пользуется и занимаетъ такое же низкое положеніе, какъ и прислуга. Бываетъ, что отъ одного отца имѣется нѣсколько законныхъ и незаконныхъ потомствъ, и если глава этой сложной семьи ведетъ себя тактично по отношенію ко всемъ членамъ семействамъ и ни чѣмъ не нарушаетъ обычаевъ, то между ними устанавливается миръ, полное согласіе и любовь.

Однако при такихъ бракахъ положеніе женъ и наслѣдственныя права ихъ потомствъ не одинаковы. Первая жена пользуется всѣми правами и преимуществами, представляемыми ей общественнымъ положеніемъ мужа. Жена чиновника имѣетъ право носить нагрудные знаки отличія, присвоеннаго ея мужу. Старшій изъ сыновей отъ перваго брака является наслѣдникомомъ потомственнаго дворянскаго званія, и если семья послѣ смерти отца живетъ нераздѣльно, то дѣти отъ первой жены являются главными распорядителями оставшагося имущества и имѣютъ большую часть его.

Сыновья отъ второго брака при наслѣдованіи отцовскаго имущества имѣютъ больше правъ, чѣмъ дѣти отъ третьей жены. Потомство наложницъ признается незаконнорожденными наслѣдниками, которые по долгу совѣсти, а также имѣя въ виду общественное мнѣніе, всегда заботятся о судьбѣ своихъ незаконнорожденныхъ братьевъ и сестеръ, и если рѣдко выдѣляютъ имъ часть изъ полученнаго наслѣдства, то почти всегда даютъ пріютъ и пропитаніе въ своей семьѣ, равноправными членами которой ихъ однако не признаютъ. Иногда родители второй или третьей жены, заботясь о судьбѣ потомства отъ новаго брака, выговариваютъ ему опредѣленныя права наслѣдства, которыя и регламентируются брачнымъ контрактомъ, спеціально лишь для подобныхъ случаевъ и существующимъ. Конечно наслѣдственныя права, предоставляемыя дѣтямъ отъ второго, третьяго брака, никоимъ образомъ не могутъ быть болѣе правъ потомства отъ первой жены, такъ какъ въ послѣднемъ случаѣ контрактъ можетъ быть опротестованъ, какъ незаконно составленный. Случается, что отецъ семейства еще при жизни письменнымъ духовнымъ завѣщаніемъ или своей волей, публично выраженной въ присутствіи родственниковъ, свойственниковъ и знакомыхъ, устанавливаетъ тотъ или другой порядокъ наслѣдованія, и, конечно, всѣ заинтересованныя лица не допустятъ при этомъ неправильности или нарушенія обычая. Споры о наслѣдствѣ далеко не такъ часты, какъ слѣдовало бы ожидать при столь неопредѣленномъ порядкѣ наслѣдованія. Причина этого прежде всего въ томъ, что члены одной семьи, живя вмѣстѣ нераздѣльными интересами, крѣпко связаны другъ съ другомъ родственными чувствами, и потому каждый считаетъ большимъ грѣхомъ, нанести ущербъ правамъ другого. Несправедливость въ отношеніи членовъ своей семьи счи-

тается однимъ изъ самыхъ предосудительныхъ поступковъ и карается общественнымъ мнѣніемъ. Вотъ почему тяжбы о наслѣдствѣ составляютъ въ Китаѣ довольно рѣдкое явленіе, хотя неопредѣленность законодательства въ этомъ отношеніи, казалось могла бы дать широкій просторъ ко всякому злоупотребленію и обидъ однихъ членовъ семьи другими.

Въ виду того, что вступленіе въ новый бракъ нарушается имущественное равновѣсіе уже состоящихъ на лицо членовъ семьи, а также и усложняется самая семейная жизнь, многоженство въ Китаѣ сравнительно довольно рѣдкое явленіе, замѣчаемое лишь въ богатыхъ семьяхъ купцовъ и чиновниковъ, въ земледѣльческомъ же населеніи, составляющемъ повсюду народную массу, оно почти не наблюдается, и если крестьянинъ имѣетъ одну жену, то онъ считаетъ этого вполнѣ достаточнымъ для себя.

Молодой человѣкъ, достигшій 25 лѣтъ и не женившійся, рискуетъ потерять въ общественномъ мнѣніи: репутація холостяка въ Китаѣ синонимична съ репутаціей распутника. Обыкновенно родители или родственники уже заранѣе заботятся о подысканіи невѣсты молодому человѣку. Случается нерѣдко, что дружныя между собою семьи просватываютъ дѣтей 3—4 лѣтъ. Обыкновенно такое просватаніе получаетъ огласку между родственниками, знакомыми и односельчанами, поэтому несоблюденіе уговора одной изъ сторонъ признается нарушеніемъ обычая, обидой и оскорбленіемъ для другой. Бываетъ зачастую, что сговоренные въ дѣтствѣ не нравятся ни другъ другу, ни родственникамъ, ни родителямъ, но если одна изъ сторонъ вслѣдствіе своекорыстныхъ или другихъ разсчетовъ требуетъ брака, то другая не вправѣ отка-

зать: отказъ влечетъ за собою общественный скандалъ и оффиціальную тяжбу у администраціи, долгъ которой охранять обычай и требовать исполненія даннаго обѣщанія. И тогда случается, что красота и здоровье вынуждены соединиться съ безобразіемъ и болѣзнью, порокъ съ добродѣтелью, совершенство съ уродствомъ. Такова судьба—говоритъ китаецъ и успокоивается.

Большинство браковъ совершается отъ 18 до 24 лѣтъ, но случается, что они заключаются и въ 13—14 лѣтнемъ возрастѣ. Хотя въ Китаѣ случается, что старикъ беретъ себѣ во вторыя или третьи жены совсѣмъ юную дѣвушку и держитъ при себѣ еще цѣлый гаремъ наложницъ, изъ коихъ ни одна не превышаетъ 20 лѣтняго возраста, а нѣкоторымъ даже около 12 лѣтъ, однако, говоря вообще, неравные браки въ Китаѣ довольно рѣдки. Разница въ возрастѣ вступающихъ въ первый бракъ рѣдко бываетъ болѣе пяти, и зачастую случается, что невѣста старше жениха.

Говоря о бракахъ, слѣдуетъ замѣтить, что многоженство и гаремы въ предѣлахъ занимаемой нами территоріи явленія исключительной рѣдкости.

По понятіямъ китайцевъ, цѣломудріе для мужчины не обязательно, а соблюдающія себя въ этой добродѣтели женщины удостоиваются почестей и прославленія. Такъ, если женщина будучи въ супружествѣ вѣрной мужу и овдовѣвши до 30—35 лѣтъ, отказалась отъ новаго брака и соблюла себя непорочно во вдовствѣ болѣе 20 лѣтъ, то по ходатайству односельчанъ и представленію мѣстной администраціи она удостоивается еще при жизни памятника за цѣломудріе, и таблица съ ея именемъ ставится въ цзѣ-фу-цы, т. е. на алтарь женскаго цѣломудрія въ мѣстномъ храмѣ Конфуція.

Если дѣвушка, сговоренная для вступленія въ бракъ и лишившаяся жениха вслѣдствіе его смерти, откажется отъ новаго сватовства, перейдетъ въ семью жениха и будетъ тамъ жить, какъ вдовица, въ непорочности и цѣломудріи, въ почтительности къ родителямъ и братьямъ своего жениха и въ заботѣ о воспитаніи усыновленнаго ребенка—обыкновенно племянника своего умершаго до брака супруга, съ которымъ она на вѣки соединилась неразрывными духовными узами, то эта жена, дѣвственная въ бракѣ, вдова, непорочная въ дѣвственности, также удостоивается памятника за цѣломудріе и таблица съ ея именемъ также ставится для поклоненія на алтарь цзѣ-фу-цы. Такія дѣвственныя вдовы представляютъ весьма интересное явленіе китайской семейной жизни. Оно находится въ тѣсной связи съ культомъ предковъ, такъ какъ усыновленіемъ ребенка въ своемъ дѣвственномъ вдовствѣ онѣ какъ бы приносятъ сына своимъ мужьямъ, которые не смотря на ихъ вдовство, никогда не были для нихъ болѣе, чѣмъ женихи.

Вдовы въ большинствѣ случаевъ отказываются отъ второго брака, такъ какъ новое супружество не одобряется общественнымъ мнѣніемъ, но не всѣ изъ нихъ сохраняютъ свое вдовство въ непорочной чистотѣ. Чтобы быть удостоенной прославленія, одного цѣломудрія недостаточно: онѣ должны снискать себѣ уваженіе почитаніемъ памяти мужа, почтительностью по отношенію къ родителямъ мужа и своимъ собственнымъ, добрымъ обхожденіемъ съ сосѣдями и честной трудовой жизнью. Впрочемъ, въ предѣлахъ занимаемой территоріи памятники цѣломудреннымъ вдовамъ можно видѣть повсюду.

Дѣвственницы, обрекшія себѣ на вдовство послѣ

смерти жениха, весьма рѣдки, а потому пользуются большимъ почетомъ и извѣстностью въ странѣ. Дѣвственница удостоивается прославленія лишь въ томъ случаѣ, если она имѣла жениха и послѣ его смерти до глубокой старости осталась вѣрной его памяти. Дѣвушка же, сохранившая дѣвственность лишь потому, что за нее никто не сватался, никакого вниманія не удостоивается. Впрочемъ старыхъ дѣвъ въ Китаѣ почти не существуетъ, потому что родители почти всегда заранѣе просватываютъ своихъ дѣтей. Только въ очень бѣдныхъ семьяхъ случается, что дѣвушка на возрастѣ не имѣетъ жениха; но какъ бы она не была бѣдна, всегда найдется горемыка, который пожелаетъ соединить съ нею свою судьбу. Только съ дѣвушкой изъ порочной семьи, да съ нищей, калѣкой можетъ случиться, что никто не пожелаетъ взять ее въ жены, да и то въ первомъ случаѣ дѣвушкя долго не остается дѣвой, какъ бы она дурна собой не была.

ГЛАВА V.

НРАВСТВЕННЫЯ ВОЗЗРѢНІЯ ТУЗЕМЦА.

Односторонность сужденій европейцевъ о характерѣ китайцевъ.—Основныя черты характера туземца.—Семейныя добродѣтели и ихъ оборотныя стороны.—Цѣломудріе женщины и неиспорченность мужчины.—Проституція въ Китаѣ.—Положеніе китайской проститутки.—Торгъ дѣтьми.—Бережливость и умѣренность.—Куреніе опіума.—Азартныя игры.—Трудолюбіе туземца.—Миролюбивый характеръ туземца.—Корыстолюбіе, лукавство и недовѣрчивость.—Невѣжественность и легковѣріе.—Отсутствіе общественной солидарности.—Хунхузы.—Общее заключеніе о характерѣ туземца.

Характеристики, которыя европейцы дѣлаютъ китайцамъ, по большей части страдаютъ крайней односторонностью и сгущеніемъ красокъ при описаніи ихъ дурныхъ свойствъ. Это происходитъ главнымъ образомъ отъ незнанія языка и малаго знакомства съ бытомъ населенія. Въ большинствѣ случаевъ сфера, доступная наблюденію европейца, весьма ограничена. Къ тому же европейскій наблюдатель помимо изученія страны и ея обитателей обыкновенно преслѣдуетъ какую либо другую цѣль и свое неумѣніе достигнуть поставленной ему задачи и свои неуспѣхи охотно приписываетъ тому обстоятельству, что ему приходилось дѣйствовать среди людей крайне сомнительной нравственности и низкаго уровня умственнаго развитія. Главной помѣхой къ сближенію европейца съ китайцемъ, кромѣ незнанія языка, служитъ его взаимная рассовая отчужденность. Европеецъ упрекаетъ китайца

и, пожалуй не безъ основанія, въ спѣсивости и недовѣріи къ иностранцу, однако самъ забываетъ, что въ большинствѣ случаевъ онъ самъ подалъ туземцу поводъ къ такому отношенію къ себѣ собственной пренебрежительностью, а за частую и брезгливостью ко всему китайскому. Большей частью европеецъ не только не старается скрывать отъ китайца своихъ непріятныхъ впечатлѣній, но даже бравируетъ ими. Конечно, при такихъ условіяха ни та, ни другая сторона не въ состояніи сдѣлать безпристрастныхъ заключеній: если европеецъ до нѣкоторой степени бываетъ правъ, упрекая китайца въ самомнѣній и крайней недовѣрчивости, то послѣдній еще съ большимъ основаніемъ можетъ утверждать, что первый слишкомъ высокомѣренъ и дерзокъ. Взаимныя отношенія еще болѣе обостряются также и тѣмъ, что европеецъ всегда что нибудь выспрашиваетъ и добивается у китайца, зачастую имѣя за собою поддержку властей своихъ или китайскихъ, а также опираясь порой на физическую силу, которую имѣетъ въ видѣ конвоя или провожатыхъ; китаецъ же, недовѣрчивый къ чужестранному незнакомцу, котораго онъ въ большинствѣ случаевъ видитъ впервые, инстинктивно оказываетъ пассивное противодѣйствіе его требованіямъ и намѣреніямъ. Люди, проведшіе въ Китаѣ, много лѣтъ въ качествѣ драгомановъ, миссіонеровъ и коммерсантовъ, основательно ознакомившись съ языкомъ и бытомъ народа, въ большинствѣ случаевъ проникаются къ къ туземцу любовью и даже уваженіемъ.

Почтеніе къ родителямъ и уваженіе къ родственнымъ связямъ являются первой заповѣдью Конфуціанскаго ученія, которое отразило въ себѣ духъ народа и принцинами коего проникнуты нравственныя воззрѣнія и жизнь китайца. О развитіи семейнаго начала у ту-

земцевъ достаточно говорилось въ предъидущей главѣ, здѣсь остается указать лишь на обратную сторону этихъ семейныхъ добродѣтелей.

Любовь къ родному очагу заглушаетъ въ китайцѣ чувство патріотизма, и идея государственности мало проникла въ сознаніе народной массы, живущей почти исключительно узкими интересами своей семейной жизни. Идея національности, обусловливаемая сознаніемъ родственныхъ связей семействъ между собою, получила довольно сильное развитіе въ странѣ «ста почетныхъ семействъ» *) и заглушила собою идею государственности. Это отражается уже въ томъ, что Китай, какъ государство, не имѣетъ постояннаго названія и называется по имени царствующей династіи Да-сунъ-го, Да-танъ-го, Да-минъ-го, Да-цинъ-го, т. е. Имперія Циновъ, Имперія Миновъ и т. п.

Говоря, напримѣръ, о Китаѣ временъ Танской (618—907), Сунской (960—1280), Юаньской или Монгольской (1234—1368), Минской (1368—1644) династіи, китаецъ говоритъ о своемъ отечествѣ, какъ о Да-Танъ-го, Да-сунъ-го, Да-Юань-го, Да-Минъ-го. Какъ страна, какъ нація, Китай носитъ популярное названіе Чжунъ-го—Срединное государство; въ литературѣ употребляется Хуа-го—Цвѣтущее государство, а въ высокомъ слогѣ Тьенъ-ся, т. е. Поднебесная, а въ послѣднемъ смыслѣ Китай признается обнимающимъ всѣ входящія въ составъ его государства и вассальныя владѣнія, къ которымъ смутное сознаніе народа еще не такъ давно относило Россію и страны Западной Европы.

*) Китайцы, какъ народъ, называютъ себя «лао-бай-синъ», т. е. «сто почтенныхъ фамилій» Дѣйствительно, китайцы имѣютъ всего лишь 403 фамильныхъ имени. Однофамильныя семьи признаются происходящими изъ одного корня, но утратившими съ теченіемъ времени родственную связь.

У туземцевъ нѣтъ чувства живой привязанности и любви къ престолу, и отечество отождествляется въ сознаніи китайца не съ представленіемъ о государствѣ и его верховной власти, соединенныхъ въ одно нераздѣльное цѣлое, а съ представленіемъ о родинѣ, какъ физическомъ мѣстопребываніи его семьи и могилъ предковъ. Отношенія туземца къ престолу и государю не выходятъ далеко за предѣлы повиновенія по долгу вѣрноподданности и оффиціальнаго чувства уваженія и почтенія, какъ къ главѣ старшей изъ семей, составляющихъ націю. Если семейная добродѣтель и преданность престолу приходятъ въ столкновеніе, то китаецъ прежде всего долженъ показать себя вѣрнымъ сыномъ и хорошемъ отцомъ, а затѣмъ уже вѣрноподданнымъ. При взглядѣ на исторію своей страны, въ сознаніи китайца является картина всѣхъ тѣхъ перипитій, которыя претерпѣла государственная жизнь Китая въ теченіи болѣе чѣмъ 5.000-го періода. Онъ видитъ, что одна династія смѣняетъ другую, что престолы свергаются завоевателями и на мѣстѣ ихъ воздвигаются новые, которые также свергаются, зачастую даже иноземцами. Государственная жизнь мѣняла свои формы по прихоти рока и отдѣльныхъ личностей, а семья незыблемо стояла, какъ она стоитъ и теперь, крѣпкая началами почитанія родителей и старшихъ и уваженія къ родственнымъ узамъ.

Если не посягаютъ на семейную жизнь туземца, не нарушаютъ его обычаевъ и не притѣсняютъ обложеніемъ новыми налогами, то ему безразлично, кто будетъ управлять имъ и какому престолу долженъ онъ заявлять свои вѣрноподданническія чувства. Поэтому, чтобы возстановить народъ противъ иноземныхъ пришельцевъ, овладѣвшихъ страною, китайское правительство и его представители—чиновники—стараются

возбудить населеніе противъ иностранцевъ не воззваніемъ къ священному чувству преданности отечеству и престолу, которое было бы непонятно для населенія, а распусканіемъ почти всегда лживыхъ слуховъ о посягательствѣ ихъ новыхъ повелителей на чистоту семейнаго очага, неприкосновенность обычаевъ и о намѣреніи значительно увеличить налоги и подати. Такимъ образомъ, было подготовлено и извѣстное столкновеніе въ Ліу-цзя-данѣ.

Семейныя добродѣтели китайца, заглушая въ немъ чувство патріотизма и способствуя чрезмѣрному развитію націонализма въ ущербъ принципу государственности, обусловливаютъ отчужденность туземца отъ иноземцевъ и изолированіе Китая отъ другихъ державъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ чрезмѣрное развитіе семейнаго начала, ставя личность въ узкія рамки интересовъ семейной жизни, нивеллируетъ ее къ среднему уровню и подавляетъ развитіе индивидуальности. Этотъ деспотизмъ семейства надъ личностью, въ связи съ вытекающей изъ того же начала семейственности національной и государственной обособленностью Китая, привелъ его къ тому застою жизни политической и общественной, который вполнѣ характеризуется всѣмъ извѣстнымъ выраженіемъ *китаецизмъ*. Сущность китаецизма заключается въ томъ, что идеалы свои онъ полагаетъ не въ будущемъ, а въ прошломъ; образцы добродѣтели указаны великими мудрецами древности, путь для достиженія ихъ также указанъ, а потому всякія новшества излишни—впереди не можетъ быть ничего совершеннѣе доблестныхъ примѣровъ, указанныхъ предками, и потому нужно не исканіе новыхъ путей и идеаловъ, а настойчивое стремленіе приблизиться къ тому образцу добродѣтели, къ како-

вому стремились предки, прославленіе памяти которыхъ есть священный долгъ каждаго. Такая устойчивость и законченность нравственныхъ воззрѣній китайца медленнымъ путемъ привели его къ колоссальному застою, изъ котораго онъ былъ выведенъ европейцами лишь въ половинѣ текущаго столѣтія.

Другія отличительныя черты китайской нравственности находятся въ тѣсной связи съ ея семейными добродѣтелями. Начало семейственности возлагаетъ на женщину обязанность быть добродѣтельной дочерью, женою и матерью, подчиняться во всемъ мужчинѣ, который является главой семейства и ея заступникомъ. Отсюда вытекаютъ безправіе женщины и обязанность ея вести цѣломудренную жизнь, о чемъ уже достаточно говорилось въ предыдущей главѣ.

Хотя многоженство допускается закономъ и общественнымъ мнѣніемъ, а сожительство съ наложницей не считается слишкомъ предосудительнымъ, особенно если оно происходитъ съ вѣдома и согласія жены, однако въ массѣ туземцы ведутъ единобрачную жизнь и почти всегда вѣрны своимъ женамъ. Преступная связь съ чужой женой почти не возможна и, составляя рѣдкое явленіе, строго преслѣдуется закономъ и общественнымъ мнѣніемъ, какъ проявленіе крайняго разврата и нравственной распущенности. Связь съ женщиной внѣ брака и наложничества считается равно предосудительнымъ, какъ для мужчины, такъ и для женщины. Безкорыстными любовницами могутъ быть лишь вдовы, но рѣдкая изъ нихъ рѣшится рисковать своей репутаціей. Съ согласія родителей и за деньги можно вступить въ связь съ дѣвушкой; но жена и близкіе родственники возстанутъ противъ мужчины, который проматываетъ деньги на

сторонѣ. Любовь къ женѣ считается законнымъ чувствомъ и заслуживаетъ если не уваженія, то одобренія со стороны общественнаго мнѣнія, которое обязываетъ супруговъ не къ любви, а лишь къ взаимному уваженію и привязанности. Любить же женщину не какъ мать, сестру, жену и дочь, а какъ существо другого пола считается у китайцевъ предосудительнымъ и даже безнравственнымъ. Самыя же слова «любить женщину» звучитъ въ ушахъ китайца, какъ безстыдное и легкомысленное выраженіе, которое позволительно лишь въ веселомъ кругу молодыхъ людей, а не въ серьезномъ разговорѣ.

Ранніе браки и неодобрительный взглядъ общества на холостую жизнь приводитъ къ тому, что публичная проституція весьма мало распространена въ Китаѣ. Публичные дома и женщины находятся лишь въ большихъ торговыхъ пунктахъ и портахъ, гдѣ пришлое мужское населеніе въ большинствѣ случаевъ вынуждено вести холостую жизнь. Въ предѣлахъ занимаемой территоріи публичныя женщины находятся только въ Портъ-Артурѣ, Пицзыво, Далянванѣ, въ окрестностяхъ города Цзинь-чжоу, въ Сѣверномъ Саньшилипу, гдѣ большое скопленіе желѣзнодорожныхъ служащихъ и рабочихъ, а также на постройкѣ порта въ Викторія-бэй. Въ прочихъ мѣстахъ нигдѣ нѣтъ публичныхъ женщинъ, и жители возстали бы противъ появленія въ ихъ средѣ такого зла. Китайская поговорка гласитъ: «гдѣ скрываются публичныя женщины, тамъ всегда гнѣздятся азартныя игры и растлѣніе нравовъ».

Отсутствіе какого бы то ни было санитарнаго надзора (русской администраціей установленъ врачебный осмотръ проститутокъ въ мѣстахъ расположенія

войскъ—Портъ-Артурѣ, Даляньванѣ и Пицзыво) приводитъ къ широкому распространенію половыхъ болѣзней между публичными женщинами, и это обстоятельство въ связи съ неодобрительными взглядами общества на явную проституцію отвращаетъ всякаго мало-мальски порядочнаго человѣка отъ этого гнуснаго явленія. Проституція существуетъ кромѣ того въ видѣ продажи женщинъ въ наложницы или въ предоставленіи ихъ за денежное вознагражденіе во временное пользованіе. Этотъ видъ проституціи, хотя и не такъ клеймится общественнымъ мнѣніемъ, однако все же и онъ имѣетъ лишь весьма малое распространеніе, такъ какъ предполагаетъ богатаго потребителя съ одной стороны и крайнюю бѣдность и развращенность съ другой.

Большей частью женщина торгуетъ собою не сама, а является товаромъ, которымъ распоряжается мужчина—въ большинствѣ содержатель публичнаго дома, рѣже мужъ, братъ или отецъ, а еще рѣже мать или старшая сестра. Пассивное участіе самой женщины въ гнусномъ дѣлѣ публичнаго торга тѣломъ и красотою обусловливаетъ снисходительный взглядъ общества на самую проститутку. Все презрѣніе падаетъ на того, кто ею торгуетъ. Мало найдется среди китайцевъ такихъ, которые бы позволили себѣ обидѣть публичную женщину названіемъ «продажная вещь». Такую жестокость могъ бы сдѣлать только человѣкъ грубый и развращенный. Обыкновенно къ публичнымъ женщинамъ относятся съ дружеской фамильярностью, не позволяя себѣ оскорблять въ нихъ достоинство человѣка и женщины; поэтому понятно, что названіе «продажная штука» повергаетъ китайскую проститутку въ глубокое огорченіе и признается ею самой злой обидой, такъ какъ въ большинствѣ случаевъ это яв-

ляется жестокой несправедливостью, потому что дѣвушка обыкновенно заслуживаетъ участія и снисхожденія, а не грубаго и жестокаго обращенія. Рѣдкая публичная женщина—китаянка не стремится «освободиться для добродѣтельной жизни» (цунъ-лянъ), т. е. вступить въ постоянное сожительство съ мужчиною. Хотя въ глазахъ общества ея прошлый позоръ навсегда останется пятномъ на ея репутаціи, однако публичныя женщины—китаянки почти всегда становятся вѣрными сожительницами и хорошими матерями.

То обстоятельство, что женщиной почти всегда торгуетъ мужчина приводитъ поверхностнаго европейскаго наблюдателя къ легкомысленному заключенію, что семейная жязнь китайца отличается крайней распущенностью и что за деньги онъ легко уступаетъ свою жену, сестру и дочь. Особенно приводитъ въ заблужденіе такихъ наблюдателей то обстоятельство, что нѣкоторыя изъ отдающихся за деньги имѣютъ нѣсколькихъ дѣтей и мужа. На самомъ же дѣлѣ это большей частью вдовы, которыя имѣютъ дѣтей, оставшихся послѣ смерти мужа, и фиктивнаго сожителя, который для нихъ и защитникъ, и слуга, и приказчикъ, имѣющій въ то же время право пользоваться своимъ товаромъ.

Считаю долгомъ пространно говорить о китайской проституціи, чтобы опровергнуть клевету и нелѣпые толки легкомысленныхъ туристовъ, знакомыхъ съ китайскимъ населеніемъ лишь по жителямъ портовыхъ городовъ и утверждающихъ, что нравственность туземцевъ въ этомъ отношеніи крайне сомнительна и что проституція имѣетъ въ странѣ столь широкое распространеніе, что китаецъ легко уступаетъ за деньги жену, дѣтей и сестеръ. Правда, въ Китаѣ существу-

етъ продажа дѣтей и въ особенности дѣвочекъ, но въ предѣлахъ занимаемой территоріи, какъ и вообще въ Маньчжуріи, этотъ торгъ носитъ характеръ рѣдкаго единичнаго явленія. Китайское законодательство въ принципѣ преслѣдуетъ торговлю дѣтьми, но на практикѣ смотритъ сквозь пальцы, когда родители, вслѣдствіе шаткости нравственныхъ убѣжденій и почти всегда при этомъ крайней бѣдности, продаютъ своего ребенка странствующимъ актерамъ, акробатамъ и содержателямъ публичныхъ домовъ. Обыкновенно родители имѣютъ оправданіе, что сдѣлали это, чтобы спасти ребенка отъ голодной смерти и злой нужды, и въ большинствѣ случаевъ они поддаются также увѣщаніямъ покупателя, увѣряющаго, что ихъ ребенка онъ пристроитъ въ качествѣ прислуги или наложницы въ богатую семью, а то, можетъ быть и отдастъ, замужъ.

Здѣсь у мѣста опровергнуть нелѣпое обвиненіе китайцевъ въ содомскомъ грѣхѣ. Этотъ порогъ развитъ здѣсь ничуть не больше, если даже не меньше, чѣмъ въ Западной Европѣ. Гнусный торгъ мужскимъ тѣломъ давно гнѣздится лишь въ трущобахъ большихъ населенныхъ центровъ. Въ предѣлахъ занимаемой территоріи содоміи, какъ ремесла, не существуетъ, и это аномальное явленіе повсюду пользуется заслуженнымъ презрѣніемъ и отвращеніемъ.

Любовь къ родному очагу и семьѣ побуждаетъ туземца быть бережливымъ и умѣреннымъ. Онъ неприхотливъ въ одеждѣ, ѣдѣ и удовольствіяхъ. Все, что китаецъ зарабатываетъ, онъ несетъ на общую пользу семьи. Во всякой семьѣ, кромѣ самыхъ бѣдныхъ, найдется завѣтный сундучекъ, гдѣ прикапливаются трудовыя денежки, которыя расходуются въ большой осмот-

рительностью въ случаѣ какого нибудь семейнаго событія, какъ, напримѣръ, похороны или свадьба. Если въ семействѣ завелся маленькій капиталецъ, то прикупается рабочій скотъ, заводится лишняя телѣга, дѣлается новая пристройка къ дому, которая обыкновенно предназначается для молодой четы. Въ каждой семьѣ есть «молодые», которые иногда 5—6 лѣтъ носятъ такое названіе, пока не случится въ семьѣ «радость и веселье» (синь-си) т. е. не женится одинъ изъ младшихъ родственниковъ. Если капиталъ достаточенъ для покупки земли, то это не преминуть сдѣлать; при этомъ, если средства позволяютъ, то откроютъ при домѣ лавочку, въ которой будутъ продавать предметы незатѣйливыхъ нуждъ своихъ односельчанъ и сосѣдей. Если семья достигла прочнаго благосостоянія, то заботятся о томъ, чтобы одному изъ подростающихъ членовъ семейства, выказавшему способности и любовь къ книжнымъ занятіямъ, открыть почетный путь къ ученымъ отличіямъ, достиженіе которыхъ сообщаетъ извѣстность и уваженіе всей фамиліи,

Всякій членъ семьи долженъ стараться вносить въ семейную казну, а не выносить изъ нее. Поэтому когда кто-либо безразсудно расходуетъ на удовольствія и забавы свою часть доставшагося ему по наслѣдству капитала или хотя бы свой собственный заработокъ, то считается человѣкомъ предосудительнаго поведенія и сомнительной нравственности. Репутація «любитъ тратить деньги» почти равносильна обвиненію въ распутствѣ и бродяжничествѣ. Человѣкъ, любящій расходовать свой достатокъ на публичныхъ женщинъ, считается стоящимъ на скользкомъ пути къ преступленію, и нерѣдко бываетъ, что торговая фирма отказываетъ своему способному и дѣятельному довѣренно-

му лишь потому, что за нимъ замѣчена склонность къ продажнымъ женщинамъ.

Китайцы не обнаруживаютъ пристрастія къ вину, и видѣть пьянаго китайца—большая рѣдкость. Склонность къ спиртнымъ напиткамъ замѣчается большей частью у людей преклоннаго возраста; молодые же люди почти никогда не выказываютъ любви къ вину.

Однако привычка, къ алкоголю даже у пожилыхъ людей не носитъ характера неизлечимаго порока, и запойное пьянство для туземца совершенно неизвѣстное и непонятное явленія. Китайцы положительно недоумѣваютъ, какимъ образомъ иностранцы безъ вреда для своего здоровья поглощаютъ такое количество хмѣльныхъ напитковъ.

Каждый китаецъ—лакомка, но любовь къ вкуснымъ кушаньямъ не приводитъ его къ мотовству. Только богатые позволяютъ себѣ большіе расходы на столъ, а обыкновенно туземецъ довольствуется тѣмъ, что потѣшитъ себя какимъ нибудь лакомствомъ, которое будетъ ему стоить нѣсколько чохъ.

Куреніе опіума далеко не такъ сильно развито въ Китаѣ, какъ вообще объ этомъ принято думать въ Европѣ. Ошибочность заключенія обусловливается тѣмъ, что иностранцы приходятъ къ такому выводу изъ одностороннняго паблюденіе надъ населеніемъ большихъ портовыхъ городовъ, въ отношеніи которыхъ оно, пожалуй, отчасти и справедливо. Что же касается до массы населенія вообще и занимаемой территоріи въ частности, то число курильщиковъ опіума едва ли превышаетъ 5%, при чемъ на долю сельскаго населенія приходится около 2%, а среди торговцевъ и городскихъ жителей превышаетъ 15%.

Куреніе опіума въ большинствѣ случаевъ обращается въ пагубную привычку, въ порочную страсть, развращающую душу и разрушающую тѣло. Только состоятельные и интеллигентные люди, куря хорошіе сорта опіума, не такъ вредно дѣйствующіе на организмъ, относятся къ своей привычкѣ съ хладнокровіемъ любителя дорогихъ сигаръ; въ большинствѣ же случаевъ этотъ ядъ приводитъ потребителя къ прогрессивному упадку умственной и физической энергіи, опускаетъ человѣка въ нравственномъ отношеніи и дѣлается для него такой неизбѣжной необходимостью, что за трубку опіума человѣкъ рѣшается на всякую подлость и преступленіе.

Впрочемъ это зло не такъ глубоко пустило корни въ жизнь народа: съ нимъ возможно и должно бороться. Опійныя заведенія не такъ многочислены въ предѣлахъ занимаемой территоріи, чтобы ихъ нельзя было довести до минимума и даже вовсе вывести. Опійные притоны и продажа опіума производится лишь въ городахъ, многолюдныхъ торговыхъ и портовыхъ селеніяхъ и въ большихъ гостинницахъ по тракту. Китайская администрація вообще смотритъ на это зло сквозь пальцы, потому что мѣстные чиновники, исключая сбора податей и особенныхъ происшествій, рѣдко выѣзжаютъ за предѣлы административнаго центра, гдѣ постоянно проживаютъ; въ самомъ же городѣ ихъ челядь и канцелярскіе служители имѣютъ съ опійныхъ заведеній вѣрный доходъ, а потому охраняютъ ихъ отъ преслѣдованія закона и покровительствуютъ имъ. Во всякомъ случаѣ общественное мнѣніе не относится равнодушно къ куренію опіума: на него смотрятъ какъ на грязную, порочную страсть, и въ закоренѣломъ курильщикѣ опіума видятъ человѣка падшаго и развращеннаго. Ни одинъ курильщикъ не сознается открыто

въ своей пагубной привычкѣ и явные признаки этого порока—грязно-блѣдный цвѣтъ лица и худобу—приписываетъ разстройству питанія отъ застарѣлой внутренней болѣзни.

Люди, предававшіеся въ молодости половымъ излишествамъ, въ зрѣломъ возрастѣ зачастую дѣлаются страстными курильщиками опіума, который, возбуждая въ нихъ угасшія силы, дѣлаетъ ихъ иногда способными къ похотливымъ эксцесамъ, которые въ связи со всевозрастающей страстью къ опіуму дѣйствуютъ съ поразительной разрушительностью на организмъ и превращаютъ сорокалѣтняго мужчину въ дряхлаго изможденнаго старика, равнодушнаго и безучастнаго ко всему, кромѣ своей трубки опіума. Публичныя женщины обнаруживаютъ большую склонность къ куренію опіума.

Пристрастіе къ азартной игрѣ довольно широко распространено среди туземцевъ, и китайское законодательство относится къ этому пороку съ большой строгостью. Содержаніе игорнаго притона строго преслѣдуется: кромѣ конфискаціи имущества виновный подлежитъ тяжкому тѣлесному наказанію и заключенію въ тюрьмѣ. Лицо, неоднократно замѣченное въ содержаніи игорныхъ домовъ, можетъ быть подвергнуто смертной казни. Строгой карѣ подлежитъ и лицо, давшее помѣщеніе для игорнагу дома. Люди пристрастные къ азартнымъ играмъ, пользуются столь же сомнительной репутаціей, какъ распутники: только къ молодымъ и неопытнымъ людямъ общественное мнѣніе въ этомъ отношеніи нѣсколько болѣе снисходительно. Однако, несмотря на такой взглядъ общества на азартные игры, послѣднія привлекаютъ къ себѣ не мало туземцевъ. Банковка, какъ выгодное коммерческое пред-

пріятіе, зачастую гарантируется людьми, совсѣмъ не принимающими участіе въ игрѣ, живущими добродѣтельной семейной жизнью и занимающимися честнымъ трудомъ. Обычные посѣтители игорныхъ домовъ—люди крайне сомнительнаго образа жизни и занятій. Нерѣдко при обыскахъ такихъ домовъ случается захватывать извѣстныхъ воровъ и разбойниковъ. Однако зачастую случается, что игра завлекаетъ и людей вполнѣ порядочныхъ. Бываетъ, что почтенный отецъ семейства, затесавшись въ кругъ играющихъ, сначала лишь съ любопытствомъ смотритъ на игру, а потомъ и самъ пробуетъ счастье. Опытный банкометъ не преминетъ искусно завлечь новичка, который тутъ же и спускаетъ свои трудовыя денежки до послѣдней чохи. Особенно сильно распространена игра среди пришлаго рабочаго люда. Зачастую бываетъ, что подрядчикъ держитъ черезъ довѣренное лицо игорный притонъ, откуда иногда съ лихвой возвращаетъ уплоченные рабочимъ заработанныя деньги. Случается нерѣдко, что рабочій имѣющій на родинѣ престарѣлыхъ родителей, жену и дѣтей, проигрываетъ весь свой заработокъ, все имущество до послѣдней нитки и закабаляетъ себя на нѣсколько лѣтъ безплатной работы.

Воровство, грабежъ, ссоры, драки и буйство, иногда кончающіеся изувѣченіемъ или даже убійствомъ, являются обычными спутниками азартной игры. Недаромъ туземцы говорятъ: «гдѣ азартная игра, тамъ воровство и разбой». Нерѣдко случается, что зажиточные и вполнѣ порядочные люди, чтобы охранить себя отъ бѣды и всякихъ непріятныхъ случайностей, доносятъ объ возникновеніи игорнаго притона.

Даже самые пристрастные изъ европейцевъ не отказываютъ китайцу въ трудолюбіи и миролюбіи, хо-

тя видятъ въ этихъ хорошихъ качествахъ слишкомъ много дурныхъ черть. На самомъ же дѣлѣ стоитъ только взглянуть съ какой старательностью и упорствомъ туземецъ воздѣлываетъ свой небольшой участокъ малоплодородной земли, чтобы проникнуться уваженіемъ къ его трудолюбію. При принятой здѣсь грядополосной системѣ обработки земли, туземецъ раздѣлываетъ свою небольшую пашню, какъ огородъ: настойчивостью и внимательнымъ уходомъ за нею онъ извлекаетъ изъ скудной почвы пропитаніе, достаточное для своего многочисленнаго семейства. Нашъ крестьянинъ не могъ бы просуществовать и года при такомъ незначительномъ надѣлѣ и малоплодородности земли, а туземецъ упорно борется со всѣми невзгодами и скудостью почвы, оживляя ее своимъ изумительнымъ усердіемъ и орошая потомъ своего труда. Повсюду, исключая вершинъ горъ, овраговъ и песчаныхъ долинъ, да небольшихъ участковъ, занятыхъ лѣсомъ, трудолюбивый туземецъ обратилъ въ пашни всю малоплодородную землю занимаемой территоріи.

Въ чемъ бы не проявлялся трудъ китайца, онъ всюду характеризуется усердіемъ и аккуратностью. Упрекаютъ китайцевъ въ медлительности, въ автоматическомъ отношеніи къ дѣлу и косности пріемовъ работъ. И это справедливо. Китаецъ привыкъ къ тихому размѣренному теченію своей жизни и никогда не торопится. Американскій девизъ «время—деньги» совершенно непонятенъ для китайца, и онъ охотнѣе будетъ расходовать время, чѣмъ затрачивать капиталъ. Кромѣ того, хотя китаецъ и не уступаетъ европейцу въ здоровьи, но у него нѣтъ той впечатлительности нервовъ, какъ у послѣдняго, и мускульная его сила, вслѣдствіе почти исключительнаго употребленія растительной пищи значительно ниже, а потому онъ не

такъ интенсивенъ въ работѣ и нуждается въ частыхъ, хотя и непродолжительныхъ передышкахъ. Всегда китаецъ стремится къ сноровкѣ и къ замѣнѣ сознательнаго отношенія къ дѣлу механическимъ. Это своеобразная черта его характера. Въ умственномъ трудѣ онъ также старается брать все навыкомъ и памятью, оставляя дѣятельности соображенія очень малое мѣсто. Методы обученія у китайцевъ направлены къ механическому запоминанію и затратѣ времени въ ущербъ активной работѣ мозга. Отсюда и вытекаетъ застой изобрѣтательности китайцевъ и стремленіе ихъ къ рутинѣ.

Впрочемъ, хотя китаецъ и довольствуется унаслѣдованными отъ предковъ пріемами работы и плодами изобрѣтательности, однако онъ не противникъ изобрѣтеній и улучшеній, предлагаемыхъ ему европейцами. Онъ охотно усвоиваетъ ихъ себѣ и быстро достигаетъ совершенства въ подражаніи. Китайцы выказываютъ большую понятливость и способность по отношенію къ фабрично-заводской промышленности и прекрасно сознаютъ пользу и значеніе желѣзнодорожныхъ путей, пароходныхъ сообщеній, телеграфовъ и телефоновъ. Если Китай до послѣдняго времени упорно закрывалъ двери для европейской промышленности и торговли и не желалъ усвоить себѣ плодовъ европейской культуры, то причина этого—въ дряхлости и расшатанности государственнаго организма и полномъ запустѣніи и безпорядочности государственнаго казначейства. Въ Китаѣ консервативное отношеніе и недоброжелательность къ европейской цивилизаціи вызываетъ не народъ, а правительство, которое сознаетъ свою шаткость и безсиліе.

Миролюбіе китайцевъ постоянно служитъ евро-

пейцамъ мишенью для насмѣшекъ и упрековъ въ трусости. По поводу пораженій китайцевъ въ послѣдней японской войнѣ было помѣщено не мало каррикатуръ и злыхъ остротъ во всѣхъ иностранныхъ журналахъ. Однако китайцы вели себя такъ, какъ имъ слѣдовало; также поступилъ бы на ихъ мѣстѣ и всякій другой. Китайскіе солдаты—наемники сомнительной нравственности и не воодушевлены преданностью Престолу и Отечеству, потому что ею не воодушевлено и населеніе страны,—не имѣя ни какихъ побудительныхъ причинъ, чтобы выказывать самоотверженіе и отвагу, а потому и не мудрено, что, будучи плохо вооружены и совсѣмъ не дисциплированы, они всюду бѣжали послѣ первыхъ выстрѣловъ, оставляя врагу поле сраженія.

Ничего нѣтъ удивительнаго и въ томъ, что мирные жители нанимались къ японцамъ въ качествѣ носильщиковъ, рабочихъ и пр. Китаецъ—прежде всего семьянинъ, а не патріотъ: ему нѣтъ дѣла изъ за чего и съ кѣмъ враждуетъ правительство. Тотъ, кого называютъ врагомъ, обращается съ нимъ миролюбиво, не нарушаетъ обычаевъ страны и щедро расплачивается за услуги; китайскіе же солдаты, которыхъ онъ, по понятіямъ европейцевъ, долженъ признавать за своихъ защитниковъ, отнимаютъ у него кровь, пропитаніе, оскорбляютъ женщинъ и обижаютъ его самого. Кому онъ долженъ сочувствовать и кому помогать? Вопросъ разрѣшается самъ собой. Китаецъ—прежде всего семьянинъ и мирный житель, поэтому за недостаткомъ отваги, которую впрочемъ отъ него и требовать никто не вправѣ, его никакъ ужъ нельзя упрекать въ трусости. Любовь туземца къ миру лучше всего характеризуется китайской пословицей: «лучше

быть собакой во время благоденствія и покоя, чѣмъ человѣкомъ во время смутъ».

Что китайцы не жалкіе трусы доказываетя также и тѣмъ, что въ средѣ прибрежныхъ жителей встрѣчается не мало отважныхъ моряковъ, которые на утлой лодченкѣ съ дряннымъ парусомъ отваживаются пускаться на промыселъ въ открытое море. Китаецъ вообще благоразуменъ и хладнокровенъ, а потому безъ побудительныхъ причинъ не станетъ рисковать своимъ здоровьемъ и жизнью, и за это его, конечно, нельзя назвать трусомъ. Когда же необходимость и долгъ побуждаютъ туземца выказать отвагу и мужество, то въ большинствѣ случаевъ онъ не подаетъ повода къ упреку въ трусости. На Квантунѣ всѣмъ извѣстенъ отважный примѣръ трехъ китайскихъ полицейскихъ гор. Пицзыво, которые будучи воодушевлены неустрашимостью своего начальника г. Тауца, безоружные бросились преслѣдовать вооруженнаго разбойника, который нанесъ имъ довольно тяжкія раны. За этотъ подвигъ они удостоились отъ Приамурскаго Генералъ-Губернатора награжденія серебрянными медалями и часами.

Гораздо болѣе основательны упреки китайцевъ въ корыстолюбіи, лукавствѣ и недовѣрчивости. Семейная жизнь дѣлаетъ китайца эгоистомъ и скопидомомъ. Поэтому нерѣдко соблазнъ зашибить лишнюю копѣйку побуждаетъ китайца поступиться своей совѣстью и, если можно, надуть и сорвать лишнее, особенно съ бѣлолицаго иностранца, который постоянно представляется ему человѣкомъ богатымъ и, вслѣдствіе незнакомства съ обычаями и нравами страны, нѣсколько глупымъ и чудаковатымъ.

Лукавство и недовѣрчивость это качества, которыми всегда вооружается слабый. Китаецъ гостепріименъ только въ отношеніи своихъ знакомыхъ и тѣхъ, которые ему не кажутся опасными. Незнакомецъ же и въ особенности иностранецъ, возбуждаетъ въ туземцѣ чувство недовѣрчивости, особенно если онъ чего нибудь добивается отъ него. Китаецъ прежде всего заподозрѣваетъ, не кроется ли въ намѣреніяхъ незнакомца какой нибудь опасности или непріятности для него и его близкихъ, а потому онъ начинаетъ безсовѣстно лукавить и лгать, нагло увѣряя, что онъ ничего не знаетъ и ничего не понимаетъ. Тогда, чтобы добиться какого-нибудь результата, нужно выказать строгость и, уличивъ туземца во лжи и притворствѣ, оказать воздѣйствіе на его самолюбіе или подвергнуть его наказанію, пригрозивъ, что такъ будетъ поступлено съ нимъ и впредь. Послѣ этого китаецъ, убѣдившись, что хитрости ему не помогутъ, что обманъ не скроется и впредь, а вовлечетъ только въ новыя непріятности, дѣлается болѣе правдивымъ и откровеннымъ. Когда же онъ увидитъ, что ему опасаться нечего, то дѣлается болтливъ, услужливъ и предупредителенъ, и если не умѣрить его рвенія,— станетъ надоѣдать своимъ любопытствомъ и фамильярностью.

Въ общемъ туземецъ отличается добродушіемъ и незлобивостью. Если его пристыдить и даже побить за дѣло, то онъ въ обидѣ за это не будетъ. Не слѣдуетъ только доставлять ему непріятностей и безпокойства безъ основательной причины и всячески нужно стараться не нарушать его обычаевъ, тогда устанавливаются самыя добрыя и дружественныя отношенія.

Китаецъ вообще очень невѣжественъ и легковѣренъ, а потому весьма склоненъ къ распространенію всякихъ сплетень и охотно вѣритъ всякимъ нелѣпымъ разсказамъ о европейцахъ и русскихъ, которые изобрѣтаются и распространяются подъ сурдинку всякими злонамѣренными людьми, а въ особенности нашими друзьями Цзиньчжоускими чиновниками.

Вообще китайцы отличаются большой терпимостью (гораздо большей чѣмъ просвѣщенныя бѣлыя націи), чужды фанатизма и свое неудовольствіе и нерасположеніе выражаютъ почти всегда лишь въ упорствѣ пассивнаго противодѣйствія. Но подъ вліяніемъ постояннаго подстрекательства и терроризирующаго вліянія извнѣ, туземецъ переходитъ въ активныя непріязненныя дѣйствія—и тутъ, какъ бодающаго козла его нужно бить прямо въ лобъ, послѣ чего онъ сразу отрезвляется и дѣлается такимъ же кроткимъ и податливымъ, какъ всегда. Фактически и документально доказано, что извѣстное столкновеніе при Ліу-цзя-данѣ произошло именно вслѣдствіе возбужденія населенія противъ русскихъ нелѣпыми сплетнями, распускаемыми Цзиньчжоускими чиновниками и ихъ челядью, и систематическимъ подстрекательствомъ и территоризированіемъ населенія Цзиньчжоускими и Мукденскими мандаринами, которые, чтобы взволновать умы туземцевъ, не постѣснялись самымъ дерзкимъ образомъ нарушить трактаты высылкой довольно значительныхъ отрядовъ своихъ войскъ въ предѣлы занимаемой нами территоріи.

Въ заключеніе слѣдуетъ указать на своеобразную черту въ характерѣ туземцевъ. Эгоизмъ семьянина дѣлаетъ ихъ очень мало отзывчивыми къ общественнымъ интересамъ. Если какое нибудь зло не касается

китайца лично или его семьи, то онъ готовъ терпѣть и даже покрывать его, слѣдуя житейскому правилу: «моя хата съ краю, ничего не знаю». Вслѣдствіе этого, а также безначалія и почти полнаго отсутствія въ странѣ полицейскаго надзора, кои являются характерными чертами китайской администраціи, разбойничество получило въ странѣ широкое развитіе.

Подъ именемъ ху-за (смутьянъ) или какъ болѣе принято называть между русскими, «хунхузы», извѣстно все бродячее населеніе, занимающееся разбоями и грабежами. Развитію разбойничества и бродяжничества способствовало тревожное состояніе страны въ теченіи послѣднихъ пяти лѣтъ, начавшееся съ японо-китайской войны и достигшее особеннаго напряженія въ періодъ удаленія изъ края китайскихъ войскъ и администраціи и занятія его русскими. Многіе изъ отпущенныхъ или дезертировавшихъ китайскихъ солдатъ остались здѣсь, снискивая себѣ пропитаніе, чѣмъ придется. Особенно въ неблагопріятномъ положеніи находился сѣверо-восточный уголъ занимаемой части полуострова, какъ представляющій собою территорію, удаленную отъ административныхъ центровъ, какими являются—на сѣверѣ Фучжоу и Сю-янь, а на югѣ, до прибытія русскихъ, было Цзиньчжоу. Кромѣ того, большое число острововъ, разбросанныхъ по восточному побережью Сѣвернаго участка занимаемой территоріи и скалистыя бухточки материка способствовали также развитію разбойничества и на морѣ, тѣмъ болѣе, что плавающія здѣсь торговыя суда служили богатой приманкой для хищниковъ.

Первоначально все усиліе нашей администраціи было не болѣе, какъ тщетной попыткой къ возстановленію спокойствія въ странѣ. Хунхузы дерзостью

своихъ разбоевъ глумились надъ нами. Населеніе, запуганное хунхузами, а зачастую и кумившееся съ ними, не только не оказывало никакой помощи администраціи, но подъ часъ даже и укрывало ихъ. Нѣкоторыя рабочія селенія оказывали хунхузамъ содѣйствіе отдачей въ ихъ пользованіе своихъ лодокъ, получая за это нѣкоторую долю добычи. Въ другихъ селеніяхъ жители занимались разбоемъ, какъ подспорьемъ къ своему постоянному земледѣльческому промыслу, и тѣмъ самымъ маскировали свою преступность. Наконецъ энергія и бдительность Начальниковъ сѣвернаго участка (г. Тауцъ, а за время его нахожденія въ отпуску поручика Равича-Пиглевскаго) и Начальника гарнизона въ Пицзыво, капитана Богославскаго, сдѣлали свое и фактически разубѣдили населеніе во вкоренившемся у него убѣжденіи о невозможности бороться съ разбойничествомъ. Послѣ того, какъ на сушѣ и на морѣ было захвачено нѣсколько десятковъ разбойниковъ, закованы въ кандалы и поставлены на тяжелыя работы, обыватели стали сами доносить на хунхузовъ и всячески помогать администраціи въ поимкѣ ихъ. Въ настоящее время близко возстановленіе въ странѣ полнаго спокойствія, причемъ важно, что все это достигнуто безъ крутыхъ мѣръ, естественнымъ усиленіемъ авторитета русской власти и русскаго имени.

Резюмируя все сказанное о нравственныхъ качествахъ туземца, легко замѣтить, что прежде всего онъ хорошій семьянинъ, а потому его характеръ отличается всѣми качествами, развиваемыми семейной жизнью—трудолюбіемъ, миролюбіемъ, умѣренностью и бережливостью; обратными сторонами всѣхъ этихъ хорошихъ качествъ являются—отсутствіе въ туземцѣ патріотическаго чувства, косность, невѣжественность

и легковѣріе, склонность къ лукавству, излишняя недовѣрчивость и наконецъ, индифферентность ко злу, когда оно не касается его лично.

Если туземца никто не подстрекаетъ противъ русскихъ, то онъ невольно добродушенъ и податливъ, особенно когда видитъ, что ему желаютъ добра и не нарушаютъ его привычекъ и обычаевъ. 250,000 мирныхъ и трудолюбивыхъ туземцевъ сдѣлаются послушными подданными Русскаго Царя, хотя отъ нихъ и нельзя ожидать горячей привязанности и преданности Престолу и Россіи. Надежда же на обрусѣніе ихъ крайнѣ сомнительна, хотя время и общеніе съ русскими, конечно должны будутъ оказать на нихъ свое ассимилирующее дѣйствіе, если только этому не встрѣтится препятствій во вредномъ для насъ вліяніи Цзиньчжоускихъ властей, которому давно уже пора положить предѣлъ занятіемъ автономнаго города и удаленіемъ китайскихъ мандариновъ за предѣлы нашей территоріи.

ГЛАВА VI.

НАРОДНОЕ ЗДОРОВЬЕ.

Народное здоровье.—Общее впечатлѣніе.—Туземная медицина.—Отношеніе туземцевъ къ европейской медицинѣ.—Распространенные роды болѣзней—Повивальное искуство.—Пригодность туземца къ военной службѣ.

Говоря о народномъ здоровьѣ, прежде всего слѣдуетъ отмѣтить, что туземецъ Квантуна, а также и всякій другой китаецъ изъ какой бы провинціи его не взять, за рѣдкими исключеніеми, отличается чрезвычайной свѣжестью и крѣпостью нервной системы. Въ этомъ отношеніи китайцы представляютъ рѣзкій контрастъ съ народами бѣлой кожи, нервная система которыхъ, какъ извѣстно, крайне воспріимчива ко всякого рода раздраженію. Малая возбудимость нервной системы кладетъ на характеръ туземца отпечатокъ флегматичности: онъ рѣдко выходитъ изъ себя и чрезвычайно удивляется несдержанности и горячности европейцевъ. Вспышки гнѣва, ожесточенныя ссоры и драки—явленія сравнительно крайне рѣдкія между туземцами. Кропотливость, терпѣливость, способность къ выжидательнымъ дѣйствіямъ и долгимъ безплоднымъ спорамъ—вотъ своеобразныя черты характера туземца, которыя находятъ себѣ объясненіе въ вышеуказанныхъ свойствахъ его нервной системы. Китайскій народъ, благодаря своей вѣковой обособленности и застою, сохранилъ свои нервы крѣпкими и

здоровыми Въ этой свѣжести нервной системы китайцы хранятъ пока еще находящуюся въ состояніи покоя способность къ напряженной дѣятельности въ будущемъ,—и, кто знаетъ, можетъ быть, желтая раса, ставши на путь прогресса и западной цивилизаціи, оттѣснитъ народы бѣлой кожи и пойдетъ во главѣ ихъ, когда они окончательно истощатъ свои нервы усиленной конкуренціей и излишествами всякаго рода.

Никакихъ достовѣрныхъ свѣдѣній, о числѣ браковъ, о рождаемости, заболѣваемости, смертности и распространенности различныхъ родовъ болѣзни среди туземцевъ пока еще не имѣется. Но, если судить по общему поверхностному наблюденію, то слѣдуетъ признать, что, несмотря на полное отсутствіе въ странѣ какого либо санитарнаго надзора и лечебныхъ заведеній, при медицинской помощи, крайне сомнительной и весьма мало распространенной,—здоровье туземнаго населенія довольно удовлетворительно. Вслѣдствіе большой распространенности браковъ рождаемость въ странѣ также велика, но по причинѣ неблагопріятныхъ гигіеническихъ условій, представляемыхъ тѣснотою жилищъ, а также большой подверженности послѣднихъ атмосфернымъ вліяніямъ, смертность сильно развита среди маленькихъ дѣтей; однако приростъ населенія все же довольно значителенъ. Средняя продолжительность жизни довольно велика. Въ странѣ не мало 50—60 лѣтнихъ мужчинъ, все еще крѣпкихъ и здоровыхъ. Процентъ 80 лѣтнихъ стариковъ доходитъ до пяти; 90 и 100 лѣтній возрастъ не такая большая рѣдкость, какъ въ Европѣ. Женщины сохраняются лучше мужчины, и средняя продолжительность ихъ жизни еще больше.

Самоубійство считается туземцевъ большимъ грѣ-

хомъ. Посягательство на свою жизнь, случается весьма рѣдко въ минуту сильныхъ душевныхъ потрясеній, чаще среди женщинъ, которая, вообще имѣя очень узкій кругозоръ, не всегда въ силахъ справиться съ впечатлѣніями изъ ряда обыкновенныхъ. Самоубійство обыкновенно происходитъ среди мужчинъ черезъ отравленіе. Для отравленія употребляется большей частью гуща, отстаивающаяся при изготовленіи китайской сои, которая повсюду—домашняго изготовленія.

Хотя почти исключительно растительная пища и дѣлаетъ туземца сравнительно слабосильнымъ, однако постоянное пребываніе на воздухѣ, постоянный, но не чрезмѣрный физическій трудъ и отсутствіе всякаго рода излишествъ обусловливаютъ вполнѣ удовлетворительное состояніе здоровья, несмотря на то, что у многихъ цвѣтъ лица не совсѣмъ хорошъ. Безусый съ крѣпкими бѣлыми зубами, съ умѣренно развитой мускулатурой и открытымъ добродушнымъ лицомъ, туземецъ всегда кажется моложе своихъ лѣтъ.

Хотя въ странѣ и существуетъ туземная медицина, хотя лавки съ аптекарскими товарами довольно распространены и доморощенные лекаря имѣются во всякомъ большомъ селеніи, однако китаецъ въ большинствѣ случаевъ совершенно безпомощенъ даже при самой незначительной болѣзни, какъ напримѣръ, флюсъ, ангина, разстройство желудка, лихорадка. Происходитъ это отъ совершеннаго невѣжества и полнаго незнакомства съ требованіями гигіены. Къ врачу китаецъ обращается рѣдко, такъ какъ не довѣряетъ ему, а кромѣ того и боится истратиться на лекарства. Къ чести китайскихъ докторовъ слѣдуетъ замѣтить, что они берутъ не за визиты, а за излеченіе. Если совѣты не помогли больному, то врачъ не считаетъ себя въ пра-

вѣ требовать ганорара. Однако за операціи, банки, пусканіе крови и ухаживаніе за больнымъ всегда принято вознаграждать врача, хотя бы и не послѣдовало улучшенія. Въ случаѣ если леченіе имѣло слѣдствіемъ ухудшеніе или смерть больного, то репутація доктора сильно страдаетъ; кромѣ того ему приходится считаться съ родственниками пострадавшаго отъ неискуснаго леченія, и иногда дѣло доходитъ до судебнаго разбирательства.

Въ большинствѣ случаевъ врачъ содержитъ аптеку самъ или въ компаніи съ кѣмъ нибудь. Аптека даетъ болѣе вѣрный доходъ чѣмъ консультаціи, такъ какъ лекарства должны уплачиваться до полученія ихъ больнымъ. Врачи не содержащіе аптеки, получаютъ нѣкоторый процентъ отъ аптекаря, къ которому направляютъ больного. Родственники и онъ самъ всячески заботятся о томъ, чтобы леченіе обошлось подешевле. Иногда больной предпочитаетъ умереть, чѣмъ израсходоваться на дорогое лекарство, въ благодѣтельную силу котораго онъ мало вѣритъ. Лѣкаря, пользующіе дешевыми средствами пріобрѣтаютъ большую популярность.

Обладаніе медицинскими познаніями даетъ доктору право на извѣстное почетное положеніе въ обществѣ. Лѣкаря раздѣляются на «наружныхъ и внутреннихъ». «Вай-кэ», лечащій наружныя болѣзни, можетъ быть приравненъ по своей компетенціи къ нашимъ фельдшерамъ. Онъ рѣжетъ мозоли, пускаетъ кровь, ставитъ банки, дѣлаетъ массажъ и пользуетъ незначительныя болѣзни, а иногда занимается незатѣйливой хирургіей. «Нэйкэ»—врачъ по внутреннимъ болѣзнямъ, большей частью лечитъ и внутренніе и наружные недуги. Трудно сказать, что либо положительное о китайскихъ

докторахъ. Нѣкоторые изъ нихъ ознакомлены съ анатоміей, которую изучаютъ лишь по рисункамъ, физіологіей и діагнозомъ болѣзней, хотя чаще они поражаютъ своимъ невѣжествомъ, и среди нихъ не мало шарлатановъ, которые тѣмъ только и спасаются отъ преслѣдованія своихъ паціентовъ, что странствуютъ изъ одной провинціи въ другую, занимаясь въ то же время гаданіемъ, предсказаніями и другими шантажными способами добыванія себѣ дневнаго пропитанія.

Взглядъ китайской медицины на нѣкоторыя обыденныя болѣзни поражаютъ своимъ оригинальнымъ невѣжествомъ. Китайская фармакологія отличается большимъ развитіемъ отдѣла возбуждающихъ лекарствъ, къ каковымъ относятся: корень жень-шэнь, рога молодого изюбря (панты), настойка и клей изъ костей тигра, засушенное сердце и другія внутренности тигра и многое другое. Нѣкоторые европейцы разсказываютъ, что китайскіе солдаты носятъ при себѣ для возбужденія храбрости порошокъ изъ тигровыхъ костей. Это конечно, не болѣе какъ сарказмъ, такъ какъ всѣ возбудительныя лекарства очень цѣнны и не всякому доступны. Конечно, въ китайской аптекѣ много всякой дряни и безполезныхъ выдумокъ, которыя существуютъ, лишь благодаря предразсудкамъ и невѣжеству массы, но можно утверждать навѣрняка, что тамъ найдутся и благодѣтельныя средства, неизвѣстныя еще европейской медицинѣ.

Хирургія развита очень слабо, и хирургическія инструменты очень грубы и примитивны. Медицинскіе приборы вообще, даже самые ординарные, незнакомы туземнымъ экскулапамъ, а потому промыванія и спринцованія ими вовсѣ не практикуются.

Китайцы выказываютъ большое довѣріе и расположеніе къ европейцамъ врачамъ, особенно, если они предлагаютъ свою помощь и лекарство безвозмездно. Къ сожалѣнію незнаніе языка и отсутствіе удовлетворительныхъ переводчиковъ затрудняютъ доктору діагнозъ и объясненія больному требованій гигіены и способа леченія. Благодаря значительной свѣжести и крѣпости своей нервной системы, туземцы легко переносятъ боль при операціяхъ и довѣрчиво отдаютъ себя въ руки европейскихъ докторовъ и фельдшеровъ. Однако къ хирургическимъ инструментамъ они питаютъ инстиктивную боязнь, и рѣдкій изъ нихъ согласится на ампутацію, хотя бы угрожала смерть. Впрочемъ въ Портартурскомъ госпиталѣ доктору Пономареву удалось внушить своимъ китайскимъ паціентамъ такое довѣріе, что нѣкоторые изъ нихъ соглаенлись переносить даже ампутацію конечностей.

Къ числу болѣзней, наиболѣе распространенныхъ среди туземцевъ, относится оспа. Хотя оспенная вакцина и прививается туземцами для предотвращенія заболѣваній, однако эта прививка, совершаемая самымъ примитивнымъ способомъ, иногда не вполнѣ безопасна, и бываетъ, что оканчивается настоящей болѣзнью и даже смертью. Впрочемъ оспа между туземцами не принимаетъ очень злокачественныхъ формъ, и смертные случаи отъ нея сравнительно довольно рѣдки. Вслѣдствіе крайней нечистоплотности китайцевъ среди нихъ широкое распространеніе получили глазныя болѣзни, по преимуществу въ формѣ трахомы. Также сильно развиты накожныя болѣзни, въ особенности парша дѣтей. Частые и сильные вѣтры наносятъ пыль и способствуютъ раздраженіе глазного яблока и дыхательныхъ путей, а потому катарральное-воспаленіе глазъ, горла и болѣзни гландъ также до-

вольно распространены между туземцами. Нужно удивляться, что при скученности, нечистоплотности, подверженности жилищъ ко всякого рода атмосфернымъ вліяніямъ, дурной водѣ и другихъ антигигіеничныхъ условіяхъ жизни туземцевъ, эпидемическія болѣзни все же сравнительно рѣдки и не принимаютъ черезчуръ большихъ размѣровъ. Объясненіе такой малой воспріимчивости китайцевъ къ эпидическимъ заболѣваніямъ нужно искать въ здоровомъ состояніи ихъ нервной системы, которая и даетъ организму достаточную силу, чтобы бороться со всякими злокачественными микробами.

Нѣкоторые приписываютъ вѣтрамъ дезинфекцирующее значеніе, и если это вѣрно, то эта единственная здѣсь санитарная мѣра имѣетъ по истинѣ благодѣтельные результаты, замѣтные въ ослабленіи эпидеміи съ наступленіемъ вѣтренныхъ періодовъ.

Къ эпидемическимъ болѣзнямъ, почти ежегодно уносящимъ въ могилу нѣкоторую долю туземнаго населенія, относится брюшной тифъ и дезинтерія.

Къ числу болѣзней, имѣющимъ не столь широкое распространеніе, относится чахотка и болѣзнь сердца. Чахотка болѣе распространена между женщинами, чѣмъ между мужчинами, послѣдніе страдаютъ ею преимущественно въ возрастѣ около 40 лѣтъ. Нервными болѣзнями страдаютъ сравнительно немногіе, причемъ не столько мужчины, сколько женщины, у которыхъ страданія нервовъ выражаются большой частью въ формѣ истеріи.

Психическій недугъ распространенъ очень мало; имъ страдаютъ преимущественно мужчины, а проявляется онъ въ формѣ слабоумія (бань-дяо-цза—дура-

чекъ, бяо-цза-шалый), безумія или тихаго умопомѣшательства (ша-за), рѣже въ формѣ буйнаго сумашествія (фынъ-цза). Отношеніе туземцевъ къ психическимъ больнымъ весьма гуманное: ихъ всячески стараются не раздражать и обращаться съ ними возможно снисходительнѣй и ласковѣй. Обидѣть такого человѣка считается большей жестокостью. Поэтому случается, что иногда туземецъ, желая избѣжать бѣды, прикидывается дурачкомъ, но большей частью неудачно.

Слѣпыхъ, глухихъ, хромыхъ, глухо-нѣмыхъ, горбатыхъ и вообще убогихъ среди туземцевъ сравнительно гораздо больше, чѣмъ въ Россіи. Среди туземцевъ также очень распространены всякаго рода наросты, заячьи губы и шестые пальцы на одной или на обоихъ рукахъ.

Венерическія болѣзни, отъ которыхъ въ Европѣ страдаетъ довольно значительный процентъ населенія, въ Китаѣ распространены лишь почти исключительно среди городскихъ жителей, а также въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ населеніе занимается отхожимъ промысломъ. Что же касается до туземнаго населенія Квантуна, то венерическія болѣзни въ его средѣ составляютъ довольно рѣдкое, и можно сказать исключительное явленіе, хотя среди пришлой рабочей массы онѣ довольно распространены.

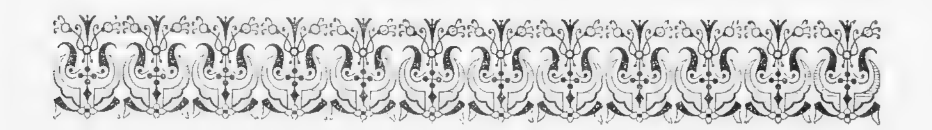
Повиваніемъ занимаются исключительно женщины. Врачъ по туземнымъ обычаямъ никакимъ образомъ не можетъ присутствовать при самыхъ родахъ, а тѣмъ болѣе воспринимать собственноручно. Врачъ осматриваетъ женщину передъ началомъ родовъ, чтобы прописать ей лекарство и подать свои совѣты. Тотчасъ по окончаніи родовъ онъ можетъ осмотрѣть

родильницу, что-бы принять мѣры къ поддержанію ея упавшихъ силъ. Вообще врачи рѣдко приглашаются къ родильницѣ: обыкновенно обходятся помощью повивальной бабки, да и ту не всегда приглашаютъ. Говорятъ, китаянки рожаютъ большей частью довольно легко, но первые роды въ зрѣломъ возрастѣ, будучи вообще затруднительны, большей частью кончаются смертью родильницы, такъ какъ туземныя повитухи, конечно, не въ состояніи справиться съ какимъ бы то ни было аномальнымъ явленіемъ, по простодушію полагая, что при неправильныхъ родахъ и помочь никакъ нельзя.

По своимъ физическимъ даннымъ туземецъ вполнѣ пригоденъ для военной службы, но не въ кавалеріи и конной артиллеріи, такъ какъ не обладаетъ достаточной смѣлостью и ловкостью, и не въ полевой артиллеріи, гдѣ требуется все же много проворства и умѣнія ѣздить верхомъ. Онъ можетъ быть выносливымъ и даже хорошо стрѣляющимъ пѣхотинцемъ, работающимъ и очень аккуратнымъ саперомъ, а также артиллеристомъ при крѣпостныхъ орудіяхъ, гдѣ онъ практическимъ путемъ усвоитъ себѣ правила стрѣльбы и будетъ исполнять ихъ съ педантической точностью. Вообще туземецъ болѣе пригоденъ для крѣпостныхъ войскъ, чѣмъ для полевыхъ. Онъ соособенъ выказать хладнокровіе и мужественную готовность умереть на своемъ посту, если онъ воодушевленъ такимъ осязательнымъ стимуломъ, какъ защита родного очага. А потому для отбыванія воинской повинности его слѣдуетъ назначать въ мѣстные гарнизоны, гдѣ онъ не потеряетъ связи съ семействомъ, общеніе съ которымъ будетъ облегчать ему тяжесть обязательной службы и въ случаѣ нужды воодушевлять къ подвигамъ

Такъ какъ туземецъ вообще развивается медленно и сравнительно съ русскимъ малосиленъ, то призывной возрастъ слѣдуетъ увеличить для него до 25 лѣтъ.

ГЛАВА VII.

НРАВЫ И ОБЫЧАИ.

Общій взглядъ.—Обычай уродованія ногъ у женщинъ.—Несчастна ли китайская женщина?—Новый годъ.—Фонарный праздникв.—Пляска драконь.—Чиновникъ отъ фонарей.—Праздничное времяпровожденіе китайца.—Неприсутственные дни.—Дни поминовенія усопшихъ.—Театръ у туземцевъ.—Взглядъ туземца на театръ и актера.—Музыка, пѣніе и танцы.—Взглядъ на китайскую поэзію, живопись и другія изящныя искусства.—Фынъ-шуй и гаданіе.—Родины.—Имена у туземцевъ.—Сватовство.—Сговоръ.—Свадьба.—Похороны.—Трауръ.

Нравы и обычаи туземцевъ настолько разнятся отъ извѣстныхъ намъ европейскихъ, что ознакомленіе съ ними является необходимымъ для каждаго живущаго и путешествующаго среди китайцевъ. Привѣтствія наши и китайскія совершенно различны. Никогда туземцы не пожимаютъ другъ другу рукъ, а привѣтствуютъ лишь на разстояніи. Формы привѣтствія у знаменныхъ и простолюдиновъ не одинаковыя и зависятъ также отъ разницы положеній и лѣтъ привѣтствующихъ другъ друга лицъ. Существуетъ три основныхъ вида привѣтствій: между равными «цзо-и»—состоитъ въ соединеніи сжатыхъ нѣсколько ладоней и поднесеніи ихъ къ подбородку, въ отношеніи старшихъ «цинь-ань» легкое преклоненіе праваго колѣна и «кэ-тоу», состоящее изъ колѣнопреклоненія и земнаго поклона и употребляющееся при оффиціальномъ разговорѣ чиновниковъ, а въ извѣстныхъ случаяхъ и

въ отношеніи къ старшимъ родственникамъ. Обычай снимаиія головного убора для привѣтствія начинаетъ прививаться среди туземцевъ въ сношеніяхъ съ русскими, но по китайскому обычаю обнаженіе головы считается неприличнымъ. При входѣ въ домъ гость не снимаетъ шапки безъ особаго приглашенія къ этому со стороны хозяина, а хозяинъ при видѣ гостя всегда спѣшитъ одѣть свою шапку; если онъ этого не дѣлаетъ, имѣя свой головной уборъ подъ рукою, то тѣмъ самымъ выказываетъ къ нему неуваженіе или большую короткость съ нимъ. Разговаривать съ человѣкомъ, который старше возрастомъ или положеніемъ, а также принимать гостя, имѣя косу завернутой вокругъ головы, считается неприличнымъ. Гостя принято встрѣчать у входа въ домъ, а провожать до воротъ или экипажа. Пришедшаго всегда угощаютъ чаемъ или по крайней мѣрѣ горячей водкой, причемъ хозяинъ садитъ гостя всегда съ лѣвой стороны, которая считается почетнѣе правой, такъ какъ на лѣвой сторонѣ находится сердце, въ которомъ, по понятіямъ китайцевъ, сосредоточивается вся духовная и физическая жизнь человѣка. Не будучи родственникомъ или очень хорошимъ знакомымъ, выказывать вниманіе, хотя бы лишь въ разговорѣ, къ женѣ и родственницамъ хозяина считается неприличнымъ, впрочемъ матерью и пожилыми родственницами можно интересоваться, не опасаясь нарушить этикета.

При разговорѣ съ малознакомымъ лицомъ, въ особенности при первомъ знакомствѣ, принято предлагать въ самой вычурной формѣ вопросы относительно имени и фамиліи, возраста, семейнаго и общественнаго положенія и вообще вести разговоръ самымъ высокимъ слогомъ. Всѣмъ этимъ выказывается учесть и благовоспитанность собесѣдниковъ. Каждый

изъ нихъ въ отношеніи другого употребляетъ самыя изысканныя выраженія, а о себѣ говоритъ въ уничижительномъ тонѣ. Такъ, на вопросъ—«Драгоцѣнная фамилія»—слѣдуетъ отвѣтъ—«Дрянная фамилія такая-то». «Высокое имя»—«Соломенные іероглифы такіе-то (т. е. ничтожное имя мое такое-то). Вопросъ о лѣтахъ предлагается въ формѣ, зависящей отъ возраста. Напримѣръ «Вашъ высокій возрастъ» (для стариковъ). Драгоцѣнной періодъ Вашей жизни» (для людей зрѣлаго возраста). »Драгоцѣнные Ваши ногти, или почтенные Ваши зубы» означаетъ также—«сколько Вамъ лѣтъ» и употребляется въ отношеніи болѣе молодыхъ людей. Для дѣвицъ и молодыхъ женщинъ употребляется выраженіе «Ваша прелестная весна», т. е. «въ порѣ которой весны Вы находитесь». Отвѣчающій обыкновенно говоритъ, если онъ пожилой: «Ахъ, я уже совсѣмъ старая вещь,—просуществовалъ столько-то лѣтъ», или если молодой.—«Я, еще слишкомъ молодъ, прожилъ въ пустую всего лишь столько-то».

Однако самоуничижительныя выраженія нисколько не препятствуютъ преувеличивать своихъ достоинствъ, и привирать о себѣ для перваго знакомства не считается большимъ грѣхомъ. Вообще надувать посторонняго человѣка не считается очень предосудительнымъ: не даромъ китайская пословица гласитъ: «Ври, да не обманывай своихъ земляковъ». Имя собесѣдника произносится всегда съ эпитетомъ выражающимъ почтеніе къ нему. Если собесѣдникъ значительно старше, то чтобы польстить ему, слѣдуетъ называть его «Лао-цянь-бэй-цза», т. е. «стоящій впереди меня многими поколѣніями». Въ письмахъ также принято употреблять кучу эпитетовъ, комплиментовъ и почтительныхъ фразъ. Привѣтствуя другъ друга, китайцы обыкновенно спрашиваютъ: «Какъ здоровье?» или

«Приняли ли Вы уже пищу?»—опредѣляя послѣднимъ вопросомъ степень физическаго благосостоянія привѣтствуемаго. При встрѣчѣ китаецъ спрашиваетъ не изъ любопытства, а изъ вѣжливости и вниманія: «Куда Вы направляетесь?».

Рѣдко какія нибудь дѣла заставляютъ туземца покидать домъ на нѣсколько дней. Памятуя житейское правило: «Дома 1000 дней спокойны, за воротами и одинъ часъ труденъ», китаецъ весьма тяжелъ на подъемъ и безъ крайней надобности не отправится въ путь. Въ гости онъ ходитъ довольно рѣдко, выбирая для этого дни праздниковъ и семейныхъ торжествъ. Женщины еще болѣе мужчинъ обнаруживаютъ склонность къ домосѣдству и лишь изрѣдка покидаютъ домъ, чтобы посѣтить своихъ родныхъ, гдѣ обыкновенно остаются на нѣсколько дней. Визиты, какими обмѣниваются между собою европейскія дамы, въ Китаѣ не приняты. Не даромъ китайская пословица говоритъ: «Порядочная женщина не станетъ пить чай въ двухъ домахъ».

Нѣкоторые европейцы разсказываютъ, что обычай уродовать ноги установился благодаря ревнивымъ мужьямъ, которые поощряютъ его, чтобы удерживать женъ дома. Однако такое объясненіе этого обычая не заслуживаетъ никакого довѣрія при болѣе близкомъ знакомствѣ съ бытомъ туземца.

Гораздо болѣе вѣроятнымъ объясненіемъ представляется преданіе о томъ, что въ 9 или 10 вѣкѣ до Рождества Христова, при дворѣ одного изъ могущественныхъ Государей Южнаго Края, тогда еще распадавшагося на многіе враждущіе между собою удѣлы, особеннымъ успѣхомъ пользовались женщины съ ма-

ленькими ногами. Чтобы угодить своему повелителю, весь гаремъ и дворъ сталъ искусственно уменьшать себѣ ноги. Вскорѣ столичныя жительницы послѣдовали дворцовой модѣ, которая, немного спустя, проникла и въ провинцію. Сосѣднія государства, тяготѣвшія къ трону этого Государя, цѣнившаго маленькія ножки у женщины, повинуясь всесильному закону подражанія и и желанія не отставать отъ моды, вскорѣ ввели и у себя обычай уродованіе ногъ у представительницъ прекраснаго пола. Такимъ образомъ мода, всесильная всегда и повсюду, узаконила уродованіе женскихъ ногъ, а привычка укоренила это безобразіе и создала изъ него обычай.

Нынѣшняя Маньчжурская династія не отнеслась съ одобреніемъ къ этому по истинѣ дикому обычаю. Въ гаремѣ и при дворѣ Богдыхана нѣтъ ни одной женщины съ уродливыми ногами. Женщины у знаменныхъ также не уродуютъ своихъ ногъ. Послѣднее время, подъ вліяніемъ иностранцевъ въ Шанхаѣ, образовалось общество для борьбы съ обычаемъ уродованія ногъ у дѣвочекъ. Членами этого общества состоятъ нѣсколько знатныхъ людей, занимающихъ высокое служебное положеніе. Многія изъ китаянокъ высшаго круга уже отказываются уродовать ноги своимъ дочерямъ, но въ массѣ этотъ обычай сохраняютъ прежнюю силу. Уже 7—9 лѣтъ дѣвочкѣ начинаютъ забинтовывать ноги и надѣвать узкій башмачекъ. Несмотря на страданія, причиняемыя этой продолжительной операціей, дѣвочка все же гордится, что у ней ноги дѣлаются какъ у большой. Правду сказать, въ испорченныхъ ножкахъ и козлиной походкѣ китаянки мало красиваго, но китаецъ находитъ, что все это придаетъ женщинѣ своеобразную грацію, и ему нра-

вятся уродливыя ножки туземныхъ женщинъ. Конечно, только привычка и мода, а ни какія другія причины обусловливаютъ сохраненіе этого варварскаго обычая. Европейцы разсказываютъ, что маленькія ножки дѣлаютъ китаянку мученицей на цѣлую жизнь: на самомъ дѣлѣ не такъ. Дѣвочка страдаетъ только до тѣхъ поръ, пока нога не приняла желаемой формы, а потомъ ноги не причиняютъ ей большого безпокойства.

Нѣкоторыя иностранцы утверждаютъ, что китаянка въ семьѣ занимаютъ незавидное положеніе почти рабы и вѣчной работницы, что въ страдную пору на своихъ изуродованныхъ ногахъ она работаетъ въ полѣ съ мужчинами. Это не правда. Хотя женщина, дѣйсвительно совершенно безправна въ семьѣ и обществѣ, но судьба ея вовсе не такъ горестна. Обыкновенно китайская семья живетъ дружно, и если женщина сама не вооружаетъ домашнихъ противъ себя капризами строптивостью, то ее никто не обижаетъ, а тѣмъ болѣе не обижаетъ ее мужъ, который, хотя и смотритъ на жену свысока, но относится къ ней всегда съ участіемъ и заботливостью. Женщины обыкновенно несутъ лишь нетрудныя домашнія работы, стряпаютъ, шьютъ и стираютъ бѣлье и одежду, бьютъ хлопокъ, прядутъ. Въ полѣ женщины работаютъ очень рѣдко. Нетрудная обязанность собиранія топлива на полѣ, а именно корневищъ прошлогоднихъ растеній, исполняется дѣтьми, а также и женщннами. Въ зажиточныхъ семьяхъ даже для домашнихъ работъ имѣется прислуга,. большей частью мужская, а женщины занимаются только шитьемъ и вышиваніемъ, а также присматриваютъ за дѣтьми и домашнимъ порядкомъ. Любовь свою къ женѣ мужъ обыкновенно выражаетъ

тѣмъ, что старается освободить ее отъ всякой работы, покупаетъ ей наряды и украшенія, всячески холитъ и балуетъ ее. Хотя пословицы и народные разсказы сильно вышучиваютъ страсть туземныхъ женщинъ къ украшеніямъ и нарядамъ, но китаянки въ этомъ отношеніи куда скромнѣе европейскихъ женщинъ. Большинство изъ нихъ носятъ всю жизнь однѣ и тѣ же серебрянныя украшенія, которыя имъ были подарены при свадьбѣ. Обыкновеннымъ украшеніемъ служатъ искуственные цвѣты, втыкаемые въ прическу съ одной или обѣихъ сторонъ. Цвѣты эти носятъ даже старухи. Этикетъ требуетъ, чтобы женщина, выходя изъ дому, бѣлилась, румянилась и подкрашивала губы и брови. Нѣкоторыя дѣлаютъ это очень умѣло, но зачастую китаянки только безобразятъ себя грубымъ размазываніемъ румянъ и бѣлилъ по всѣму лицу. Иногда румянятъ и маленькихъ мальчиковъ.

Иностранцы разсказываютъ, что китайцы очень ревнивы и держатъ своихъ женщинъ подъ постояннымъ призоромъ. Но это врядъ ли вполнѣ справедливо. Если мужъ и пожилыя родственницы слѣдятъ за женщиной, то отчасти это дѣлается, чтобы избавить ее отъ непріятностей, въ которыя она можетъ быть вовлечена по неопытности. Затворничество же женщинъ имѣетъ себѣ объясненіе и оправданіе въ историческомъ прошломъ Китая. Болтливость и страсть къ сплетнѣ признаются качествами крайне предосудительными для молодой женщины, и нужно отдать справедливость туземнымъ женщинамъ, что бѣганіе изъ дома въ домъ для перемыванія косточекъ своимъ знакомымъ у нихъ не въ модѣ. Китаянка вмѣстѣ съ тѣмъ и менѣе любопытна, чѣмъ европейская женщина. Въ большинствѣ китаянка съ скромнымъ вниманіемъ

слушаетъ, что говорятъ старшіе, а сама говоритъ только, когда ее спрашиваютъ, при этомъ многословіе считается предосудительнымъ.

Быть можетъ европейской женщинѣ судьба китаянки, безправной, поставленной въ узкія рамки семейной жизни и подчиненной во всемъ строгому режиму, покажется очень жалкой, однако сами туземки не тяготятся своей участчю и, несмотря на сидячій образъ жизни, пользуются большей частью хорошимъ здоровьемъ и доживаютъ до глубокой старости. Главными чертами характера туземки являюття любовь къ своимъ дѣтямъ и робость. Всякій пустякъ, который самъ по себѣ ничего особеннаго не представляетъ, поражаетъ поражаетъ китаянку до слезъ и истерики. Даже строгіе китайскіе законы предписываютъ снисходительность и мягкость въ отношеніи женщинъ, хотя и не освобождаютъ ихъ отъ тѣлесныхъ наказаній, предписывая лишь приводить ихъ не снимая исподняго платья.

Обыкновенно жизнь тихо протекаетъ въ сѣренькихъ, повседневныхъ, заботахъ, только праздники да семейныя торжества вносятъ живую струю въ однообразіе трудовой жизни китайца. Китайскіе праздники немногочисленны и вообще не отличаются большими оживленіемъ; исключеніе составляетъ празднованіе Новаго года, которое оригинально и довольно торжественно.

Вечеромъ 23-го дня послѣдней луны богъ очага Цзао-ванъ улетаетъ на небо, чтобы повѣдать Вседержителю о добрыхъ и злыхъ дѣяніяхъ людей за истекшій годъ. Отбытіе Цзаована знаменуется пусканіемъ ракетъ, громомъ бураковъ, педартъ и пр. Наступаютъ

«маленькіе праздники». Обыкновенно къ этому времени принято заканчивать свои дѣла: торговцы подводятъ счеты, ремесленники заканчиваютъ заказы, земледѣльцы прекращаютъ работы, въ присутственныхъ мѣстахъ, «замыкаютъ печать» и запираютъ канцелярію,—начинается общее приготовленіе къ празднику. Сельскіе жители отправляются въ сосѣдній городъ или торговое село за покупками, дома идетъ всякое печеніе, вареніе и прочее; заготовляютъ также ракеты и всякіе потѣшные огни. Въ Новый годъ принято дѣлать другъ другу подарки, а потому приготовляютъ и ихъ. Къ Новому году налѣпляютъ вездѣ на домахъ новыя надписи съ пожеланіями счастья и благоденствія.

Въ полночь 1-го дня новолунія, предшествующаго нахожденію солнца въ знакѣ Рыбъ, китаецъ привѣтствуетъ возвращеніе Цзао-вана къ родному очагу, и наступаетъ Новый годъ. Возжигаются куренія передъ домашнимъ алтаремъ, пускаются ракеты, зажигаются всякіе гремящіе огни. Чѣмъ богаче семья, тѣмъ большимъ громомъ привѣтствуетъ она Новый годъ. Потомъ ѣдятъ вареники, начиненные свинымъ мясомъ и ложатся спать. Первый день обыкновенно проводятъ въ семьѣ, старшіе члены семейства ходятъ въ сосѣднюю кумирню возжечь курительныя палочки въ память предковъ, а также жгутъ бумажки и на могилахъ. При встрѣчахъ говорятъ «Синь-нянь-фа-цай», т. е. Новый годъ—наполняйтесь богатствомъ» и высказываютъ другъ другу всякія доброжеланія. Громъ хлопушекъ и ракетъ возвѣщаетъ объ общемъ ликованіи. Повсюду новыя надписи на красной бумагѣ говорятъ о счастьи и благоденствіи. Китаецъ полагаетъ, что счастливыя слова отвратятъ отъ него всякое несчастье

и принесутъ съ собою радость и благополучіе. Даже на рога животныхъ наклеиваютъ надписи, говорящія о счастьи и долгоденствіи. Уваженіе къ іероглифу китаецъ высказываетъ не только тѣмъ, что приписываетъ ему благодѣтельную силу. Вообще іероглифы, какъ наслѣдіе мудрецовъ глубокой древности и отраженіе мысли, которая есть божественное начало въ человѣкѣ, окружены въ глазахъ туземцевъ ореоломъ почтенія. Исписанныя бумажки не должны валяться на землѣ: онѣ собираются въ особые мѣшки или ящики, которыя имѣются повсюду въ домахъ и даже вывѣшиваются на улицахъ города. Писанная или печатанная бумага не должна идти на обертку, а тѣмъ паче ей нельзя давать какого нибудь предосудительнаго употребленія. Всѣ исписанныя бумаги если онѣ не нужны, должны сжигаться.

Со второго дня начинаются взаимныя посѣщенія. Празднованіе Новаго года по обычаю продолжается весь первый мѣсяцъ, и кто имѣетъ возможность, слѣдуетъ этому обычаю. Но обыкновенно открываютъ торговлю и вообще принимаются за дѣла послѣ Дэнъ-дунъ-цзѣ или Фонарнаго праздника, начинающагося съ 15-го числа и продолжающагося три дня.

Фонарный праздникъ знаменуется большой иллюминаціей, громомъ потѣшныхъ огней, процессіями и играми дракона. Фонари, употребляемые для иллюминаціи въ эти дни, отличаются изяществомъ отдѣлки. Внутри фонаря вставлены фигуры, которыя отъ естественнаго притока воздуха приходяхъ въ круговое движеніе и отражаются на маслянной стѣнкѣ фонаря. Это и составляетъ, такъ называемые, китайскія тѣни. Ракеты пускаютъ по всюду. Кромѣ того, каждая зажиточная семья, по очереди, жжетъ передъ своимъ домомъ длинную кишку, начиненную безопаснымъ, но

очень громко взрывающимся составомъ, который при горѣніи производитъ оглушительный трескъ и громъ и разбрасываетъ потокъ искръ, разсыпающихся въ сумракѣ ночи. Игры дракона состоятъ, во первыхъ въ томъ, что въ воротахъ дома вѣшается большой красный фонарь, изображающій солнце; по обѣ стороны фонаря привязываются два драконо-образныхъ льва съ маленькими фонарями въ пасти. Приводимые въ движеніи привязанными къ нимъ веревочками, эти львы съ очень большимъ оживленіемъ и яростью бросаются къ солнцу, чтобы поглотить его. Въ ночной темнотѣ, на нѣкоторомъ разстояніи, сцена эта представляется очень забавной. Разъяренныя чудовища, пыша огнемъ изъ ноздрей и разинутой пасти, какъ будто живыя, то наскакиваютъ на солнце, то отпрыгиваютъ быстро назадъ и съ новой яростью бросаются къ солнцу.

Настоящая же игра драконовъ состоитъ изъ группы актеровъ на ходуляхъ и самаго чудовища, искусно сдѣланнаго изъ матеріи и приводимаго въ движеніе 15—20 человѣками, которые несутъ его на палкахъ. Весь драконъ бываетъ обыкновенно саженей 10—15; внутри него расположены фонари; въ громадной разинутой пасти и огромныхъ глазахъ также помѣщено по фонарю. Дополненіемъ къ дракону является огромный красный фонарь, изображающій солнце. Актеры, музыканты и драконъ—вся эта процессія ходитъ по городу и даетъ безпрестанныя представленія. Актеры довольно искусно загримированы и одѣты женщинами, чиновниками, солдатами, крестьянами и проч.; нѣкоторые изъ нихъ въ странныхъ костюмахъ и одинъ обыкновенно одѣтъ даже европейцемъ—въ черной солдатской курткѣ, украденной или купленной

у японцевъ и съ бѣлымъ цвѣтомъ лица, бородкой и усами. Высокія ходули, на которыхъ передвигаются актеры, привязаны къ ногамъ, и нужно отдать справедливость, что китайскіе комедіанты съ большимъ мастерствомъ и ловкостью продѣлываютъ на ходуляхъ всякія головоломныя штуки.

Сначала драконъ, свернувшись въ клубокъ, смирно лежитъ, лишь изрѣдка шевеля своею огромной головой. Актеры становятся вокругъ чудовища и начинаютъ свой хороводъ при медленномъ темпѣ музыки. Но вотъ музыка все болѣе и болѣе учащаетъ тактъ, хороводъ движется все быстрѣе и быстрѣе, пѣніе актеровъ становится все громче и веселѣй. Чудовище въ это время мало помалу просыпается, сначала лишь медленно и сердито ворочается, а потомъ начинаетъ дѣлаться все болѣе яростнымъ, особенно когда появляется красный шаръ, изображающій солнце. Драконъ пытается уловить его сначала спокойно и самоувѣренно, а потомъ, когда попытка его не достигаетъ успѣха, то свирѣпѣетъ, съ возрастающей яростью и проворствомъ поспѣшаетъ за солнцемъ, извивается всѣми своими кольцами и по мѣрѣ того, какъ солнце постоянно ускользаетъ отъ его огнедышащей пасти, онъ то растилается по землѣ, то вздымается вверхъ, взвиваясь хвостомъ и трепеща всѣмъ своимъ громаднымъ туловищемъ. Музыка и хороводъ съ бѣшенымъ задоромъ держатъ все болѣе и болѣе возрастающій въ скорости темпъ. Это оригинальное зрѣлище, происходящее въ сумракѣ ночи, при колеблющемся и не ясномъ свѣтѣ фонарей, временами ярко озаряемое снопомъ искръ отъ какого нибудь потѣшнаго огня, аккомпанируемое трескомъ хлопушекъ и своеобразными мотивами музыки и пѣнія актеровъ,—по истинѣ

представляется полнымъ какой то необычайной прелести.

Иностранецъ, наблюдая это фантастическое зрѣлище подъ наплывомъ необычайныхъ впечатлѣній зрѣнія и въ неумолкаемой какофоніи всякихъ звуковъ, минутами впадаетъ какъ бы въ состояніе гипноза. Ему кажется тогда, что онъ находится передъ сонмищемъ вѣдьмъ и чертей, въ бѣшенномъ экстазѣ исполняющихъ какой то дьявольскій танецъ и, вся картина, пріобрѣтая феерическій колоритъ, представляется полной непостижимаго очарованія.

Но вотъ чудовище, утомленное тщетными попытками уловить свѣтило, замедляетъ свои движенія, мало по мало успокоивается и безсильно свертывается въ клубокъ.. Вмѣстѣ съ этимъ ускоряется темпъ музыки и пляски. Наконецъ все затихаетъ. Представленіе кончено. Актеры поспѣшно разсаживаются на особыхъ приготовленныхъ для нихъ высокихъ скамьяхъ. Ракеты и всякія хлопушки съ удвоенной энергіей наверстываютъ минутное затишье, наступившее съ концемъ представленія.

Не трудно замѣтить, что праздникъ дракона, чувствуя зимній солнце-поворотъ, представляетъ собою остатокъ религіознаго обожанія солнца и силъ природы древняго культа, общаго младенческому возрасту всѣхъ народовъ. Такое значеніе этого праздника отражается также и въ томъ, что драконъ сопровождается обыкновенно закостюмированными въ животныхъ, которыя служатъ для обозначенія различныхъ періодовъ солнечнаго цикла китайскаго остроумія.

Фонарный праздникъ съ большимъ торжествомъ проходитъ, конечно, только въ торговыхъ и густона-

селенныхъ пунктахъ, какъ напримѣръ, Цзиньчжоу и Пицзыво, гдѣ въ эти дни царитъ большое оживленіе. Обыкновенно купечество съ разрѣшенія властей выбираетъ распорядителя празника, который ѣздитъ верхомъ во главѣ процессій, одѣтый въ платье оффиціальнаго покроя, въ чиновничьей шапкѣ со стеклянной шишкой. Шапка жалуется ему на три дня изъ канцеляріи Ему присвоивается званіе «Дэнъ-лунъ-цзѣ-гуань»—Чиновникъ фонарнаго праздника, и онъ облекается нѣкоторой полицейской властью. Прежде всего онъ во главѣ драконовой процессіи объѣзжаетъ весь городъ или кварталъ, если городъ очень великъ, а потомъ все время наблюдаетъ за порядкомъ празднества. Эти дни ему оказываютъ шуточные знаки вниманія и почтенія.

Кромѣ первыхъ трехъ дней Новаго года и Фонарнаго праздника въ новогоднихъ праздникахъ нѣтъ никакой торжествественности, и они отличаются отъ обыкновенныхъ дней лишь тѣмъ, что туземцы ходятъ другъ къ другу въ гости и не работаютъ. Впрочемъ и эти дни китаецъ большею частью проводитъ въ семьѣ. Сидя передъ своимъ домомъ, онъ флегматично покуриваетъ трубку и разговариваетъ съ прохожими: съ своими домашними и односельчанами ему не о чемъ особенно бесѣдовать, а потому онъ и довольствуется незатѣйливымъ и молчаливымъ кейфомъ. Такъ обыкновенно длится до конца перваго мѣсяца, когда новогодніе праздники заканчиваются обычнымъ громомъ хлопушекъ и пусканіемъ ракетъ и снова начинается обычная трудовая жизнь. Къ послѣднимъ днямъ новогоднихъ праздниковъ можно отнести и 2-й день 2-го мѣсяца, называющійся Лунъ-тай-тоу (Драконъ подымаетъ голову).

Въ 16-й день 3-й луны чествують Духа горъ (Шань-шэнь), который почитается, какъ покровитель животныхъ и скота, поэтому китаецъ считаетъ долгомъ отправиться въ кумирню, чтобы возжечь куренія. Въ 4-мъ мѣсяцѣ 8-го 18-го и 28-го числа празднуются буддійскія божества Фо-ѣ (Будда), Шэнъ-му,— Нянъ-нянъ и Яо-ванъ (цѣлитель болѣзней).

Особеннымъ оживленіемъ и популярностью отличается празднованіе Шэнъ-му Нянъ-нянъ 18-го числа. Въ кумирняхъ, посвященныхъ этой богинѣ, подательницѣ благосостѣянія и дѣторожденія, собираются большія толпы народа, устраиваются театральныя представленія и даже маленькія ярмарки. Въ этотъ день разрѣшается и женщинамъ принимать участіе въ гуляніи. Въ 5-й день 5-ой луны (въ первой половинѣ іюня или въ концѣ мая) большой праздникъ Дуань-у-цзѣ считается какъ бы совпадающимъ съ серединой пути, ежегодно проходимаго землею вокругъ солнца. Туземцы въ этотъ день не работаютъ, проводятъ его въ разныхъ забавахъ и развлеченіяхъ, обильно ѣдятъ и конечно жгутъ не мало ракетъ и всякихъ гремящихъ огней. Въ 6-й день 6-ой луны чествуется Чунь-ванъ (покровитель шелкодѣлія).

7-й день 7-го мѣсяца называется Ци-цяо (моленіе объ удачѣ). «Въ этотъ день два божества» женское «Чжи-нюй» и мужское «Ніу-ланъ», «встрѣчаются между собою и опредѣляютъ людямъ удачу или неудачу въ дѣлахъ и предпріятіяхъ.“ Поэтому въ этотъ день принято молиться о благополучіи, гадать о исполненіи желаній и расклеивать повсюду надписи, гласящія о счасливыхъ предзнаменованіяхъ, какъ напримѣръ; „Благорастворенный воздухъ приноситъ благопріятныя предзнаменованія съ востока“ и „Ласкающій вѣтерокъ съ запада напоенъ предвѣщаніями благоденствія“ или „Звѣзда, предвѣщая счастье, блеститъ въ высо-

тѣ“. Обыкновенно, какъ надписи, такъ и всякія украшенія принято располагать въ симметріи, по парно. Одна лѣвая сторона въ честь мужскаго начала природы—Янъ, проявляющагося въ мужчинѣ, солнцѣ, свѣтѣ и всякой активной энергіи, другая—правая—въ честь женскаго начала—„Инь“, отражающагося въ женщинѣ, лунѣ, темнотѣ и въ пассивной энергіи. Въ честь Янъ и Инь китаецъ иногда носитъ на себѣ двойныя украшенія, напримѣръ, двое часовъ, изъ которыхъ одни онъ называетъ поэтому мужскими, а другіе женскими. Также и вазы, которыя ставятся для украшенія, называются—мужская и женская. Дѣлая китайцу подарокъ, лучше дарить ему парныя вещи, потому что „счастье зарождается въ гармоническомъ сочетаніи Янъ и Инь“.

15-го числа 8-го мѣсяца (въ сентябрѣ) празднуется Чжунъ-ціу-цзѣ, „Середина осени“. 9-е число 9-й луны называется „Чунъ-янъ“ и празднуется повсюду въ Китаѣ. Послѣ этого дня до Новаго года никакихъ праздниковъ не бываетъ. Чунъ-янъ обыкновенно начинается съ поминовенія усопшихъ, для чего ходятъ въ кумирню и на могилы, а затѣмъ весь этотъ день принято проводить въ прогулкахъ внѣ селеній. Этимъ обычаемъ какъ бы показывается, что слѣдуетъ воспользоваться послѣдними теплыми днями осени, послѣ которыхъ обыкновенно начинаются вѣтры и холода.

Кромѣ указанныхъ выше общепринятыхъ праздниковъ купцы и люди разныхъ профессій чествуютъ особыми празднествами своихъ боговъ-покровителей.

Неприсутственныхъ дней въ Китаѣ немного. Кромѣ дней поминовенія памяти Конфуція въ началѣ 2-й и 8-й луны, праздниковъ Чунъ-янъ и Дуань-уцзѣ, а также и новогоднихъ каникулъ, начинающихся съ отбытія Цзо-вана на небо и кончающихся празднова-

ніемъ Лунъ-вантъ-тоу (2-й день 2-й луны), неприсутственными днями признаются также и дни „многолѣтія особъ царствующаго дома“. Вступленіе на престолъ, называемое также „Хуанъ-шанъ вань-шоу“, т. е. многолѣтіе Государя, а также многолѣтіе Императрицы-супруги и Императрицы матери являются днями, празднуемыми не населеніемъ, а лишь чиновниками и лицами, имѣющими ученую степень, а также и всѣми состоящими при правительственныхъ учрежденіяхъ. Въ эти дни въ особыхъ помѣщеніяхъ передъ таблицами царствующихъ особъ совершаются мѣстнымъ чиновникомъ моленіе о продленіи ихъ жизни. Таблицы эти не именныя: на таблицѣ въ честь богдыхана написано „Да-хуанъ-шанъ вань-шоу“, вань-шоу т. е. Великому Августѣйшему повелителю десяти-тысячное долголѣтіе, десяти-тысячное долголѣтіе“.

Среднее мѣсто между праздниками и буднями занимають дни поминовенія усопшихъ. По обычаю каждый праздникъ, а также каждое 1 и 15 число слѣдуетъ чтить память предковъ и возжигать въ честь ихъ куренія на домашнемъ алтарѣ и на могилахъ. Кромѣ того рекомендуется въ эти дни отправляться въ ближайшую кумирню, чтобы тамъ помолиться объ усопшихъ родственникахъ. Помимо поминальныхъ празднествъ, устраиваемыхъ ежегодно одинъ или два раза въ каждой изъ кумиренъ, общей популярностью пользуется обычай поминовенія предковъ въ 15-й день 7-й луны и въ 1-й день 10-ой луны. Обыденные поминальные дни мало отличаются отъ будничныхъ. Что же касается до поминальныхъ празднествъ устраиваемыхъ обществомъ каждой кумирни отдѣльно, то они знаменуются большой торжественностью, веселіемъ и обильной ѣдой. Свиное мясо считается необходимой принадлежностью всякаго пиршества. Въ дни

поминальныхъ торжествъ, равно какъ и въ большiе праздники, при кумирняхъ устраиваются гулянья, театральныя, фокусныя и другiя представленiя.

Повидимому китайскiй театръ ведетъ свое происхожденiе отъ религiозныхъ обрядовъ, совершавшихся при погребальныхъ торжествахъ въ память предковъ. Драматическiя произведенiя китайцевъ черпаютъ свое содержанiе почти исключительно изъ героическихъ драмъ, не чуждыхъ, отчасти впрочемъ, и комическаго элемента. Комедiи и драмы изъ обыденной жизни представляютъ уже обращики позднѣйшаго творчества и по мнѣнiю китайскихъ критиковъ свидѣтельствуютъ объ упадкѣ драматичесскаго искуссва. По мнѣнiю публики комическiя пьесы и драмы изъ современной жизни также признаются несовмѣстными съ достоинствомъ истиннаго сценическаго искуства, а потому онѣ и неполучили широкаго развитiя.

Хотя театры, какъ постоянныя зданiя, строятся очень солидно, однако устройство самой сцены отличается крайней примитивностью. Постоянной театръ въ предѣлахъ занимаемой территорiи существовалъ только въ Портъ-Артурѣ; въ настоящее время онъ занятъ матросской чайной. Обыкновенный временный театръ, устраиваемый на нѣсколько дней тамъ, куда приглашается труппа странствующихъ актеровъ, представляетъ собою наскоро сдѣланную изъ циновокъ открытую сцену. Въ большихъ кумирняхъ съ внутренней стороны надъ главными наружными воротами строится портикъ изъ котораго обыкновенно, въ случаѣ надобности, и устраивается открытая сцена для театральныхъ представленiй. Занавѣса не имѣется: въ случаѣ надобности скрыть отъ взоровъ публики перемѣну декорацiи, по авансценѣ разставляется родъ

ширмъ, которыя однако закрываютъ сцену только отъ зрителей партера, но позволяютъ видѣть все тѣмъ, которыя сидятъ въ ложахъ второго этажа. Музыканты располагаются на самой сценѣ, обыкновенно у задней стѣны между двумя дверьми, черезъ которыя входятъ и выходятъ актеры. Оркестръ, акомпанирующій представленію, состоитъ изъ гонга, тарелокъ, большого котлобразнаго барабана, нѣсколькихъ инструментовъ похожихъ на скрипку и иногда 2-хъ, 3-хъ флейтъ и большихъ дудѣлокъ. Декорація отличается крайней примитивностью; она мѣняется соотвѣтственно ходу пьесы и большей частью прямо на глазахъ публики. Сценическіе пріемы отличаются весьма грубой аффектаціей и крайней условностью, такъ что для непривычнаго зрителя совершенно не понятны. Актеры, изображающіе злодѣевъ и порочныхъ людей, для отличительности имѣютъ особую наклейку на носу. Костюмы довольно богаты, разнообразны и соотвѣтствуютъ эпохѣ и роли дѣйствующаго лица.

Сценическое представленіе, по понятіемъ китайцевъ, непремѣнно должны быть опернымъ, а потому и называется „Чанъ-си“ (чанъ—пѣть, си—представленіе, зрѣлище). Всѣ драматическія мѣста поются, разговоры допускаются лишь въ комическихъ эпизодахъ и то происходитъ речитативами и голосу придается особая театральная дикція. Музыка аккомпанируетъ актеру и особенно въ патетическихъ мѣстахъ учащаетъ темпъ и становится настоящей какофоніей.

Впрочемъ нѣкоторые мотивы не лишены пріятности, и пѣніе, несмотря на крайнюю искуственность и своеобразность техники, исполнено чувства и иногда производитъ глубокое впечатлѣніе, въ особенности если ему соотвѣтствуетъ трагическое положеніе дѣй-

ствующаго лица. Кромѣ пѣнія отъ китайскаго актера требуется также и акробатическое искусство. Зачастую пьеса изображаетъ вооруженное столкновеніе нѣсколькихъ лицъ или стычку двухъ отрядовъ. Тутъ требуется показать самую удивитнльную эквилибристику съ оружіемъ и необычайные по трудности исполненія прыжки сальто-мортале. Театральное представленіе считается развлеченіемъ весьма полезнымъ и достойнымъ уваженія. Драматурги и композиторы прославляются наравнѣ съ учеными, но что касается до самихъ актеровъ, то общество смотритъ на нихъ съ крайнимъ предубѣжденіемъ, ставя ихъ также низко, какъ и публичныхъ женщинъ. Актеры обыкновенно, обучаются своему ремеслу съ малолѣтства. Ребенка пріобрѣтаютъ обыкновенно посредствомъ покупки или тайно похищаютъ его. Въ Сѣверномъ Китаѣ труппы состоятъ исключительно изъ мужчинъ; нѣкоторые изъ нихъ спеціально пріучены къ исполненію женскихъ ролей, и это является крайне предосудительнымъ въ глазахъ китайцевъ.

Хотя у китайцевъ довольно большое разнообразіе музыкальныхъ инструментовъ, но музыка [illegible] большого развитія и не пользуется особымъ уваженіемъ. Только „цинъ", родъ лютни, издавна пользуется въ странѣ почетомъ, и для ученаго считается большимъ достоинствомъ, если онъ умѣетъ распѣвать стихи и поэтичечкія произведенія, аккомпанируя себѣ на „цинѣ". Флейта не пользуется большимъ уваженіемъ. Пи-ба—родъ цитры—служитъ проституткамъ для услады посѣтителей. Ху-цинъ—родъ скрипки—употребляется большей частью для аккомпанимента при пѣніи. Въ оркестрѣ первое мѣсто занимаетъ гонгъ и волынка, а также и барабанъ. Всѣ музыкальные инструмен-

ты устроены грубо и требуютъ многихъ улучшеній и усовершенствованій. Шелковыя струны имѣютъ широкое распространеніе, а металическихъ почти совсѣмъ нѣтъ. Музыкальное соло исполняется очень рѣдко. Музыка употребляется почти исключительно лишь при театральныхъ и другихъ представленіяхъ, при свадебныхъ и похоронныхъ торжествахъ и какъ аккомпаниментъ при пѣніи. Кромѣ какъ о виртуозахъ игры на „цинѣ", о другихъ музыкальныхъ талантахъ въ Китаѣ не слышно.

Пѣніе, исключая театральнаго, также мало распространено въ странѣ. Хорового пѣнія нѣтъ совсѣмъ, а если нѣсколько человѣкъ и поютъ вмѣстѣ, то всегда въ одинъ голосъ. Мужчина, если онъ не актеръ, то рѣдко занимается пѣніемъ. Помимо пѣнія въ театрѣ, искусство это считается весьма умѣстнымъ въ проституткѣ. Хорошая пѣвица пользуется большой популярностью и постоянно приглашается на званые обѣды, гдѣ, конечно, присутствуютъ только однѣ мужчины, а женщины лишь изъ общедоступныхъ. Пользуясь извѣстностью и заработывая большія деньги, китайская пѣвица быстро поднимается въ курсѣ, дѣлается малодоступной, и тогда она кокетничаетъ и кружитъ головы мужчинамъ не хуже своихъ европейскихъ подругъ.

Что касается до самаго пѣнія, то хотя оно довольно мелодично и мотивы не лишены нѣкоторой своеобразной прелести, однако, говоря вообще, не особенно пріятно для европейскаго уха, тѣмъ болѣе что въ немъ преобладаютъ высокія ноты, и умѣніе пѣть фальцетомъ признается большимъ достоинствомъ. Гамма у китайцевъ въ музыкѣ и пѣніи пятитонная; хотя

и существуетъ подобіе нотъ, но обыкновенно учатся пѣнію на слухъ.

Танцы вовсе не существуютъ въ Китаѣ, если не считать за таковые пляску на ходуляхъ, исполняемую во время Фонарнаго праздника, а также и тѣ не многія тѣлодвиженія, которыми иногда сопровождается музыка и пѣніе.

Поэзія и живопись пользуется въ Китаѣ уваженіемъ и почитаются, какъ истинно изящныя искусства, дарованныя людямъ небожителями. Въ китайскомъ стихосложеніи рифмѣ не придается значенія, и основано оно на періодическомъ чередованіи звуковъ и тоновъ, замѣняющихъ удареніе въ китайскихъ словахъ, большей частью односложныхъ или составныхъ. Кромѣ того большимъ достоинствомъ считается такое чередованіе словъ, чтобы въ соотвѣтствующемъ стихѣ и мѣстѣ они согласовались между собою по внутреннему смыслу. Такъ напримѣръ, если іероглифъ означаетъ небо, то соотвѣтствовать ему могутъ іероглифы земля, адъ и т. п.; іероглифу, означающену живое существо, долженъ соотвѣтствовать подобный же; глаголъ, означающему состояніе души долженъ соотвѣтствовать также глаголу и также выражающій душевное состояніе.

Въ виду сложныхъ требованій, представляемыхъ теоріей поэзіи и стихосложенія, искусство слагать стихи доступно лишь людямъ основательно знакомымъ съ іероглифической письменностью и изящной словесностью. Поэтому извѣстные китайскіе поэты вмѣстѣ съ тѣмъ стяжали себѣ славу выдающихся ученыхъ и мыслителей. Китайцы полагаютъ, что стихи можно писать и не обладая поэтическимъ талантомъ.

Ученому вмѣняется въ обязанность знать теорію поэзіи и стихосложенія, а также умѣть въ случаѣ надобности писать „ши“ т. е. стихотворныя произведенія. Конечно, китайцы безусловно признають, что для созданія дѣйствительно талантливаго и выдающагося произведенія необходимо обладать даромъ поэтическаго творчества. и истинный поэтъ почитается избранникомъ небесъ.

Знакомство со стихами считается признакомъ образованности. Даже дѣвушки въ домахъ знатныхъ и богатыхъ китайцевъ заучиваютъ стихи или прямо съ книги, или со словъ, если они недостаточно знакомы съ іероглифами. Стихи читаются на распѣвъ извѣстной условной дикціей и тонированіемъ, и чтеніе это не лишено своеобразной прелести, особенно если оно аккомпанируется игрой на цинѣ. Лирическія произведенія отличаются истинной художественностью; драматическая поэзія мало доступна европейцамъ. Антологическая поэзія въ формѣ посвященій, короткихъ мадригаловъ и двустишій довольно широко распространена въ Китаѣ. Китайцы любятъ украшать свои дома изреченіями изъ поэтическихъ произведеній. Автографы извѣстныхъ писателей цѣнятся очень высоко и считаются лучшимъ художественнымъ украшеніемъ.

Китайская живопись отличается условностью и преимущественно черпаетъ свое содержаніе изъ исторіи или изображаетъ пейзажи, цвѣты, растенія и животныхъ. Жанровой живописи почти совсѣмъ нѣтъ. Лубочныя картины въ большомъ распространеніи, такъ какъ туземецъ любитъ украшать ими свои дома. Картины рисуются сепіей или акварелью; масляныя краски и пастель неизвѣстны китайскимъ художникамъ.

Скульптура существуетъ лишь въ формѣ кумировъ и украшеній для зданій, да маленькихъ статуетокъ. Этого искусства, какъ художественнаго выраженія мысли, не существуетъ. Китайская архитектура стоитъ на низкой степени развитія, и въ предѣлахъ занимаемой территоріи, кромѣ нѣсколькихъ кумирень, никакихъ образцовъ, достойныхъ вниманія, не являетъ. Дома туземцевъ строятся по шаблону и очень незатѣйливы. Двери и бумажныя окна обыкновенно обращены въ южную сторону; съ другихъ сторонъ стѣны глухія. Половину каждой жилой комнаты занимаетъ „канъ“ т. е. теплая лежанка. Канъ устраивается обыкновенно вдоль южной стѣны дома и служитъ для туземца постелью. Зачастую впереди входныхъ воротъ или внутри двора строится стѣнка съ лѣпнымъ или писаннымъ іероглифомъ „Фу“—счастье. Этотъ обычай особенно распространенъ у знаменныхъ, которые увѣряютъ, что стѣнки эти препятствуютъ злымъ духамъ проникать въ домъ.

Одинаковымъ уваженіемъ съ поэзіей и живописью пользуется игра въ шахматы, распространенная, хотя и не въ значительной мѣрѣ, даже среди простонародья. Китайцы говорятъ, что боги постоянно развлекаютъ себя этой игрой и что небожители научили этому искусству государей глубокой древности, къ которымъ они относились очень дружелюбно. По понятію туземца 9 знаній имѣютъ божественное происхожденіе и дарованы людямъ съ небесъ: конфуціанская доктрина, медицина, искусство опредѣлять „фынъ-шуй“, даръ отгадывать судьбу человѣка, умѣніе рисовать сепіей, умѣніе рисовать картины краской, буддійское ученіе, даосизмъ, и наконецъ игра на цинѣ и въ шахматы.

Фынъ значитъ вѣтеръ, шуй—вода. Подъ названіемъ фынъ-шуй туземецъ понимаетъ извѣстное сочетаніе климатическихъ, атмосферныхъ и вообще физическихъ явленій на судьбу человѣка. По представленію туземца каждое мѣсто имѣетъ свой фынъ-шуй. Иногда фынъ-шуй неблагопріятный для однихъ, очень благодѣтеленъ для другихъ. Есть мѣстности, гдѣ фынъ-шуй хорошъ или дуренъ вообще. Появленіе иностранцевъ, по мнѣнію китайцевъ, всегда нѣсколько портитъ фынъ-шуй мѣстности. Выбирая мѣсто для поселенія или для постройки дома, а также предпринимая что нибудь, новое, туземецъ прежде всего считаетъ необходимымъ опредѣлить фынъ-шуй. Если случится въ семьѣ или въ селеніи рядъ несчастій, то причину этого ищутъ въ фынъ-шуѣ, и если онъ неблагопріятенъ вообще, то слѣдуетъ немедленно переселиться въ другое мѣсто съ болѣе благопріятнымъ фынъ-шуемъ. Люди, обладающіе искусствомъ опредѣлять фынъ-шуй, пользуются большимъ уваженіемъ. Обыкновенно это ученые или пожилые люди, постигнувшіе свое искусство изученіемъ книгъ или глубокимъ опытомъ и бесѣдами съ компетентными людьми. Нѣкоторыя указанія относительно фынъ-шуя и счастливыхъ дней, которые благопріятны для жертвоприношеній и всякихъ начинаній, даются оффиціальнымъ календаремъ, издаваемымъ астрологическимъ приказомъ ученыхъ.

Гаданіе считается занятіемъ очень почетнымъ, оно совершается по особымъ указаніямъ, даннымъ въ книгахъ мудрецовъ и также требуетъ учености и знакомства съ письменностью. Впрочемъ, не всѣ вѣрятъ гаданіямъ, да и сами гадатели не всегда убѣждены въ силѣ своего искусства.

Обычаи, соблюдаемые туземцами при родинахъ, бракѣ и похоронахъ отличаются большой своеобразностью. Рожденіе перваго ребенка, въ особенности сына, приноситъ большую радость не только родителямъ, но и всему семейству, такъ какъ стать дѣдомъ или бабушкой, дядей или теткой считается очень почтеннымъ. Благодаря раннимъ бракамъ у туземцевъ нерѣдко можно встрѣтить семью изъ четырехъ, пяти и даже шести поколѣній, т. е. гдѣ старшій членъ семьи имѣетъ не только правнуковъ, но правнуки имѣютъ малолѣтнихъ внуковъ. Дожить до такой радости и благоденствія считается большимъ счастьемъ.

Рожденіе ребенка празднуется домашнимъ пиршествомъ, на которое приглашаются родственники, свойственники и хорошіе знакомые. Всякій приноситъ какой нибудь подарокъ. Какъ всякое празднество, такъ и это семейное торжество, знаменуется грохотомъ хлопушекъ и ракетъ и наклеиваніемъ надписей, сулящихъ счастье новорожденному.

Первый мѣсяцъ родильница не выходитъ изъ дома, ухаживаетъ за малюткой и считается нечистой, а потому крайне доступна вліянію злыхъ духовъ. На этомъ основаніи она тщательно скрывается отъ взоровъ посторонняго, малознакомаго человѣка. Мѣсяцъ спустя послѣ родинъ, родители отправляются на поклоненіе въ сосѣднюю кумирню, а также и на могилы предковъ.

Нареченіе имени не считается у туземцевъ важнымъ актомъ. Каждый имѣетъ нѣсколько именъ. Дѣтское имя дается родителями или домашними и остается до вступленія въ школу или въ бракъ, или до достиженія 18 20 лѣтняго возраста. Ребенка называютъ именемъ, ка-

кое придется. Напримѣръ, мальчиковъ называютъ—Козликъ, Собачка, Цвѣтокъ, Маленькій, Курносой, Третій, Пятый или Девятый, а также Сынъ радости, Внукъ добродѣтели, Счастливое предзнаменованіе, или Прыткій, Шалунъ и т. п. Дѣвочкамъ даютъ болѣе нѣжныя имена; напримѣръ: Незабудка, Бѣленькая, Курочка, Иволга, Крылышко иволги, Пышечка, Яичко, а также Дочь счастья, Дочь богатства или Вторая, Третья. Имена по порядку рожденія дольно часты у дѣвочекъ. Дѣтское имя сохраняютъ за дѣвушкой обыкновенно до просватыванія или выхода замужъ. Мужъ или родственники мужа иногда даютъ другое имя. Въ оффиціальныхъ сношеніяхъ и перепискѣ женщины называются не иначе какъ по мужу, отцу или брату; вообще собственными именами женщинъ называютъ довольно рѣдко. Такъ напримѣръ, Ліу-ма-ши, или Чжоу-цзинь-ши- гуа-фу, или Ліу-мао-сянъ эрръ-гу означаютъ—по мужу Ліу, изъ семьи Ма; или вдова по мужу Чжоу изъ семьи Цзинь, или вторая дочь Ліу-мао-сяна. Публичныя женщины имѣютъ имена очень громкія и красивыя, подносимыя имъ ихъ поклонниками, напримѣръ: Богиня радости, Божественная, Очаровательная, Восхитительная, Небожительница, Неоцѣненная прелесть, Приносящая радость. и т. .

Поступая въ школу, мальчикъ получаетъ новое школьное имя. Приходя въ возрастъ или вступая въ бракъ, молодой человѣкъ получаетъ еще имя, которое и остается за нимъ на всю жизнь и которое считается собственно настоящимъ именемъ. Въ именахъ Чжоу-минъ-юнь, Чжоу-минъ-сянъ, Чжоу-минъ-дэ, Чжоу-минъ-фу, Ло-би-дэ, Шао-сюй-цзенъ—первые іероглифы Чжоу, Ло, Шао изначаютъ фамилію, вторые два—собственное имя—Свѣтлое облако, Свѣтлое предзна-

менованіе, Свѣтлая добродѣтель, Свѣтлое счастье, Непремѣнно достигну, Связанный узами родства. Обыкновенно имена братьевъ имѣютъ первые іероглифы имени одинаковыми, какъ только что указано. Чиновники при вступленіи въ должность, ученые при полученіи ученой степени, также получаютъ отъ своихъ начальниковъ и сотоварищей имена, говорящія о ихъ служебныхъ и ученыхъ достоинствахъ.

Кромѣ имени большинство китайцевъ имѣютъ еще и прозвище (хао). Это хао принято употреблять въ дружескомъ обращеніи, и въ частной перепискѣ и вообще при неоффиціальныхъ сношеніяхъ съ лицомъ. Торговыя фирмы, лавки, гостинницы и рестораны также имѣютъ всегда очень громкія имена. Давая чему нибудь громкое имя, китаецъ дѣлаетъ это не изъ хвастовства, а изъ желанія чтобы предметъ обладалъ тѣми свойствами о которыхъ его имя гласитъ какъ о девизѣ. Такъ имена торговыхъ фирмъ: Цзинь-фынъ-тай, Шэнъ-тай, Фу-шунь-ченъ означаютъ „Возрастающее золотое изобиліе", „Цвѣтущій и возрастающій", „Благопріятствуемый счастіемъ и изобилующій". Гостинницы носятъ названія: „Вѣчный миръ" (Юн-хо) „Великое спокойствіе" (Тай-пинъ), „Добродѣтельный покой" (Шань-ань); рестораны называются: „Собраніе небожителей" (Сянь-хуй), „Радостное веселіе". (Ло-си) и т. п.

Кромѣ прозвища (хао) люди, прославившіеся на какомъ нибудь поприщѣ—ученомъ, служебномъ, или какъ художники и поэты, имѣютъ еще (цзы-ръ) или наименованіе; такъ напримѣръ, Конфуцій (Кун-фуцзы) имѣетъ цзыръ Никэ, т. е. „Пекущійся объ исполненіи долга

Всѣ эти имена, прозвища, наименованія, даются обыкновенно на пиршествахъ, устраиваемыхъ по случаю всѣхъ выдающихся событій въ жизни, а потому они, сдѣлавшись сразу извѣстными почти всѣмъ друзьямъ и знакомымъ быстро усваиваются ими и укрѣпляются за тѣмъ лицомъ, которому даны.

Когда дѣти подростаютъ, то родители должны позаботиться о пріисканіи жениха или невѣсты. Обыкновенно 14—15 лѣтніе подростки уже просватываются, но зачастую просватываніе бываетъ и въ гораздо болѣе раннемъ возрастѣ. Хотя женихъ и невѣста по обычаю не должны видѣться до свадьбы, но часто съ согласія и при посредствѣ родственниковъ они находятъ случай посмотрѣть другъ на друга до свадьбы, но никоимъ образомъ не позволяютъ видѣться несговореннымъ молодымъ людямъ, потому что это сильно компрометтируетъ дѣвушку и ея родителей.

Обычай не считается предосудительнымъ, чтобы родители сами или черезъ знакомыхъ предлагали свою дочь въ невѣсты родителямъ молодого человѣка. Но оффиціально сватовство (бао-мэй) ведется только со стороны жениха. Сваты, обыкновенно близкіе родственники и знакомые, рѣдко сами родители,—приходятъ въ домъ дѣвушки и начинаютъ отдаленный разговоръ о томъ, о семъ. Но такъ какъ обыкновенно уже раньше бываетъ извѣстно, по какому случаю пришли гости и на домашнемъ совѣтѣ уже рѣшено какой отвѣтъ дать имъ, то, когда заговариваютъ о сватовствѣ, родители попечители дѣвушки должны сразу дать понять гостямъ, какъ они принимаютъ ихъ посѣщеніе. Если сваты видятъ, что родители не расположены къ нимъ, то должны уклониться отъ

дальнѣйшаго разговора о цѣли своего прихода. Если же видятъ, что ихъ предложеніе будетъ принято, то ясно высказываютъ отъ кого пришли, говорятъ о достоинствахъ молодого человѣка и его семьи и о томъ которую изъ дѣвушекъ въ домѣ они желали бы просватать.

Обязанности сватовъ довольно трудны: нетактичное поведеніе ихъ можетъ разсорить семейства, до того дружныя между собою. Поэтому туземцы и говорятъ: „Не быть сватомъ, не быть поручителемъ, гдѣ сыскать такое вольное житье". Хотя обязанность сватовъ значительно упрощается тѣмъ что, приданнаго, играющаго въ Европѣ такое большое значеніе, въ Китаѣ, не существуетъ. Женщина здѣсь безправна: уходя изъ семьи, она теряетъ съ ней связь и всякія имущественныя права Конечно, иногда богатая семья, выдавая дѣвушку за бѣдняка, беретъ на себя, вопреки обычаю, свадебные расходы и подарки, а также и помогаетъ ей деньгами послѣ выхода замужъ. Но обыкновенно мужчина не имѣетъ никакого основанія искать себѣ невѣсту изъ богатаго дома, потому что онъ болѣе можетъ расчитывать на отказъ, а въ случаѣ если его предложеніе принято, то онъ станетъ, благодаря своей бѣдности, въ неловкое и зависимое положеніе отъ жены. Поэтому въ Китаѣ ищутъ не богатыхъ невѣсть, а жениховъ изъ богатыхъ семей, и не сами дѣвушки, а ихъ родители; такъ какъ, выдавая свою дочь замужъ въ богатую семью, они могутъ быть увѣрены, что она не будетъ терпѣть нужды и лишеній. Однако излишняя заботливость родителей о матеріальномъ благосостояніи жениха не одобряется общественнымъ мнѣніемъ. Не даромъ китайская пословица говоритъ относительно сватовства: „Кто умѣетъ

выбирать, тотъ выбираетъ мужчину, кто не умѣетъ сдѣлать выбора, тотъ ищетъ богатства».

Когда сватавство принято, то семейство жениха дѣлаетъ родителямъ невѣсты небольшіе подарки и условливается о днѣ сговора. Сговоръ—„динь-цинь“, т. е. установленіе свойства,—считается важнымъ актомъ и равносиленъ обрученію. Обыкновенно въ день сговора въ домѣ невѣсты устраивается пиршество и приглашаются свои родные, а также и родственники жениха. Въ этотъ день родителямъ жениха разрѣшается взглянуть на свою будущую невѣстку. За пиршествомъ объявляется во всеуслышаніе о принятомъ предложеніи, о днѣ свадьбы, о порядкѣ празднованія и проч. Родители условливаются о томъ, какіе подарки должны быть сдѣланы невѣстѣ, съ какой торжественностью будетъ отпразднована свадьба и когда именно. Чѣмъ больше подарковъ и чѣмъ торжественнѣе свадьба, тѣмъ болѣе почетнымъ считается это для семьи жениха и ея родственниковъ; поэтому они заботятся, чтобы родные жениха не были чрезмѣрно скупы и исполнили все, къ чему ихъ обязываетъ обычай.

Передъ днемъ, назначеннымъ для свадьбы, подарки въ торжественной церемоніи относятся въ домъ невѣсты. Богатые нанимаютъ для этого музыку, носильщиковъ флаговъ и прочее. Самая свадьба называется по отношенію къ невѣстѣ „чумынь“ т. е. выходить изъ дому, а по отношенію къ жениху „цюй си-фурръ“—выходитъ къ женѣ; она получила такое двойственное наименованіе вслѣдствіе порядка, соблюдаемаго при этомъ празднествѣ. Невѣста, предшествуемая музыкантами „знаменосцами“, фонарями,

людьми переносящими, ея имущество и сдѣланные подарки, и сопровождаемая матерью, родными, свойственниками и знакомыми, переходитъ въ домъ жениха, который вмѣстѣ съ братьями и друзьями долженъ выйти встрѣтить эту процессію и просить мать невѣсты пожаловать со своей дочерью къ нему въ домъ. Если есть старшій братъ, то обыкновенно это приглашеніе дѣлаетъ онъ. Невѣста и ея мать передвигаются въ особомъ парадномъ паланкинѣ или въ крытой двухъ-колесной повозкѣ съ краснымъ низомъ, съ красными колесами и запряженной бѣлой лошадью. По прибытіи въ домъ жениха, невѣста встрѣчается его родителями и потомъ дѣлаетъ вмѣстѣ съ женихомъ земные поклоны (кэ-тоу) передъ домашнимъ алтаремъ, затѣмъ передъ его и своими родственниками по восходящей линіи. Послѣ этого молодая чета становится около накрытаго стола, выпиваетъ сочетательную чару и затѣмъ принимаетъ отъ присутствующихъ поздравленія и всякія блогопожеланія, уже какъ мужъ и жена. По окончаніи всей этой процедуры молодую отводятъ на женскую половину, гдѣ она знакомится съ родственницами мужа; здѣсь ей зачесываютъ голову, уже какъ замужней женщинѣ. На женской половинѣ невѣста остается безвыходно до вечера, принимая поздравленія приходящихъ женщинъ. Молодой въ это время обязанъ ухаживать за родителями жены и другими почетными гостями. Пиршество идетъ до глубокой ночи. Музыка, ракеты, всякія хлопушки, свѣженалѣпленныя „счастливыя" надписи и фонари возвѣщаютъ всѣмъ прохожимъ о большой семейной радости. Свадьба самой большое торжество въ жизни китайца, а потому всякій старается отпраздновать ее возможно шумнѣе и веселѣе, Съ наступленіемъ ночи женщины отводятъ молодую въ отдѣльную,

чисто убранную и украшенную комнату (дунъ-фанъ) и оставляютъ ее одну дожидаться молодого, который не замедливаетъ явиться. Съ уходомъ жениха гости начинаютъ веселиться напропалую, желая новобрачнымъ всякихъ радостей. Оставшись наединѣ съ женою, молодой впервые имѣетъ случай хорошенько разсмотрѣть ее, но разговориться съ ней ему не удается, потому что, не привыкши къ постороннимъ мужчинамъ, она, конечно, очень стыдится, пока не привыкнетъ къ своему новому положенію. Зачастую молодые бываютъ очень разочарованы другъ другомъ, но бракъ уже совершенъ, и возврата къ прежнему нѣтъ.

На другое утро пиршество продолжается. Молодая выходитъ къ гостямъ и обноситъ ихъ трубкою. Въ это время принято дѣлать ей небольшіе подарки. На третій день родители невѣсты обыкновенно покидаютъ домъ новобрачныхъ, и отъѣздъ ихъ сопровождается громкой музыкой и взрывами хлопушекъ. Черезъ нѣсколько дней молодая чета и родители мужа отправляются въ семью новобрачной, гдѣ устраивается пиршество и всякое торжество. Вскорѣ послѣ свадьбы молодая должна вмѣстѣ съ своими родителями посѣтить кладбище и поклониться праху предковъ своего мужа. Тоже самое должно быть исполнено и со стороны молодого при первомъ посѣщеніи дома жены.

Обряды, совершаемые при смерти имѣютъ еще болѣе важное значеніе для туземца, чѣмъ брачныя церемоніи. Нерѣдко случается, что китаецъ заранѣе готовитъ для себя надежный гробъ и откладываетъ опредѣленную сумму на устройство похоронъ. Всѣмъ извѣстно, что знаменитый Лихунчанъ имѣетъ гробъ изъ чернаго дерева и всюду возитъ его за собою.

Родственники умершаго всячески заботятся о томъ, чтобы съ возможной корректностью исполнить свой послѣдній долгъ въ отношеніи умершаго. Тотчасъ послѣ смерти его одѣваютъ въ лучшія одежды, стригутъ ему ногти, умываютъ ему лицо и руки. Всѣ домашніе одѣваютъ трауръ—бѣлыя одежды и повязки на голову—и спѣшатъ поклониться его смерти. Воздерживаться въ проявленіи печали объ умершемъ признается излишнимъ: напротивъ, всякая аффектація горя и громкій плачъ считаются весьма приличными случаю и угодными душѣ покойника. Иногда даже нанимаются особыя плакальщицы.

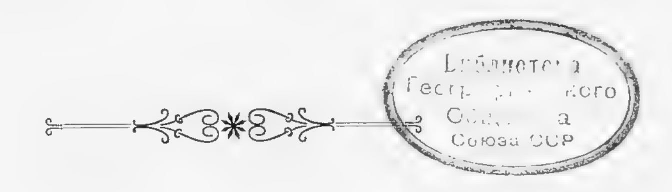
Вдосталь наплакавшись надъ тѣломъ умершаго, родственники и знакомые его съ плачемъ и завываніемъ идутъ въ кумирню, предшествуемые мальчикомъ-родственникомъ покойнаго, который, ударяя въ гонгъ, заунывными звуками далеко даетъ знать о печальномъ шествіи. На третій или четвертый день покойника кладутъ въ гробъ и приглашаютъ изъ кумирни монаха для чтенія молитвъ, сопровождаемаго ударамъ въ гонгъ, а въ богатыхъ домахъ и заунывной музыкой. Гробы у китайцевъ дѣлаются изъ толстыхъ досокъ, тяжелая крышка плотно, даже можно сказать, герметически закрываетъ гробъ. Очень цѣнятся гробы изъ дуба, а въ особенности изъ чернаго, камфарнаго и другаго дорогаго дерева. Потратить большія деньги на гробъ не считается мотовствомъ. Гробъ, кромѣ того что плотно закрывается, обыкновенно обмазывается еще по всѣмъ щелямъ. Въ бѣдныхъ семьяхъ покойникъ, положенный въ гробъ, остается въ домѣ 4—7 дней, а у богатыхъ иногда около года, помѣщаясь или въ самомъ домѣ, или около дома во дворѣ, или на улицѣ.

Въ ночь передъ выносомъ въ домѣ никто не спитъ, проводя время, въ поминальной трапезѣ, плачѣ и молитвахъ объ умершемъ. Передъ выносомъ, когда гробъ поставленъ на носилки, сыномъ или ближайшими родственниками покойнаго дѣлаются послѣднія жертвенныя куренія и возліянія. Затѣмъ, обращаясь къ душѣ умершаго, ее молятъ переселиться въ особо заготовленную деревянную табличку, на которой пишется посмертное имя покойнаго. Переходъ души въ табличку составляетъ весьма важный актъ похоронъ. Табличка эта по окончаніи погребенія приносится обратно въ домъ умершаго и ставится на домашній алтарь для поклоненія духу усопшаго.

Самый выносъ происходитъ при оглушительной какофоніи завываній и плача, грома ракетъ и хлопушекъ и раздирающей уши музыки и ударовъ въ гонгъ. Гробъ несется на громадныхъ погребальныхъ носилкахъ подъ балдахиномъ: у богатыхъ носилки эти декорированы дорогими матеріями и до того велики, что ихъ несутъ нѣсколько десятковъ человѣкъ, имѣющихъ еще двѣ три смѣны. Передъ гробомъ шествуетъ длинная процессія музыкантовъ, флажниковъ и т. п., а также несется бѣлый паланкинъ или ѣдетъ бѣлая повозка, предназначаемые для таблички, на которой написано его имя. Гробъ опускается въ могилу при громѣ выстрѣловъ и завываніяхъ оркестра, который у бѣдныхъ замѣняется гонгомъ. Послѣ этого похоронная процессія возвращается въ домъ усопшаго. Посмертная табличка его съ особыми молитвами ставится на домашній алтарь, а затѣмъ, поплакавъ еще разъ о покойномъ, начинаютъ поминки, которыя, кромѣ совершенія религіозныхъ обрядовъ, заключаются въ ѣдѣ и питьѣ.

Въ день выноса въ домѣ и во дворѣ умершаго наклеиваются бѣлыя надписи, свидѣтельствующія о его доблестяхъ и о печали, въ какую повергнула всѣхъ его смерть. Въ этотъ же день, или наканунѣ, въ въ кумирнѣ, или на могилѣ умершаго, сжигаются сдѣланныя изъ бумаги подобія денегъ, людей и животныхъ; у богатыхъ устраивается цѣлая процессія изъ предметовъ, сдѣланныхъ изъ бумаги.

Послѣ смерти сынъ покойнаго и ближайшіе его родственники должны носить трауръ. Время и порядокъ ношенія траура установлены особыми положеніями, несоблюденіе которыхъ влечетъ не только порицаніе общества, но и оффиціальное преслѣдованіе. За смертью сыновей, обязанность носить трауръ по умершимъ переходитъ на старшаго внука. Чиновникъ для ношенія траура обязанъ отказаться отъ исполненія служебныхъ обязанностей; впрочемъ для чиновниковъ, дѣятельность коихъ признается весьма полезной, дѣлаютъ разныя льготы и облегченія въ отбытіи срока обязательнаго траура. Ученые не могутъ быть допускаемы во время траура къ конкурснымъ экзаменамъ. Если чья либо жена зачнетъ во время ношенія траура, то это считается крайне предосудительнымъ. Во время траура признается неприличнымъ участвовать въ какихъ либо празднествахъ и другихъ торжествахъ, кромѣ похоронъ и поминокъ.

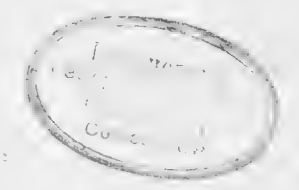
Замѣченныя опечатки.

Напечатано:	Слѣдуетъ читать:	Стр.	Строка.
минованій	минованіи	III	7 сверху.
эбрашная	обратная	1	1 »
не берегъ	на берегъ	2	8 »
тузецы	туземцы	»	10 »
рекгносцировочныхъ	рекогносцировочныхъ	»	3 снизу.
привилигированнаго	привиллегированнаго	3	12 сверху.
неблагодарны	неблагородны	»	5 снизу.
крайнѣ	крайне	4	17 сверху.
друхъ	другихъ	»	9 снизу.
не винности	невинности	5	14 сверху.
окаторыхъ	а которыхъ	»	15 »
всемъ	всѣмъ	»	8 снизу.
тузецамъ	туземцамъ	6	5 сверху.
полику	политику	»	2 снизу.
расбойниковъ	разбойниковъ	»	18 »
какажется	кажется	»	9 снизу.
псодолжала	продолжала	9	17 сверху.
сластей	властей	»	21 »
прапаганда	пропаганда	»	7 снизу.
которымъ	которыми	»	3 »
принебрегали	пренебрегали	»	1 »
литеромъ	литерой	11	1 »
воочіо	воочію	12	3 сверху.
предовращалъ	предотвращалъ	»	11 »
Вогако	Вогака	13	1 »
дальнѣйшія	дальнѣйшіе	»	2 »
ноябся	ноября	»	6 »
крайне	крайней	»	11 »
Собутича	Суботича	»	15 »
поддержавшій	поддерживавшій	»	17 »
взолнованне	взволнованные	»	20 »
продстоящемъ	предстоящемъ	»	20 »
обнарушив-	обнаружив-	»	1 снизу.
русскихъ	русскимъ	14	2 сверху.
пѣлью	цѣлью	»	19 »
постановленіе	постановленія	»	25 »
пртяженіи	протяженіи	15	8 »
нромежуточными	промежуточными	»	11 »
обнаружились	обнаружилось	»	14 »
грежданской	гражданской	15	26 сверху.
стоястояло	стояло	16	16 »

Напечатано:	Слѣдуетъ читать:	Стр.	Строка.
китайіскя	китайскія	17	1 сверху.
непосрндственное	непосредственное	»	3 »
иругихъ	другихъ	»	7 »
страпѣ	странѣ	18	18 »
нринятія	принятія	»	23 »
главнымъ	главнымъ образомъ	»	25 »
обусловлись	обусловились	»	31 »
сочувствіѣ	сочувствіе	19	3 »
вниманія	взиманія	»	5 »
зз	за	»	10 »
народа	недорода	»	7 снизу.
узурпутаромъ	узурпаторамъ	20	8 »
терризированное	терроризованное	»	6 »
Насслелепіе	Населеніе	»	2 »
русрусская	русская	20/21	1 »
долж-	должно	21	6 »
рускіе	русскіе	»	2 »
нграло	игралъ	23	7 »
параллеьно	параллельно	24	3 сверху.
всѣдствіе	вслѣдствіе	»	20 »
влініе	вліяніе	»	20·21 »
Цзиьчжоускихъ	Цзиньчжоускихъ	»	21 »
очевидно	Очевидно	»	5 снизу.
Явленіе	Явленія	25	9 сверху.
1)	*не числить*	»	14 »
неоказалось	не оказалось	»	21 »
обусловливается	обусловливаются	»	3 снизу.
Воонще	Вообще	26	10 сверху.
китайскимъ	*не числить*	»	15 »
Мугдиской	Мукденской	»	18 »
къ	съ	»	19 »
мѣнѣе	менѣе	»	3 снизу.
солидирныя	солидарныя	28	15 »
благосостояоія	благосостоянія	»	7 »
столько	сколько	»	1 »
пронивъ	противъ	29	6 сверху.
мѣстносаи	мѣстности	30	6 »
довольствовоться	довольствоваться	31	5 »
читовниковъ	чиновниковъ	»	6 снизу.
поставить	поставитъ	33	17 сверху.
сообщенія	сообщеніе	»	3 снизу.
оставшихся	оставшимся	35	12 сверху.
пустопорожнтхъ	пустопорожнихъ	»	18 »
воиманіе	вниманіе	»	19 »
Кеантунской	Квантунской	»	25 »
рабочихъ	рабочимъ	38	7/8 »

Напечатано:	Слѣдуетъ читать:	Стр.	Строка.
направляяться	направляться	41	9 сверху.
предпринутую	предпринятую	43	12 снизу.
торриторіи	территоріи	46	19 сверху.
каннеляріи	канцеляріи	»	20 »
за гробная	загробная	51	4 »
поклоняешся	поклоняешься	54	15 »
дѣйствютельно	дѣйствительно	»	16 »
выражающая	выражающаяся	57	2 »
исполненіе	исполненіи	»	3/4 »
въ	къ	58	9 »
ученіи	ученіе	59	16 »
обратиться	обратиться	60	9 »
нѣкоторое	нѣкоторые	»	10 »
Это	Этотъ	»	17 »
приказовъ	примѣтъ	»	19 »
ся	ся	61	1 »
экзамецахъ	экзаменахъ	65	5 снизу.
нравстве ности	нравственности	67	10 »
занима мой	занимаемой	68	10 сверху.
заннмаемой	занимаемой	»	17 »
особые	особыя	»	12 снизу.
цроникнуты	проникнуты	69	4 »
возбуждающія	возбуждающая	70	4 сверху.
чтутся	чтется	»	5 »
стоящихь	стоящихъ	»	20 »
нравственныя	нравственные	72	8 снизу.
началосъ	нач лось	74	9 сверху.
образованныяъ	образованныхъ	»	3 снизу.
права-	правами	80	11 сверху.
содержиться	содержится	»	15 »
которыя	которые	»	11 снизу.
неуядицахъ	неурядицахъ	82	1 сверху.
подсказываютъ	подсказываетъ	»	13 снизу.
никвизиціи	инквизиціи	83	1/2 сверху.
являесся	является	»	13 снизу.
обязанности	обязанностей	84	8 сверху.
предосудительномъ	предосудительнымъ	»	15 »
скоро	скорѣе	86	9 снизу.
дѣлятси	дѣлятся	87	6 »
молоди	молода	88	5 сверху.
вступленіе	вступленіемъ	91	8 »
дѣвушкя	дѣвушка	94	2 снизу.
прописываетъ	прин..ываетъ	95	6 снизу.
условіяха	условіяхъ	96	9 сверху.
инстиктивно	инстинктивно	96	12 снизу.
жиснь	жизнь	100	14 сверху.

Напечатано:	Слѣдуетъ читать:	Стр.	Строка.
порогъ	порокъ	104	15 снизу.
въ	съ	104	1 »
игорнагу	игорнаго	108	8 »
дисциплированы	дисциплинированы	112	13 сверху.
территоризированіемъ	терроризированіемъ	115	11 снизу.
болѣзнѣй	болѣзней	119	5 сверху.
экскулапамъ	эскулапамъ	123	2 снизу.
имѣющимъ	имѣющихъ	125	12 »
обоихъ	обѣихъ	126	15 сверху.
счичается	считается	130	14 »
и	изъ	133	8 »
дѣйсвительно	дѣйствительно	134	15 »
женщинами	женщинами	»	6 снизу.
украшенію	украшенія	135	8 сверху.
всѣму	всему	»	16 »
являюття	являются	136	11 »
наступаотъ	наступаетъ	137	18 »
концемъ	концомъ	141	12 снизу.
празника	праздника	142	4 сверху.
благосостбянія	благосостоянія	143	11 »
счасливыхъ	счастливыхъ	»	6 »
искуссва	искусства	146	13 »
понятіемъ	понятіямъ	147	14 снизу.
должны	должно	»	15 »
удивитнльную	удивительную	148	5 сверху.
дольно	довольно	155	9 »
изначаютъ	означаютъ	»	2 снизу.
сватавство	сватовство	159	3 сверху.
усопшато	усопшаго	163	6 снизу.

КАРТА
КВАНТУНСКАГО ПОЛУОСТРОВА
СОСТАВИЛЪ
Генеральнаго Штаба Капитанъ Запольскій
1899 ГОДЪ.
ЦЗИНЬ-ЧЖОУ
ДА-ЛИН-ВАНЬ
ПОРТАРТУРЪ
Бухта Луизы
Голубиная бухта
Бухта Тахэ
Бухта Викторія
Масштабъ
1:84000
2
4
6 верс
Печатано въ типо-литографіи газеты „Новый Край"
въ Портъ-Артуръ.

